

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

HANS CHRISTIAN
ANDERSEN

ХАНС КРИСТИАН
АНДЕРСЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ПОДГОТОВЛЕНО СОВМЕСТНО
С ЮБИЛЕЙНЫМ КОМИТЕТОМ
«ХАНС КРИСТИАН
АНДЕРСЕН –
2005»

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ПЕРЕВОД С ДАТСКОГО:

А. ЧЕКАНСКОГО

ПРИМЕЧАНИЯ
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
ХАНСА КРИСТИАНА АНДЕРСЕНА:

А.СЕРГЕЕВА

МОСКВА «ВАГРИУС» 2005

УДК 860-312.6
ББК 84 (4 Дан.)
А 65

Дизайн В.Гусейнова

На обложке — портрет Ханса Кристиана Андерсена
работы Альберта Кюхлера

Издательство благодарит Музей Х.К.Андерсена г. Оденсе
за предоставленные фотографии

Андерсен Х.К.
А 65 Собрание сочинений в 4 т. / Ханс Кристиан Андерсен. — М. : Вагриус, 2005

Т. 4. : Жизнеописание. Примечания к собранию сочинений
Ханса Кристиана Андерсена в 4 томах. — 336 с. : ил.

ISBN 5-9697-0001-0
ISBN 5-9697-0030-4 (Т. 4)

Ханс Кристиан Андерсен (1805—1875) — великий датский писатель,
чье творчество навечно вошло в золотой фонд мировой культуры.
В 2005 году по решению ЮНЕСКО весь мир отмечает юбилей — 200 лет
со дня его рождения. К этой знаменательной дате подготовлено данное 4-томное
собрание сочинений Х.К.Андерсена.
В четвертый том вошли его автобиография «Жизнеописание» и примечания
к собранию сочинений, подготовленные А.Сергеевым.

УДК 860-312.6
ББК 84 (4 Дан.)
А 65

ISBN 5-9697-0001-0
ISBN 5-9697-0030-4 (Т. 4)

С кем бы я ни встречался, с кем бы ни разговаривал,
пусть даже всего один-единственный раз,
лицо моего собеседника в мельчайших деталях, словно
зеркальное отображение, запечатлевается у меня в памяти.
А вот своего лица, хотя Господу Богу
да и всему свету известно, что я довольно часто
смотрюсь в зеркало, я не помню.
То же касается и душевных свойств. Мне кажется,
что я имею представление — и даже очень четкое представление
о характере большинства моих знакомых.
Собственная же моя душа остается для меня
совершенными потемками. Я записываю здесь все,
что память сохранила о моих юношеских годах,
и, может быть, эти отрывки воспоминаний помогут человеку,
мне не знакомому, постороннему, сложить
их в единое целое и объяснить, оправдать и прояснить
многое в моих стихах, если, конечно, люди будут читать
их после моей смерти.
С каждым днем мир предстает передо мной
во все более поэтическом свете.
Поэзия входит в мое существо, и мне кажется,
будто сама жизнь есть одно великое удивительное
поэтическое произведение.
Я чувствую, как невидимая добрая рука управляет всем,
что не слепой случай, а биение сердца невидимого Бога-отца
ведет меня вперед! Если и есть в моем характере
хорошие стороны, а они наверняка есть,
в этом на самом деле нет никакой моей заслуги:
просто я не мог вести себя по-иному,
напротив, мне зачастую необходимо было быть сильнее
и лучше, но я всегда оказывался в плену эмоций.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

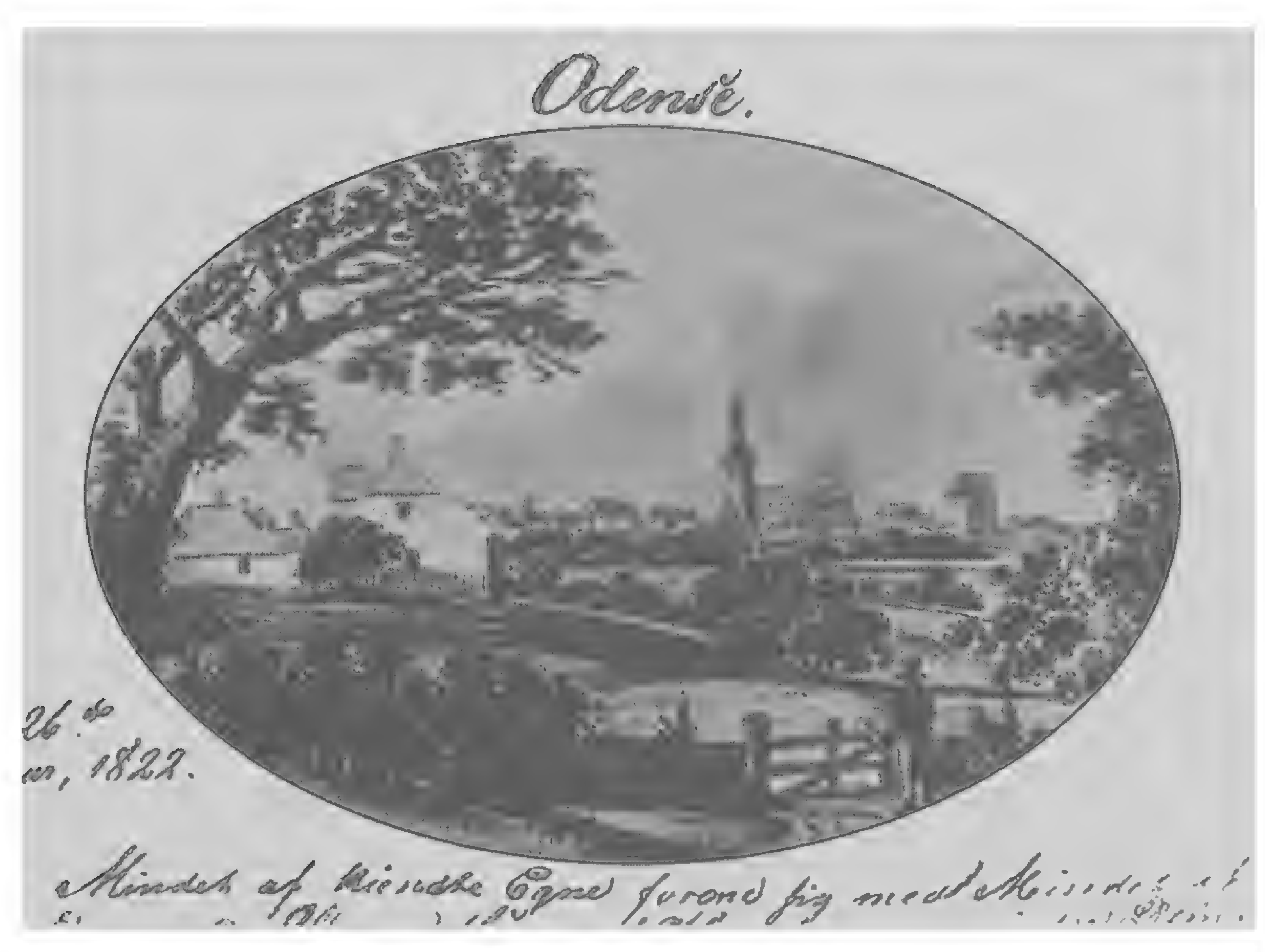
МОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НА СВЕТ

Мои бабушка и дедушка крестьянствовали на Фюне, имели зажиточное хозяйство, но их постигло несчастье: скот пал, случился недород. У деда появилась идея-фикс, он ослабел умом, правда, вовсе рассудка не лишился и вместе с женой переехал в Оденсе. Мой отец, их единственный сын, был светлая голова, и многие состоятельные горожане предлагали его родителям помочь ему получить образование, к чему сам он имел склонность, однако родители и слышать об этом не хотели, и мой дед настоял на том, чтобы он обучился сапожному ремеслу.

Благодаря своим совсем еще юным годам и веселому нраву он тогда смирился с этим решением родителей легче, чем сам ожидал. В свободные же часы он читал Хольберга, мастерил игрушки, писал сам, да-да, он написал несколько стихотворений, так, правда, никогда и не опубликованных. Едва успев стать подмастерьем, он, будучи всего лишь двадцати лет от роду, женился на моей будущей матери, девушке из бедной семьи — она предпочла его богатому винокуру, у которого в то время служила. Они безумно любили друг друга, но из вещей у них не было ничего — даже на брачную кровать денег не хватало. Но тут в городе скончался некий граф, и гроб с его телом выставили для торжественного прощания на большом деревянном помосте, обтянутом черной матери-

ей. Этот самый помост отец и купил потом на аукционе и благодаря своим умелым рукам — а он еще в детстве баловался рубанком и топором — переделал смертное ложе в брачную кровать. (О том, что он торопился и не слишком задумывался о красоте формы, свидетельствуют куски черной материи, как я помню, свисавшие с досок кровати, которые отец не удосужился оборвать при переделке).

И вот на этом-то ложе вместо богатого, но мертвого графа год спустя (2 апреля) оказался бедный, но живой нарожденный поэт, то есть я сам, и в этом мне видится нечто весьма символическое. Но тогда я был очень мал и нещадно орал в церкви во время крещения, так что первым моим рецензентом стал недовольный сим обстоятельством священник, якобы назвавший меня сущим котом.

Оденсе, 1822.
Рисунок Й.Х.Т.Ханка

Дом Х.К.Андерсена на улице Ханса Йенсена.
Литография

II

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Пестрыми, полузабытыми снами представляются мне мои первые воспоминания. Самое отдаленное из них — о пребывании испанских войск в Оденсе (1808 г.). Словно сейчас проходят они мимо со своими пушками; один солдат, помнится, взял меня на руки, танцуя и плача одновременно, — у него самого, видно, остались дети в Испании. Одного испанца убили на вересковой пустоши, я стоял в окне и наблюдал, как его хоронили, но из всей процессии запомнил лишь длиннобородых плотников, которые произвели на меня особенное впечатление.

В моем раннем детстве в Оденсе еще почитали старые обычаи и устраивали всенародные торжества, впоследствии же эти традиции увяли. Но те празднества оказали огромное влияние на все мое существо, они окрасили мое детство в удивительно поэтические тона и оставили такое впечатление, будто бы я жил много-много раньше своего рождения. Именно праздничные сцены запечатлелись во мне, как самые живые и первые воспоминания. Моя старая бабушка, несказанно любившая своего внука, брала меня с собою, приносила или приводила за руку на эти торжества, чтобы я мог получить бесплатное удовольствие.

Так, я дважды наблюдал, как каменщики «меняли вывеску» (то есть переезжали в другое помещение). Старый шут, по име-

ни Ханс Стру, ужасно носатый и представлявшийся арлекином (лицо черное, а нос — красный), с шутовским жезлом в руке открывал шествие. Под гром оркестра несколько подмастерьев в одних рубашках, без сюртуков, перевязанные шелковыми лентами, несли цеховой герб, другие шли с обнаженными клинками, украшенными насаженными на острие апельсинами или лимонами. Как только герб был установлен над входом в новое помещение, из толпы выступил один из подмастерьев и обратился ко всем собравшимся с речью в стихах, из которой я не понял ничего, только одну фразу запомнил: «Вулкан был первым кузнецом». Фраза эта так заинтересовала меня, что я попросил одного ученика латинской школы назвать имена еще нескольких богов, но он оказался не силен в мифологии, и мне пришлось довольствоваться лишь Одином, Юпитером и Реей.

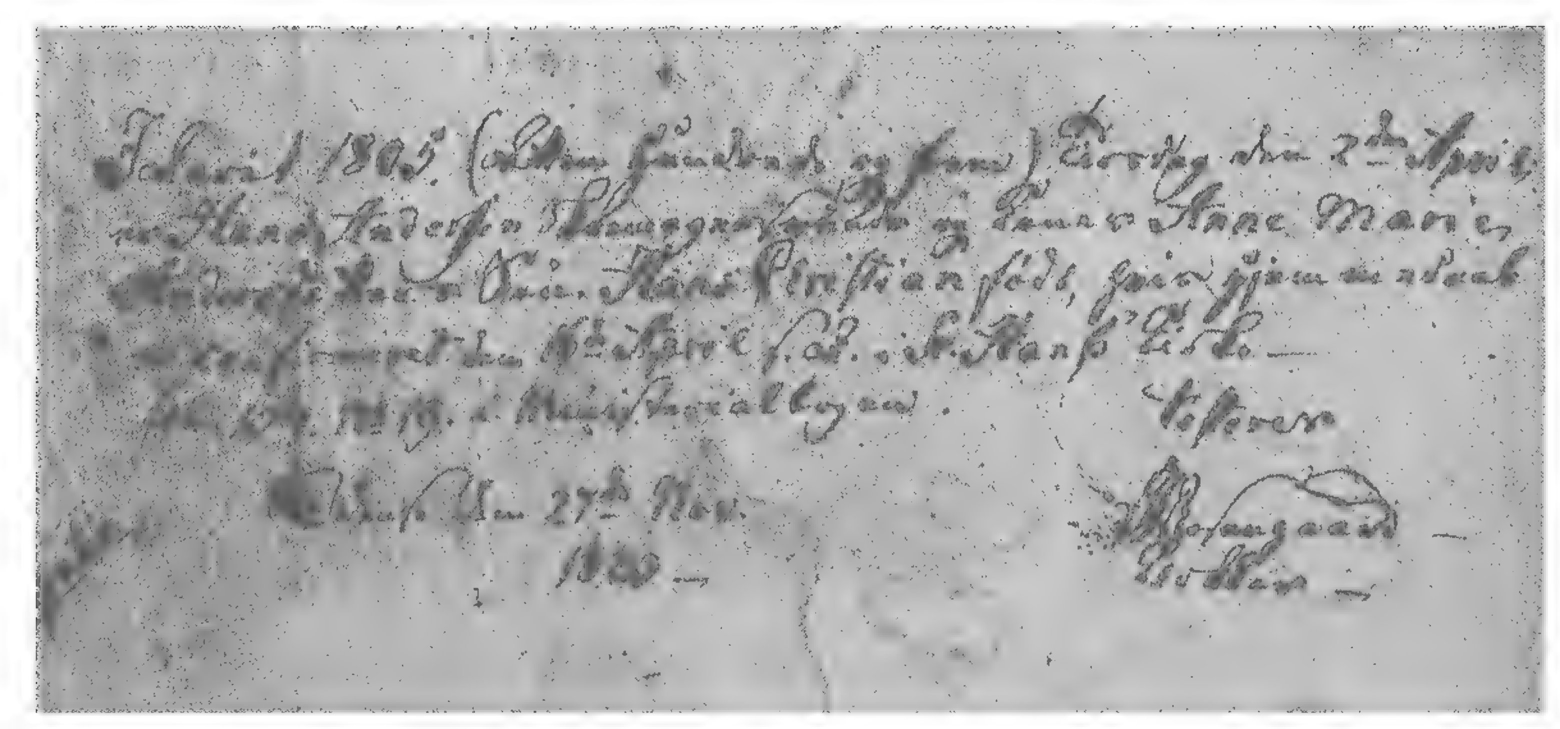
Каждое время года дарило мне свой праздник, и потому все мое детство сливается в воспоминаниях в череду праздничных дней. Регулярно, дважды за лето, отец с матерью выбирались на прогулку в лес. Завернутые в большой кусок материи бутерброды и пиво в бидоне составляли наш провиант. Я был несказанно счастлив, собирая землянику на поляне, мастерил кораблики из камыша и отправлял их в плавание вниз по речке. Никогда больше природа не привлекала меня так сильно, как в те времена. У меня была богатая фантазия, и мне казалось, будто всякий цветок, всякая птица разговаривают со мной — я уже стал поэтом, еще не осознавая этого. Во время одной из таких прогулок случился жуткий ураган. Он, видно, до того подействовал на мое детское воображение, что до сих пор все произошедшее весьма живо стоит у меня перед глазами и я вспоминаю о том случае с ужасом — столь глубоки оказались впечатления ребенка. Ветер вырывал деревья с корнями, молнии сверкали одна за другой, отец нес меня на плечах, но несколько раз ему приходилось ложиться на землю, чтобы уберечься от воздушных вихрей. Когда мы добрались до Монастырского болота, откуда шла

дорога на Оденсе, он со мною на закорках переходил его по колено в воде, а я глазел вокруг, захваченный действием этой удивительной, великой пьесы.

На вересковой пустоши граждане устраивали стрельбы — это был всеобщий праздник, апофеоз которого наступал по окончании соревнования, когда на торги выставлялась мишень и всем присутствующим мальчишкам поручалось отнести ее домой новому владельцу. Четверо самых сильных возлагали мишень на плечи, а самый большой, или как иногда случалось, двое самых больших взбирались на нее, и процессия трогалась в путь. Все остальные мальчишки с зелеными ветками в руках пели и издавали ликующие крики. Арку, через которую проходил победитель, разбирали, и парни, расположившиеся на мишени, украшали себя снятыми с нее гирляндами и лентами с надписями. Все собравшиеся следовали за этой вакхической процессией, заполнявшей городские улицы вплоть до самого вечера. Я, правда, к ним никогда не выходил, стоял себе на высокой лестнице и наблюдал за гуляньем.

Вечером накануне дня Святого Ханса я отправлялся с ведерком к источнику, и хотя он находился более чем в полумиле от города, воду я домой приносил. Я был очень суеверен, а матушка моя — еще больше: в пазы между балками мы заложили ростки заячьей капусты, и мой пышно расцвел, что предвещало мне долгую жизнь.

Зима тоже приносила свои радости и праздники. В понедельник на масленичной неделе бабушка выводила меня поглядеть, как гуляет народ. Мясники в тот день водили по улицам огромного, украшенного бумажными цветами быка, на котором восседал меленький мальчик с крылышками за спиной, впереди же шествовали музыканты. По обычаю же на масленицу прибывали моряки из Стиге — в белых рубахах, с пестрыми лентами, они под громкую музыку гуляли по городу со своими флагами. К концу гулянья между двумя лодками перекинули доску, на которой сошлись двое крепких молодцев

Свидетельство о крещении Андерсена

Городской приют для неимущих.
Художник В.Бендс

и боролись, пока один из них не оказался в ледяной воде. Потом, правда, договорились считать, что упали оба, поскольку проигравший так близко к сердцу принял свое поражение, что решил тайно покинуть рыбацкий поселок и больше его никто никогда не встречал.

Городской оркестр в Оденсе был представлен лишь трубачом и барабанщиком, музыканты тоже были из горожан, но в новогоднюю ночь они ходили от дома к дому, «зазывая Новый год», как это называлось, и своей невыносимой музыкой, которая, впрочем, в те времена вполне ласкала мой слух, зарабатывали немало скиллингов. Зазвав Новый год в город, они отправлялись по деревням, где зачастую барабанили до самой весны, когда уже распускались деревья, и наконец возвращались домой с мукой, крупой, свининой и увешанными гроздьями сосисок барабанами.

Вот так окружавшая меня жизнь давала пищу моему воображению, детство мое имело некий романтический налет, что совершенно незнакомо какому-нибудь копенгагенцу.

III

ЖИЗНЬ В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Отец мой был в своем роде человек образованный и имел светлую голову, мать же все воспринимала сердцем. Они разнились по характеру, но тем не менее прекрасно уживались друг с другом. Отец чувствовал себя чужим в кругу коллег, ремеслом своим занимался с неохотой, зато по вечерам читал вслух Хольберга и «Тысячу и одну ночь». Он изготовил для меня игрушечный театр с окошечком, в котором сцены менялись, стоило только потянуть за веревочку. К *своей* матери он относился очень дружелюбно, но все же так и не простил ей, что она не воспротивилась воле мужа, из-за чего сыну ее так и [не]* довелось учиться.

В то время в Оденсе выступало «Общество немецких актеров» Франка, в их исполнении я и увидел первую в жизни постановку — комедию Хольберга «Оловянщик-политикан» с положенным на музыку текстом. Я был на седьмом небе от счастья, но свой восторг выразил весьма прозаически, воскликнув при виде такого числа зрителей: «Боже! У кого может быть столько четвертей масла, сколько здесь людей!»

К родителям изредка приходила старая женщина из больницы за объедками с нашего скудного стола. Старуха слави-

* В квадратных скобках исправления, которые при публикации счел необходимым внести датский издатель.

лась даром предсказания, даже колдовства. Она часто гадала моей матери, я же, напротив, ее боялся, хотя по примеру отца, величавшего ее обманщицей, и подсмеивался над нею. Как-то раз матушка попросила ее предсказать и мою судьбу. «Он станет гораздо счастливее, чем того заслуживает, — сказала она и добавила, вдруг осерчав на меня: — Этой дикой птице [пред]стоит взлететь высоко, стать большой и знаменитой в мире. Когда-нибудь в его честь в Оденсе зажгут иллюминацию!» Ее слова тронули меня до глубины души, а матушка от радости расплакалась, она и теперь, когда дела у меня пошли на лад, напоминает мне об этом предсказании и свято верит, что когда-нибудь город будет иллюминирован в мою честь.

Тем не менее большую часть времени я проводил с моей старой бабушкой, она так искренне любила меня, но и ее саму любили все вокруг и до сих пор вспоминают, хотя ее уже и нет на свете. Она была красива и приятна лицом и одевалась хотя и бедно, но неизменно чисто и опрятно. Она много времени проводила в больничном саду, за которым ухаживала, а мне разрешили играть там у нее; я рассматривал красивые садовые цветы, и больше всего мне нравилось целовать красные розы — такое желание возникает у меня и теперь всякий раз, когда на глаза попадается красивый красный цветок.

Дважды в год бабушка сжигала опавшую листву на территории самой больницы, по которой ходили умалишенные (но не буйные). Находясь при бабушке, я не очень-то уверенно чувствовал себя в их окружении, но мне казалось интересным слушать этих несчастных. И не один раз старуха из прядильни приводила меня в мастерскую, где меня считали умницей, где мною восхищались, а я по[н]имал это и даже стал вкладывать в это некий смысл. Они рассказывали мне всякие старинные истории, пели короткие висы, как обычные, так и странные, и делали все что могли, чтобы отправить мою фантазию в романтический полет. Частенько я, лежа под окнами помещения, где содержались помешанные, слушал их

беседы, песни, ужасные ругательства. Как-то раз одна из пациенток — обнаженная женщина с черными до плеч волосами — сбила с двери замок и бросила в меня охапку соломы, отчего я в диком страхе убежал восвояси.

Воображение мое трудилось без сна и отдыха, к примеру, я не решался выходить на улицу в темноте, и если родители посылали меня куда-нибудь по делу вечером, то, дойдя до кладбища Св.Кнуда, я закрывал глаза и пускался дальше бегом, натыкался на прохожих, а бывало, споткнувшись, растягивался во весь рост. Неподалеку от Оденсе есть холм, называемый Монастырским, где когда-то был монастырь, а теперь, говорили, по ночам горел свет. Когда меня посылали в ближайшую деревню Хуннеруп за пахтой, а возвращаться с ведерком в руках приходилось вечером, я, проходя мимо холма, испытывал смертельный страх и успокаивался только на другом берегу речки, потому как знал, что ни тролли, ни привидения не в силах преодолеть водную преграду.

Отец мой тем временем совсем пал духом, он считал, будто ему не повезло в жизни, и часто говорил, что мне никогда не следует поддаваться принуждению и, какими бы сумасбродными мои желания ни были, мне необходимо добиваться их исполнения. Теперь он увлекся чтением Библии и както вечером огорошил нас с матерью, заявив, что он верит не так, как мы и все наши соседи, что Иисус был всего лишь человеком, правда, замечательным, что не Господь Бог дал нам Библию и что никакого ада и быть не может. Слова его произвели ужасающее впечатление на всех нас. Матушка расплакалась, а я подумал, что отец мой теперь совсем пропащий. «Я вольнодумец», — сказал он. И никакие другие, слышанные мной слова не поразили в такой степени все мое существо, как эти. Я не вполне осознавал их смысл, но догадывался, что он выходит за пределы обычного понимания. Правда, умные речи отца ничем ему не помогли, и когда он как-то раз утром, проснувшись, обнаружил на руке глубокий

порез, причиной которого могли были быть гвоздь или булавка, матушка и соседка истолковали все по-своему и объявили, что это дело рук дьявола, он отомстил за то, что отец не верит в его существование.

Тем временем в Германии бушевала война. Отец с жадностью читал газеты, ведь его кумиром был Наполеон, а мы стали союзниками французов. Войска выступили в поход, и отец не мог усидеть дома, ему надо было увидеть Наполеона, ему надо было попасть на войну. Союзники тоже выступили, и он отправился с ними — добровольцем, простым солдатом, — убежденный, что продвинется в чинах на поле брани. Меня тогда как раз одолела корь, весь рот у меня обметало, я сильно бредил, но все же отчетливо помню, как однажды утром отец в военной форме и с ружьем в руке, склонившись над моею постелью, поцеловал меня так, что на губах проступила кровь, и выбежал за дверь. Мать запричитала, а соседка назвала его поступок сумасбродным — ведь его убьют ни за что ни про что.

Впрочем, далее чем до Гольштейна, отец не добрался — война закончилась, армия возвратилась домой, и мой отец снова стал мирным гражданином, но здоровье его пошатнулось. Как-то утром он свалился с высокой температурой, впал в забытье и в бреду говорил что-то о Наполеоне и военных походах. Мать моя не нашла ничего лучшего как отправить меня к так называемой умной женщине в Айбю, что в миле от Оденсе, та пообещала прийти, но сперва поколдовала надо мною — перевязала мне запястье шерстяной нитью и дала листок, как она выразилась, «с дерева, из которого изготовили крест для Христа». «Значит, мой бедный отец умрет?», — спросил я и заплакал. «Коли он умрет, — отвечала она, — ты повстречаешь его душу на обратной дороге!» — «Может, нам все же послать за доктором?» — вопросил я, возвратившись домой, но это случилось лишь следующим днем, когда больному стало совсем худо, а на третий

день он умер. Я шел сразу за гробом, потом, в церкви Св.Кнуда видел, как священник бросил горсть песка на его крышку. Дома жалобно стонала мать, и только старая моя бабушка сидела тихо, с увлажненными глазами, она даже ни разу не всхлипнула, но на бледном лице ее отразилась такая удивительная боль, что навсегда запечатлелась в моей детской памяти.

IV

Теперь я стал в большей степени предоставлен сам себе: матушке пришлось зарабатывать нам на хлеб. Я поступил в школу для бедных, но даже тамошние условия развивали мое воображение в поэтическом ключе. Здание было старое, и в самой классной комнате стены были расписаны на сюжеты из библейской истории, и я, рассматривая их, странным образом ощущал себя среди их героев, почему учитель нередко ругал меня за рассеянность, ибо я вовсе не слышал то, что он говорил. Я предпринял даже несколько попыток рассказать другим детям о своих фантазиях, но когда однажды один из старших учеников в ответ на это заявил, что я, «наверное, недоумок», стал сдерживать свои эмоции и прикусил язык. Уроки я знал довольно посредственно, ведь у меня удивительная способность заучивать все наизусть, и поскольку меня за это хвалили, я и не прилагал к выполнению заданий большого усердия. Сын же соседки читал учебник с утра до вечера, и при том так громко, что его слышал весь квартал. «До чего глупый мальчик, — говаривала моя матушка. — Он все время читает, а вот мой Кристиан и книг-то из школы с собой не берет, а все ж-таки у него все получается». Мне же было достаточно прочитать заданное еще в школе — и за четверть часа я успевал довольно хорошо подготовиться к уроку. Да и учи-

тель очень любил меня, и неприязни со стороны других мальчишек я не испытывал (так, например, в детские годы я никогда ни с кем не дрался). На день рождения учителя я всегда дарил ему венок из цветов и стихотворение, последние, впрочем, он в школе при всех высмеивал, да они и были ужасные, но тем не менее я от этой традиции не отказывался. Он и сам писал стихи и псалмы. Я высоко ценил его поэтический дар, ибо лирических стихов других поэтов не знал, разве что «Прядильные баллады» Бункефлода.

Бункефлод к тому времени уже умер, но его вдова и незамужняя сестра по-прежнему жили в Оденсе, и к тому же прямо напротив моих родителей. Поэтому я и оказался вхож в их дом, они любили меня, мне приходилось читать вслух старой деве, петь песни, да и вообще я проводил у них все время, пока матушка отсутствовала дома. Сестра Бункефлода всегда с восхищением говорила о поэтическом даре своего брата. Я ведь знал тогда только Хольберга и Бункефлода — этими именами и ограничивались мои познания в датской поэзии. Она тоже пописывала стихи, правда, иронического содержания — даже эпитафия старой молочнице быланаписана ею в том же ключе.

Вот и мне захотелось написать стихотворение, я взял и сложил текст о Мункемосе* (заливном луге неподалеку от Оденсе), зарифмовав его с «розой» — это единственное, что я из этого стиха помню. Потом я написал еще один — «Облака». Впрочем, к тому времени я уже прочитал первую в жизни трагедию, коей оказалась мелодрама «Ариадна из Наксоса». В следующий раз мне попалась в руки «Медея», а потом я прочитал пьесу Весселя «Любовь без чулок». Так уж случилось, что все эти пьесы кончались смертью главных героев. И потому, когда я сам решил написать драму, самым трудным для меня оказалось придумать, как разделаться с персонажами. Сюжетной основой послужила мне старая баллада «Пирам и Фисба»,

---

* Munkemose — Монастырское болото *(дат.)*.

а назвал я пьесу «Абор и Эльвира», правда, соседка, которой я ее прочитал, сказала, что ей лучше подошло бы название «Окунь и треска», чем меня немало обидела, но матушка утешила меня, сказав, что соседка поступила так просто из зависти, ведь не ее сын написал эту пьесу. В начале драмы Эльвира приходит на свидание со своим Абором, но, не дождавшись его, вешает на изгородь свое жемчужное ожерелье в знак того, что была здесь, а сама отправляется на прогулку в лес. Тут в месте встречи появляется Абор и, думая, что Эльвиру сожрали дикие звери, лишает себя жизни. Теперь возвращается Эльвира, которой полагалось бы умереть от горя, но поскольку текст пьесы к этому моменту едва заполнил половину страницы, я подключил к делу отшельника, сообщившего, что его сын увидел Эльвиру в лесу и влюбился в нее без памяти. Чтобы слова его могли растрогать Эльвиру, да и за неимением лучшего, я вложил в его уста библейские цитаты, взятые мною из учебника Балле. Появившийся вскоре сын отшельника убивает себя из-за неразделенной любви, Эльвира следует его примеру, а старик, воскликнув:

Смерти не миную —
Во всех членах чую!*—

тоже падает бездыханным. Пьеса мне самому ужасно нравилась, и я читал ее всем, кого только мог уговорить меня послушать.

Тут же у меня возникла идея новой пьесы с королем и принцессой в качестве главных персонажей. Я и представить себе не мог, что такие люди говорят, как все другие, и решил воспользоваться старым словарем, включавшим немецкие и французские слова и выражения. Вот и вышло, что королевские особы у меня в разговоре употребляли одно датское слово, другое — немецкое, а третье — французское. Получилась, конечно, страшная мешанина, но я верил,

* Здесь и далее перевод стихов В.Тихомирова.

что сделал все правильно, ведь эти высокородные господа наверняка знают много языков, так почему бы им и не продемонстрировать свои умения?! Вскоре же я впервые в жизни увидел и настоящего короля. Он проезжал через город, и я, взобравшись на стену, окружавшую собор Богоматери (в Оденсе), глазел на него с благоговейным страхом, но при этом и с удивлением, поскольку не обнаружил на его одеждах ни серебра, ни золота. На нем был длинный голубой плащ с красными бархатными воротником и отворотами.

А в остальном я рос очень тихим ребенком, никогда не играл на улице с другими мальчишками, зато любил бывать в обществе девочек. Хорошо помню одну из них, маленькую, красивую, ей шел восьмой год. Как-то раз она меня поцеловала и сказала, что хотела бы стать моей возлюбленной, чем немало порадовала мое сердце. С тех пор я всегда позволял ей меня целовать, только ей одной, но сам тем же не отвечал.

Никогда не забыть мне историю, приключившуюся незадолго до смерти отца, историю, которая могла бы направить мою жизнь совсем в другое русло. О его желании изменить свою судьбу я уже упоминал, он мечтал уехать из города, да и матушке было по вкусу жить в деревне. И тут случилось так, что в одном из поместий, располагавшихся в нескольких милях от Оденсе, потребовался собственный сапожник. Отцу захотелось занять эту должность, они говорили об этом с матерью как о деле решенном, а мне предстояло обучиться отцовскому ремеслу или стать крестьянином. Будущее представлялось мне весьма забавным, ведь, окажись мы в деревне, у меня появилась бы возможность заиметь свой сад, гулять [по] лесу и полям. И только одно огорчало меня при мысли о переезде, а именно то, что я не смогу получать там афиши с репертуаром театра в Оденсе, ведь я собирал их, копил, словно сокровища, и даже подружился с разносчиком афиш Петером Юнкером, чтобы в коллекции не было пробелов. И все же вскоре мне удалось найти выход из положения: старая вдова

торговца г-жа Лоттеруп, которая очень любила меня, пообещала мне в случае моего отъезда из города получать афиши и хранить их. Вот теперь я был по-настоящему счастлив.

Отец подал прошение, но... на его место взяли другого, и мы, к нашему огорчению так и остались в городе. Если бы отец получил ту должность, я, возможно, до сих пор жил бы в деревне, а может быть, оказался в солдатах. Раз уж я заговорил об этом, не могу не заметить, что забрить меня могли бы благодаря месту моего рождения: все жители домов, прилегавших к городской черте, в одном из которых жили и мои родители, относились к близлежащей деревне, а всех детей, там рожденных, отдавали в солдаты. Но случилось так, что именно дом моих родителей первым перевели в городское управление, так что лишь одна стена разделила солдатчину и гражданскую жизнь. Матушка моя весьма обрадовалась этому обстоятельству, ибо совсем не жаловала военных и очень перепугалась, когда гадалка сказала, что хотя карты и предсказывают мне большое будущее, на дне кофейной чашки она видела меня с ружьем за плечом. (И ведь она оказалась права — впоследствии мне так или иначе приходилось держать в руках ружье.)

Упомянутый уже мною разносчик афиш как верный друг доставлял мне их, а иногда, не желая таскаться с ними по городу в плохую погоду, отдавал мне всю кипу. В таких случаях я целыми вечерами наслаждался их чтением. Пьес, указанных в афишах, я, конечно, не знал, но благодаря списку действующих лиц создавал в своем воображении их содержание и до мельчайших деталей продумывал костюмы всех персонажей. Однажды я отправился на рыночную площадь (Флакхавен) посмотреть, как жена Петера Юнкера будет «ходить под ярмом» — такому наказанию в те времена подвергали женщин за распространение сплетен и обман. Солдаты образовали круг, и внутри этого круга ходила женщина с деревянным хомутом на шее и высоко возвышавшейся над головой железной скобой, с которой на затылок свисал длинный лисий хвост, и с колокольчиком на лбу. За-

бавно, что одна из свидетельниц происходящего, по злобству характера науськавшая свою собаку броситься на супругу Петера Юнкера и вцепиться зубами в лисий хвост, сама через год подверглась такому же наказанию.

Положение моей матушки между тем стало совсем бедственным, а тут как раз сын соседки поступил на суконную фабрику, где зарабатывал несколько марок в неделю, вот матушка и решила, что мне тоже следует приносить пользу семье. Я все время проводил за чтением всяких разных историй и, будучи впечатлительным, искренне плакал над рассказами о муках Христа или о страстотерпице Елене, которую, с отрубленными руками, посадили в лодку и пустили в бушующее море. И меня вовсе не прельщало оказаться среди других, буйных нравом мальчишек и девчонок. Но однажды утром старая моя бабушка привела меня на фабрику и, осыпая поцелуями, сквозь слезы произнесла: «Будь жив твой отец, такого бы никогда не произошло!» При всей своей мягкости и кротости характера она обладала чувством собственного достоинства и нередко рассказывала о том, что ее бабушка происходила из знатного рода и что в Копенгагене тогда еще жил ее родственник благородных кровей, некий Нуммесен (по-видимому, тогдашний директор театра). Прапрабабушка проживала в Касселе, отец ее был из богатых, но из любви, по словам бабушки, к «комедианту» оставила родительский дом и в конце концов совсем обеднела.

Итак, я поступил на фабрику, где подмастерья требовали, чтобы дети, помощники мастеровых, пели для них. Я тоже продемонстрировал свое умение и удостоился похвалы за свой голос. Тогда я сказал, что знаю многое из Хольберга наизусть, начал читать и сразу же завоевал внимание слушателей, хотя они и были люди совсем необразованные. Они потребовали, чтобы я продолжал, работу мою поделили между другими детьми, и вот так я забавлял их и себя самого. Однако пришел следующий день, мне все-таки следовало чему-нибудь учиться, меня поставили к приемке, но нить все время выскакивала, а тут еще под-

мастерья затянули свои скабрезные песни, я покраснел как рак и расплакался — до того я был невинен! Сперва они надо мной смеялись, называли меня девчонкой, а потом засыпали такими грубыми шуточками, hoc exquirendo*, что, вернувшись домой, я со слезами на глазах стал умолять матушку забрать меня оттуда. Она сказала, что отдала меня в учение вовсе не из-за денег, а просто потому, что не знала, чем я занимаюсь и где обретаюсь, когда ее целый день нет дома, вот ей и захотелось, чтобы я во время ее отсутствия находился в каком-то определенном месте. Тем не менее матушка забрала меня с суконной фабрики, но по ее желанию мне пришлось поступить на табачную фабрику в Эрнсдрупе, где был только один подмастерье, а в помощниках у него служили несколько благовоспитанных мальчиков.

Так я оказался на табачном производстве, наблюдал, как делают и жевательный, и нюхательный табак, а относились ко мне там очень хорошо. Голос мой имел успех и на новом месте, а самое забавное заключалось в том, что я на самом деле полностью не знал ни одной песни, а импровизировал и слова, и мелодию, которые получались весьма искусственными и тяжелыми. «Он должен выступать в театре!» — таков был всеобщий приговор, да и у меня самого появились мысли об этом. Но тут я заболел, и матушка решила, что причиной болезни стала табачная пыль, попавшая мне в легкие, и хотя это было не так — легкие у меня всегда были здоровые, — забрала меня с табачной фабрики из страха, что эта работа нанесет смертельный вред моему здоровью.

И вот я, большой, долговязый малый, по-видимому, одиннадцати лет, оказался полностью предоставленным самому себе. Волосы у меня тогда были очень светлые, почти белые, а глаза — такие маленькие, что люди думали, будто я слеп. В будние дни я носил короткий серый сюртук и деревянные башмаки, а по воскресеньям — курточку и туфли, туфли,

---

* Чтобы подтвердить это *(лат.)*.

правда, были мне ужасно велики, но так как, по словам матушки, нога у меня росла, стало быть, на меньший размер мне рассчитывать не приходилось. Все книги, какие я только мог достать, я уже проглотил, я читал все подряд и как только слышал, что у кого-то появилась какая-нибудь новая книжка, сразу же отправлялся к ее владельцу, пусть даже и вовсе мне не знакомому. Так вот однажды я и заявился к некоей фру Саксдорф, проживавшей на нашей улице. Она, разумеется, подивилась необычной просьбе не знакомого ей мальчика, но все же дала почитать мне одну книгу, а увидев, что я обращался с нею бережно, впоследствии — и все другие книжки, что имела. Я брал у нее Шекспира в переводе Росенфельда, который оказал такое воздействие на мое воображение, что понравился мне еще больше Хольберга. Ну а Бункефлод для меня, разумеется, вообще перестал существовать. Я выучил многие сцены наизусть и, когда вскоре увидел на театре «Деву Дуная», смог подпевать актерам, хотя и знал по-немецки не более двух слов — «Schwester» и «Bruder»*.

Эта пьеса произвела на меня особое впечатление, и я сам сочинил несколько сцен на выдуманном мною тарабарском немецком. Я надевал матушкин передник на плечи и представлял себя то рыцарем Альбректом, то плывущей по реке на скамеечке дунайской девой. А вот матушка моя, увидев эти сцены в моем исполнении, пришла в ужас и запретила мне их разыгрывать, ибо решила, что я не иначе как повредился умом. Но тут в Оденсе прибыла труппа Касорти, его артисты ходили по проволоке и играли пантомиму «Арлекин — старшина молотильщиков», и матушка пригрозила отдать меня Касорти, если я не оставлю свои причуды. «Будешь тогда одним постным маслом питаться, чтобы стать гуттаперчевым (то есть гибким)», — сказала она. Но ничуть меня этим не напугала, я заявил, что с удовольствием приму ее волю, уж

---

* Сестра и брат *(нем.)*.

больно мне хотелось стать канатоходцем. Услышав мои речи, матушка пришла в полное отчаяние и пригрозила наказать меня розгами, если я не оставлю свои бредовые желания.

К тому времени я уже прочитал целое множество биографий знаменитых людей, они произвели на меня удивительное впечатление, в моем воображении стали возникать сказочные сюжеты, я и жизнь-то мыслил как сказку и с радостью предвкушал, что когда-нибудь и сам стану героем этой сказки. Этот поразительный взлет души, характеризовавший все мое существо и выделявший меня среди всех прочих детей моего положения, жажда чтения и красивый голос привлекали ко мне внимание людей. Летние вечера я, по обыкновению, проводил в маленьком садике моих родителей, выходившем на речку, где прямо напротив в мельничных колесах бурлила вода. Сквозь кусты бузины проглядывал Монастырский холм, правда, от него, а стало быть, и от троллей меня отделяла водная преграда. По мельничной лестнице бегали вверх и вниз работники, по мосту проезжали крестьяне — вот такая красивая живописная картина представала перед моими глазами. Сад советника юстиции Фальбе примыкал к садику моих родителей, а сразу за ним располагалась старая церковь Св.Кнуда, и когда по вечерам звонили ее колокола, я сидел, охваченный странными мечтами, смотрел на крутящиеся мельничные колеса и распевал свои импровизации. Гости Фальбе нередко слушали их в его саду. (Он был женат на знаменитой мадам Бек, которая в Копенгагене сыграла Иду в «Германе фон Унна».) Я часто замечал своих слушателей за забором, и это мне льстило. Вот так я приобрел известность, меня стали приглашать любители послушать «фюнского соловушку». Я был необычайно простодушен и всем нравился. Однажды вечером за мной прислали от епископа Плюма. У него в гостях оказался полковник Гульдберг, которого я поразил, он нашел во мне нечто необыкновенное и пригласил меня захаживать к нему. Все они проявляли ко мне участие, и я чувствовал себя на вершине счастья.

V

Тем временем матушка получила работу в замке, и я тоже стал вхож туда и временами играл на большом дворе с принцем Фритцем, который тогда был еще ребенком. Как-то в масленичный понедельник я вместе со многими другими детьми простолюдинов «выгонял кошку из бочки». Принц Кристиан с несколькими господами наблюдал за нашей забавой, сидя на ступеньках лестницы, принцессу я видел в окне. Талия у меня была перетянута старым офицерским шарфом, и я вообразил, что больше всего привлекал внимание зрителей. Позднее я познакомился с принцем Кристианом поближе. Гульдберг рассказал ему обо мне, он захотел со мной побеседовать и как-то раз вызвал меня к себе. «Если принц спросит о твоих желаниях, — шепнули мне, — скажи, что ты больше всего хочешь учиться». Я явился к принцу, разыграл перед ним несколько сцен из Хольберга, исполнил несколько своих импровизаций и, когда он спросил, не имею ли я желания выступать на сцене, чистосердечно признался в этом, но добавил, что меня просили сказать о желании учиться. Принц, однако, не счел для меня приемлемым ни то, ни другое и посоветовал заняться каким-нибудь тонким ремеслом, обучиться, к примеру, токарному делу. Но я-то к этому не имел никакого желания. «Когда определитесь, скажите мне, я вас не забуду». Совет его мне совсем не понравился,

и с тех пор я больше никогда с ним не разговаривал. Он же, напротив, нередко справлялся обо мне у Кольбьёрнсенов, и нынешним летом (1832 г.) во время посещения больницы потребовал провести его к моей матушке и сказал ей: «Честь вам и хвала за вашего сына», — чем, разумеется, обрадовал ее до глубины души, в особенности потому, что это слышали окружавшие ее люди.

Мне исполнилось уже тринадцать лет, и матушка решила, что мне пора конфирмоваться, ведь я был такой большой и высокий, да и все вокруг говорили, что мне негоже сидеть дома. Матушка тем временем вознамерилась вновь выйти замуж — за одного из знакомых моего отца, тоже сапожника по профессии. Свадьбу сыграли, он, как оказалось, сильно отличался от моего отца, но зато по характеру и душевному складу совершенно походил на матушку. Ко мне он относился по-доброму, но никоим образом не желал вмешиваться в мое воспитание, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь имел право называть его «плохим отчимом». Так что жизнь моя после замужества матушки, в сущности, никак не изменилась, разве что бедная моя старая бабушка стала более редким гостем в нашем доме. Я был той единственной нитью, что связывала ее с ним, и часто плакал над ее тихой болью, ведь она в одночасье от горя превратилась в старуху. Самым странным казалось мне, что ее каштановые волосы, среди которых до этого не было ни одного седого, совсем побелели за один только месяц.

Матушка решила отдать меня в ученики к портному, ибо такое хрупкое создание, как я, вряд ли могло оказаться годным к какому-либо иному делу в этом мире. Бабушка же хотела, чтобы я занялся чем-нибудь поблагороднее, стал бы, к примеру, писарем в городской управе. Единственное же, что привлекало меня в скорняцком деле, так это возможность добывать пестрые лоскуты для моего кукольного театра.

Тем временем я получил разрешение на конфирмацию, хотя я едва перевалил за тринадцать с половиной лет. Но и в этом

случае дал[о] о себе знать мое тщеславие. Будущие конфирманты церкви Св.Кнуда могли изучать катехизис либо с капелланом Вибергом, либо с окружным пробстом Тетенсом (теперь он епископ на острове Эрё). Но пробст опекал только учеников латинской школы и девочек из самых знатных семей, то есть его конфирманты всегда были рангом выше остальных. Так вот, чтобы перещеголять капеллановых конфирмантов, я заявился к пробсту, единственный из тех, кто не учился в латинской школе. Тетенсу не оставалось ничего иного, как взять меня под свое крыло, хотя, как я сейчас понимаю, вспоминая всякие мелкие детали, его не слишком-то обрадовало, что появился ученик, принадлежавший к более низкому сословию, нежели все остальные. И вот как-то раз вечером, когда я еще занимался у него, меня попросили разыграть сцены из Хольберга в доме у аптекаря Андерсена. Узнав об этом, пробст вызвал меня к себе домой, строго-настрого запретил мне заниматься такими вещами, как неподобающими накануне конфирмации, и пригрозил, что не огласит меня, если я не буду должным образом знать катехизис. Я же по-детски искренне признался перед ним в своей любви к театру, после чего он сердитым голосом сказал, что «я несу полную чепуху». Я был совершенно уничтожен, и доверие мое к нему испарилось: слишком уж строго он ко мне отнесся, не зная меня по-настоящему.

Незадолго до того, как я начал брать уроки катехизиса у священника, в городе побывали актеры Королевского театра и представили такие известные оперы, как «Сандрильона», «Аземия», «Аптекарь и доктор», «Земира и Азор», а также сыграли «Хагбарт и Сигне» и «Аксель и Вальборг». Они дали великолепные спектакли, и я так жаждал увидеть в их исполнении комедии — но что я мог для этого предпринять! Столь сильное желание прибавило мне мужества, я отправился к актерам и рассказал им о своей жгучей мечте посмотреть комедию, а еще лучше самому участвовать в представлении. Они посмеялись над моей наивностью, но все же не оставили меня внима-

нием, в особенности это относится к Энхольму и Хааку, и заверили, что я могу приходить за кулисы каждый вечер. Так вот и довелось мне в «Сандрильоне» изобразить на сцене пажа (того, который произносит всего лишь одну реплику). Я первым, задолго до остальных, примчался на представление, разоделся в алые шелковые одежды, произнес свою реплику и возомнил, что весь зал следил только за мною.

На Пасху мне предстояло конфирмоваться. Впервые в жизни у меня появилась пара сапог, а одна женщина перешила для меня коричневое пальто моего умершего отца в сюртук. Мне казалось, я был весьма прилично одет. Чтобы все знали, что на ногах у меня сапоги, я заправил штанины в голенища — и очень гордился своим видом. Сердце у меня колотилось от святого благоговения перед Господом, я был кроток и невинен, но душу мою теснили слишком мирские мысли о мо[их] скрипучих сапогах и огромном жабо на груди, они казались мне самому скверными, греховными, и я молил Господа не гневаться на меня за них.

Итак, мне предстояло покинуть родительский дом, матушка предполагала отдать меня в учение скорняжному или переплетному делу, но я, рыдая, рассказал ей о тех многих знаменитых людях, о которых читал, о том, как они стали знаменитыми, и умолял ее отпустить меня в Копенгаген, где собирался стать актером.

Напрасно она говорила, что в Копенгагене у меня нет ни одной живой знакомой души, что мне не от кого ждать там помощи. Я напомнил ей предсказание гадалки и слов[а] умершего отца, говорившего, что меня не следует ни к чему принуждать, пусть я стану тем, кем сам захочу. И вот наконец она перестала противиться, ведь она никогда не покидала Фюн и не имела никакого представления о том, что творится за его пределами, и покорилась моим уговорам. Ей говорили — и совершенно справедливо, — что я затеваю безумное предприятие. «Да, но я ничего не могу с ним поделать, — отвечала она. — Лад-

но, пусть едет, в Нюборге, когда увидит пролив, наверняка повернет назад». Отчим в наши споры не вмешивался, и по истечении какого-то времени она дала мне разрешение на отъезд.

Тут в Оденсе приехала актриса г-жа Хаммер (игравшая ранее в труппе Веделя), она собиралась дать в городе представление, и местное общество любителей драмы вознамерилось помочь ей. Наш местный комик Фёрсом служил тогда писарем в администрации амта, он слыл одним из первых актеров и в пору моего детства часто приводил меня за кулисы. Он-то и рассказал мне о новой актрисе, приехавшей в город сыграть у нас спектакль. Считая ее сестрой по артистическому цеху, я сразу же отправился к ней и встретил благосклонный прием. Она оказалась личностью весьма незамысловатой и, как я убедился впоследствии, в высшей степени порочной. Ставить она собиралась «Заложенного крестьянского парня» (Фёрсом исполнял его роль). Мне поручили роль почтаря, и я чувствовал себя на вершине блаженства. Я бывал у нее каждый день, а она использовала меня для доставки довольно большого количества любовных записок, чего я не понимал, пока не испытал на себе ее легкомысленный нрав: она подшучивала над моим по-детски простодушным, неиспорченным сердцем. О, Господи, а ведь мне было всего лишь четырнадцать лет, и душа моя была так чиста, так невинна! Своим поведением она доводила меня до слез, но я не мог расстаться с нею, поскольку, услышав, что я решился в одиночестве отправиться в Копенгаген, она предложила мне поехать туда вместе с нею и за ее счет и — более того — рекомендовать меня своей подруге, танцовщице г-жа Дидриксен (ныне она замужем за аккомпаниатором Функом).

Матушку мою сие обстоятельство премного обрадовало, она посетила актрису, поблагодарила ее и в подтверждение благодарности предложила обстирывать ее бесплатно в течение месяца. Однако неделя проходила за неделей, а отъезд все откладывался, г-жа Хаммер задолжала за свое пребывание

в Оденсе и выехать из города не могла. «Хочешь ехать, так езжай сейчас!» — сказала матушка, и я, как герой многих прочитанных мною сказок, решился отправиться один-одинешенек в этот большой мир. Я сохранял полнейшее спокойствие, ибо слепо полагался на Господа Бога, который наверняка позаботится обо мне. Ведь героям пьес и историй всегда сопутствовала удача. Я разбил свою копилку, в которой оказалось тринадцать ригсдалеров, накопленных мною за целый год — столько денег я никогда еще в жизни не видел и ощущал себя счастливым богачом. «Но неужели вы никого в Копенгагене не знаете?» — спрашивали меня те, кого я посвящал в свои планы об отъезде. «Нет, совсем никого», — ответствовал я. Мне советовали все же разжиться рекомендательным письмом. Но кто мог за меня поручиться? Гульдберги были в отъезде — кто в Норвегии, кто в Гольштейне, а кто на Зеландии, — моя последняя надежда умерла.

Но тут я прослышал, что старый печатник Иверсен знаком со многими копенгагенскими актерами, и, собрав остатки мужества, направился к нему, хотя мы были совсем незнакомы. Старик выслушал меня весьма доброжелательно, но в ответ сказал, что на такой рискованный шаг могут решиться только недалекие люди, что из этого никогда ничего не выйдет, и посоветовал мне взяться за ум и выучиться какому-нибудь ремеслу. «Это было бы великим грехом с моей стороны», — ответствовал я, и эти мои слова Иверсены часто напоминали мне, как истинное предначертание судьбы. Когда старик понял, что не в силах отвратить меня от принятого решения, он пообещал написать рекомендательное письмо. «Кому из театральных людей лучше всего адресовать его?» — спросил он меня. А поскольку я слышал, что танцовщица г-жа Шалль обладает немалым влиянием, старик пообещал написать ей, — и письмо оказалось у меня на руках.

Как раз в то время некая г-жа Херменсен, приезжавшая в Оденсе на короткое время (она была кормилицей принца

POLITIEMESTEREN I ODENSE

Gjör vitterligt, at Confirmand Hans Christian Andersen

14 Aar gammel, föd i Odense taler , er af Vext, og af Bygning, har Haar, Oine

agter nu at reise herfra Staden til Kiöbenhavn

Min tjenstlige Begjering er til alle og enhver, som bemeldte H. C. Andersen

maatte forekomme, at de samme paa denne Reise uhindret vilde lade passere.

Her paa Stedet hersker ingen smitsom Sygdom.

Odense Politiekammer den Middag.

Betalt

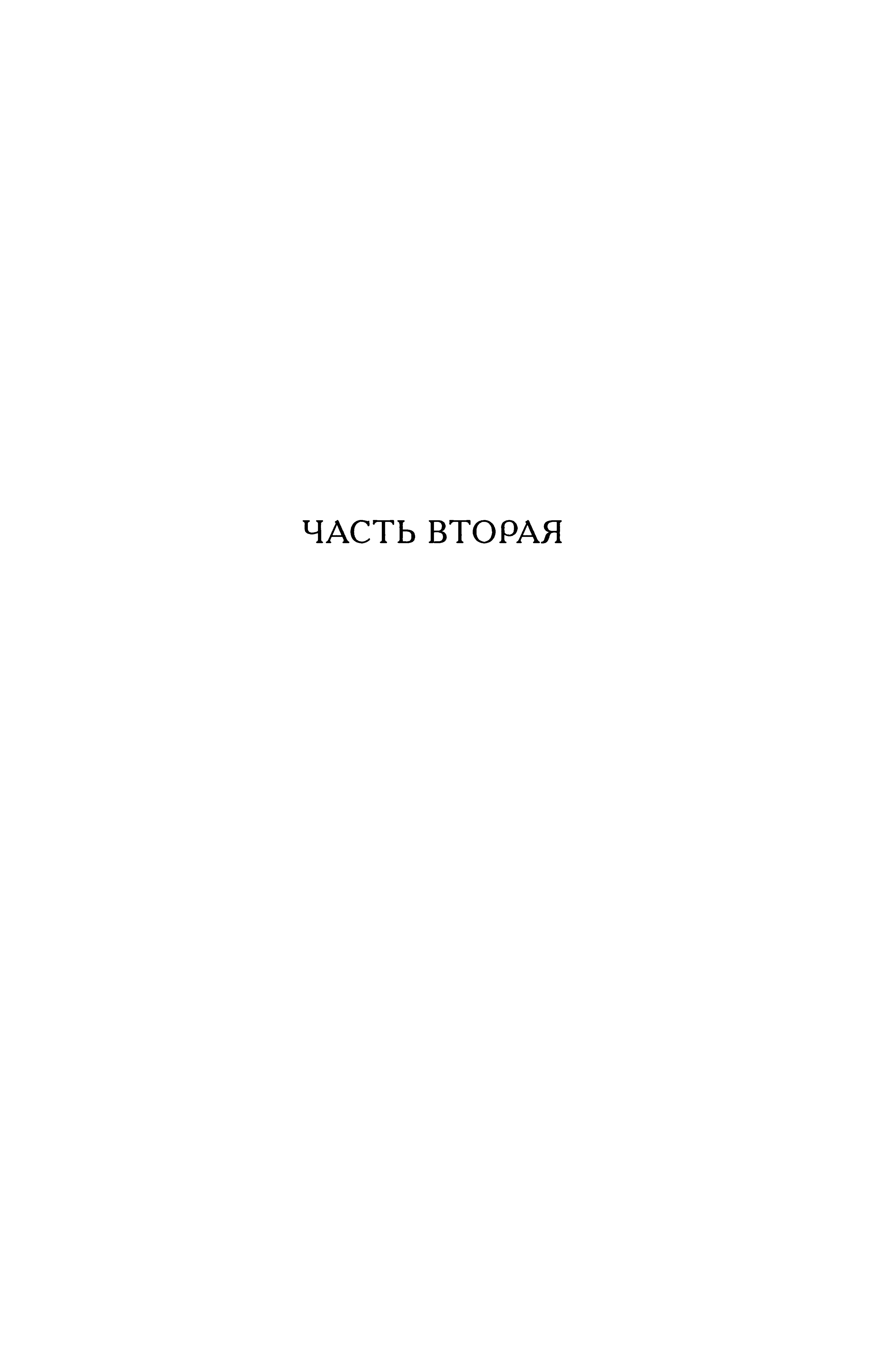
Паспорт Андерсена, выданный ему 5 сентября 1819 года

Вид на Копенгаген из Фредериксберга.
Рисунок Х.Г.Ф.Хольма

Фердинанда), отбывала из города с почтовым дилижансом. Среди пассажиров матушка моя знала только ее, да и то лишь в лицо, и, вся в слезах, умолила ее присмотреть за мною в пути — ведь я ехал без билета, за что пришлось заплатить кучеру три ригсдалера. У городских ворот я встретил мою старую бабушку; пристально вглядываясь в меня, так что на кротких голубых глазах ее появились слезы, она не произнесла ни слова. С той поры я больше никогда не видел ее. Она умерла...

Итак, я отправился в мир с десятью ригсдалерами в кармане, ведь три пришлось заплатить за проезд почтовой службе. Раньше я никогда не удалялся в эту сторону от Оденсе больше чем на одну милю, и новые впечатления вскоре успокоили меня. Я добрался до Нюборга, я увидел воды пролива, и только когда паром отчалил, сердце у меня защемило — только тогда я понял, что отправляюсь в плавание по бурным волнам широкого мира. Прибыв в Корсёр, я зашел за угол, упал на колени и, разрыдавшись, стал молить Господа о помощи. Потом я снова успокоился и продолжил путь, и ночью, проезжая среди других городков Слагельсе, я и представить себе не мог, что немного лет спустя буду учиться в тамошней латинской школе.

Ранним утром в понедельник 5 сентября 1819 года, как раз в день открытия театрального сезона я впервые увидел Копенгаген. Башни его, среди которых я так страстно желал оказаться, открылись передо мною на подъезде к Фредериксбергу, и при виде их я разрыдался, понимая, что никого, кроме Всевышнего, у меня нет во всем мире.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Ни единой живой души не знал я в столице, когда с узелком из холстины, где хранилось кое-что из одежды, вошел в этот огромный город через его Западные ворота. Некоторые из моих попутчиков решили остановиться в номерах «Гардергорен» на улице Вестергаде, тогда и я направил туда свои стопы и, предъявив паспорт, получил ключи от маленькой комнатушки. Мне казалось, что я был на пороге осуществления моих мечтаний. Нет, конечно, какие-то трудности встретятся на моем пути, прежде чем все в жизни наладится, это я понимал, но при том так верил в доброту Господа, что решил оставить все хлопоты и посвятить первый день развлечениям, то есть просто побродить по городским улицам. Как раз вечером накануне моего приезда начались еврейские погромы, весь город бурлил, а пройти по Эстергаде было почти невозможно, так что мои представления о том, что такое человеческая толпа, как выяснилось, полностью соответствовали действительности. Беспорядки, надо сказать, все ж таки несколько смутили меня, ведь я так остро чувствовал свое полное одиночество, да еще находясь в совершенно незнакомом мне городе. Уличные цветочницы на вопрос, как пройти к театру, ответили, что мне следует пойти дальше по Эстергаде. И вот я оказался в том месте, к которому так стремилась моя душа. Я обошел здание, рассмотрел его со всех сторон и от всего сердца

обратился к Господу с мольбой сделать так, чтобы я оказался допущенным в этот мир и у меня хватило способностей стать хорошим актером.

Но тут вдруг ко мне направился уличный театральный кассир, по-видимому, решивший, что я желаю сходить в театр, и спросил, не возьму ли я билет. Я вовсе не понял его и подумал, будто речь идет о подарке, и поэтому ответил утвердительно. Тогда он поинтересовался, на каком месте из имевшихся в его распоряжении мне угодно сидеть, и я уверил его, что целиком и полностью полагаюсь на его доброту. Он разгневался, обозвал меня «долговязым олухом», строящим над ним насмешки, и я, сильно испугавшись, ретировался.

На следующий день, приодевшись по возможности получше, напялив на себя сшитый портнихой длинный коричневый сюртук с широким бантом, в котором был на конфирмации, и шляпу, налезавшую мне почти на глаза, я в таком виде отправился на Бредгаде, чтобы передать единственное имевшееся у меня рекомендательное письмо солистке балета г-же Шалль.

Мне долго пришлось ждать начала аудиенции в подъезде перед дверью, пока меня наконец не впустили к хозяйке. Она посмотрела на меня и, как сама впоследствии рассказывала, решила, что я не вполне в своем уме, ибо, когда она поинтересовалась, есть ли у меня актерский дар, я предложил ей разыграть сцену Анины из «Сандрильоны». Роль эта произвела на меня огромное впечатление, когда я дважды смотрел спектакль в театре в Оденсе, но саму пьесу никогда не читал да и мелодии не заучил. Поэтому мне пришлось импровизировать и текст и музыку, а чтобы получше исполнить сцену танца с бубном («О, что же значит богатство?!»), я снял сапоги, поставил их в угол и танцевал в одних носках. Обнадежить меня она, разумеется, не могла, я расплакался и рассказал ей, как искренне хочу попасть в актеры, я был согласен стать у нее мальчиком на побегушках и довольствоваться какими угодно, самыми скромными условиями, только бы она помогла мне. В ответ она предложила изредка обедать у нее (но я никогда так и не воспользовался

этим предложением) и на прощание пообещала поговорить с Бурнонвилем на предмет моего поступления в балетную труппу. После чего я весь в слезах отправился восвояси.

Затем я нанес визит профессору Рабеку в «Баккехусет», но и он не смог сказать мне ничего утешительного. Да, старик Иверсен действительно писал ему обо мне, но он не знал никакого другого выхода, кроме как посоветовать мне обратиться к директору театра Хольстейну. Этот визит я отложил на следующий день. Хольстейн дествительно с полгода назад получил письмо от полковника Гульдберга обо мне, но когда увидел меня, сразу же заверил, что никаких перспектив на театре у меня нет. Я был слишком худ, не имел надлежащей осанки и, появись на сцене, вызвал бы хохот зрителей. Кроме того, в труппу набирали только молодых людей с образованием. Я пришел в отчаяние и спросил, не могу ли я в таком случае попасть в балетную труппу. Нет, прием в труппу закончен до мая месяца, но даже если меня и примут, жалованья сразу не назначат, пока не появится возможность пользоваться моими услугами. Боже Всемогущий! Не раньше мая, а ведь сейчас у нас только сентябрь, и, кроме всего прочего, состояние мое величиной в несколько ригсдалеров таяло день ото дня.

Мрачные мысли завладели мною, я чувствовал себя покинутым Господом и всеми на земле. Я переговорил с госпожой Хермансен, моей спутницей по путешествию в столицу, и она посоветовала мне с первым же судном отправиться обратно в Оденсе. «Нет, лучше уж умереть! — подумал я. — Если я вернусь, то стану посмешищем в глазах окружающих, когда они узнают, к чему привели меня мои возвышенные, горделивые мечтания». А рядом не было никого, кто мог бы приободрить или утешить меня. Я был так одинок и все еще оставался таким наивным ребенком, что оказался близок к самоубийству: мысли о том, чтобы лишить себя жизни, всерьез посещали меня. Но я все же осознавал всю греховность такого поступка и лишь еще больше укрепился в своей вере в Господа, в то, что Он обязательно поможет мне, несмотря ни на что.

В театре я до сих пор так и не побывал, но вот все-таки уступил неудержимому своему желанию, хотя в кармане у меня оставалось всего лишь [не]сколько скиллингов. В тот раз давали водевиль «Поль и Виржиния». Я взял билет на галерку, явился ровно в три часа пополудни, но тем не менее место мне досталось лишь во втором ряду. Ах, какая радость охватила меня! Все горести, все несчастья, преследовавшие меня, оказались забыты. Я целиком и полностью погрузился в происходившее на сцене, находя в нем много схожего с моим положением. Мне представлялось, что Поль походит на меня, а Вирджиния была для него тем же, чем для меня был театр. Поэтому, когда во втором акте Поля разлучали с Виржинией, я заплакал навзрыд: да-да, ведь я тоже мог лишиться предмета своей любви, лишиться театра. Сидевшие вокруг меня зрители обратили внимание на мои слезы, они дружелюбно утешали меня, угощали яблоками. Ах, какие отзывчивые люди меня окружали: я совсем не знал жизни и думал, что все они такие добрые и прекрасные, и, наивно поверив в это, рассказал всей галерке о том, кто я таков, зачем приехал сюда, какой ужас охватил меня при мысли о том, что я окажусь вне театра, но все будет у меня так же, как и у Поля на сцене. За это [я] удостоился удивленных взглядов и перешептывания моих соседей. Счастлив[ая] развязка пьесы вдохновила меня, сердце мое, преисполнившееся мужеством и жаждой жизни, подсказывало, что дела у меня обязательно наладятся.

Впрочем, новые визиты к Хольстейну и госпоже Шалль поколебали мою уверенность, хотя я и остался тверд в своем решении не возвращаться обратно в Оденсе. Ну, вернусь я туда, и что делать, придется обучаться какому-нибудь ремеслу, а ведь я с таким же успехом могу пойти в учение здесь, в Копенгагене. Через каких-то шесть-семь лет, когда стану подмастерьем, я смогу поступить в театр — к тому-то времени наверняка обрасту мясом. Таков был ход моих мыслей, и я купил газету для объявлений, чтобы узнать, не требуется ли кому ученик. Какому ремеслу обучаться, было мне совершен-

но все равно: ни к одному из них душа у меня не лежала. Единственным, кто давал объявление о наборе учеников, оказался некий столярных дел мастер Мадсен, проживавший на Боргергаде, к нему я и направил свои стопы. Мастер показался мне весьма зажиточным и порядочным человеком, я рассказал ему, что приехал из Оденсе, никого в этом городе не знаю, но очень хочу обучиться столярному ремеслу и попросил его взять меня в ученики. О желании попасть в театр я не упомянул, ибо стыдился того, что меня туда не приняли. Он ответил, что возьмет меня, если я раздобуду рекомендации из дома, но в таком случае мне придется служить у него учеником в течение девяти лет, за что он будет обеспечивать меня одеждой и всем необходимым. Когда же он услышал, что мне совсем не на что жить (мое состояние к тому времени уменьшилось до семи ригсдалеров), он проявил великодушие и предложил сразу же перебраться к нему, чтобы посмотреть, хватит ли у меня сил и желания овладеть его ремеслом.

В шесть часов утра следующего дня я перебрался к нему и оказался среди подмастерьев и других учеников, которые вели между собой непристойные разговоры, отчего я так застеснялся, что это не осталось незамеченным, — и какие только шуточки не обрушились на меня! Ах, как я страдал. Мир, как выясняется, совсем не таков, каким я его себе представлял.

Потом меня в компании с двумя другими учениками отправили в город разносить заказчику только что изготовленные стулья. По дороге мои товарищи зашли в один из домов навестить какую-то девушку, по их словам, родственницу, я же остался на улице с нашей поклажей. Когда же мы достигли цели нашего предприятия, я был немало поражен тем, что заказчиком оказался окружной пробст Тетенс, тот, что конфирмовал меня. Супруга его доброжелательно кивнула — ведь она знала меня, но одного этого было достаточно, чтобы вызвать у меня воспоминания о всех тех мечтах и надеждах, что обуревали меня тогда, когда я виделся с нею в последний раз. Весь в слезах, я побрел домой, где меня снова ожидал

град грубых шуточек, которых я просто не выносил. В полном отчаянии я отправился к мастеру и сообщил, что никоим образом не гожусь в столяры, не имею сил более оставаться в этой компании и хочу попрощаться с ним. Он произнес несколько дружелюбных фраз, стараясь ободрить меня, но я остался непреклонен, заявив, что отправляюсь домой первым же судном, будучи, впрочем, уверенным, что оно затонуло, что Господь сделает так ради меня.

Но по пути в «Гардергорен», где я снова решил снять жилье, мне стало ясно, что это немыслимо, что судно не может погибнуть ради исполнения моих желаний и что мне остается только возвратиться домой! Войдя в комнату, я в полном отчаянии бросился на колени и обратился к Всевышнему и Небесам с мольбой все же помочь мне! Я ведь знал, что Он всемогущ, и чувствовал, что сам я никогда не совершал ничего дурного. И тут меня пронзила мысль, что моего голоса, которым все так восхищались в Оденсе, на театре еще никто не слышал. Из фюнских газет мне было известно, что в этом году руководителем оперной студии стал Сибони. Я выяснил, что он живет в переулке Вингорстрэде, и с сердцем, готовым вырваться из груди, отправился к нему. Я до сих пор отчетливо помню, как, прежде чем позвонить, опустился на колени на лестничной площадке и вознес мольбу Господу, при этом страшно боясь, что кто-нибудь ненароком откроет дверь и застанет меня в такой позе. Времени было четыре часа пополудни, у Сибони оказались гости, и среди прочих писатель Баггесен и композитор Вайсе.

Дверь мне открыла служанка, говорившая по-датски, и я чистосердечно признался ей, кто я таков и чего хочу. Она, видно, все так и передала в гостиной, ибо все собравшиеся там высыпали в прихожую, чтобы поглядеть на меня — уж таким необычным выглядел мой поступок. Затем меня пригласили войти, Баггесен взял меня за руку, спросил, не испытываю ли я страха перед теми, кого величают рецензентами, и предложил спеть что-нибудь. Я исполнил арию из оперы

«Любовь в деревне»: «Нет, и речи не идет о девице!» (которую я выучил во время ее исполнения г-жой Хаммер в Оденсе). Мне живо поаплодировали, и я сразу вообразил себе, что слушатели воистину восхищены моим пением. Сибони предложил мне прийти еще раз в один из ближайших дней. Выходя от него, я сказал служанке, что все мое состояние исчисляется семью ригсдалерами, и спросил, смогу ли я, по ее мнению, стать певцом в театре и получать жалованье. На этот вопрос ответить она не смогла, но посоветовала на следующее утро явиться к профессору Вайсе, ибо, по ее словам, из всех собравшихся он говорил обо мне с наибольшим участием.

II

Мой визит к Вайсе состоялся следующим утром и завершился, к моему восторгу, сообщением о том, что вчерашние мои слушатели собрали для меня семьдесят ригсдалеров. Помимо этого, Сибони пообещал учить меня пению, когда я смогу изъясняться с ним по-немецки, и предложил столоваться у него днем. Я едва не сошел с ума от радости, я чувствовал, что все мои мечты и надежды обязательно сбудутся, что Всемилостивейший Господь не оставил меня своей заботой и все испытания теперь остались позади. В сущности, случившееся ничуть не поразило меня, я ведь и думал, что так и будет, да к тому же во всех романах и историях героя ждет счастливый конец. Я до сих пор помню, как, радуясь, словно дитя, шел после визита к Вайсе по улице и, в отсутствие других прохожих, поцеловал свою руку и простер ее к Небесам, от всего сердца благодаря Господа. Вайсе посоветовал мне снять жилье у добропорядочных хозяев и не разбрасываться деньгами, которые я буду получать каждый месяц.

Такой огромной суммы я никогда ранее не видел, не говоря уж о том, что никогда не держал в руках. Я чувствовал себя таким богатым, таким счастливым и написал восторженное письмо домой. Я снял комнату у госпожи Торгесен (вдовы), проживающей на улице Хольменс Гаде (и представьте, в злачном квартале), и был, наверное, в соответствии с возрастом, самым наивным среди его жителей.

Тут я еще вспомнил, что у моей матушки есть сводная сестра, богатая вдова морского капитана, которая живет в Копенгагене. К ней-то я и решил обратиться за помощью, надеясь не слишком утрудить ее этим, тем более что она в свое время проявляла ко мне участие. По счастливой случайности мне удалось выяснить, где она живет, впрочем, впоследствии я даже имени ее вспомнить не мог, да мы никогда больше и не встречались, скорее всего, она умерла. В раннем моем детстве она как-то приезжала в Оденсе. Блестяще одетая, она заглянула и к моим родителям и подарила мне серебряный скиллинг, но матушка весьма резко и в сильных выражениях отозвалась о ее богатстве и нарядах, и расстались они врагами. Мое доброе детское сердце подсказывало мне, что так долго продолжаться не может, да к тому же я нуждался хотя бы в подобии домашнего уюта, вот и решил, как уже сказано, прилепиться к этой своего рода тетушке.

Дом у нее оказался довольно ухоженный, да и приняла она меня довольно терпимо, но зато от нее досталось моей бедной матушке, которую она в присутствии некоей нарядно одетой барышни отругала за грубость и невежество, а в конце концов заявила: «И теперь вот, после того как меня оскорбила, она пытается, ко всему прочему, еще и ребенка своего мне на шею повесить. Добро бы еще это девчонка была, а то мальчик!» Вскоре в комнату вошел какой-то господин. «Это возлюбленный барышни», — прошептала тетушка и попросила меня следовать за нею. Мы поднялись на чердак, где она рассказала мне, какими средствами располагает, и предложила изредка навещать ее. Но тон, в котором она говорила о моей матери, как и история с незнакомой барышней и ее любовником, так смутил меня, что я рассказывал обо всем этом госпоже Торгесен с болью в душе, ибо понял, чем моя добропорядочная тетушка зарабатывала себе на жизнь. С тех пор я никогда больше не виделся с нею, наверняка она умерла, а может, просто мы не узнали друг друга при случайной встрече.

Чтобы попасть в ученики к Сибони, мне следовало немножко подучить немецкий, но как это осуществить? Я прочитал в газете объявление некоего господина Бруна, проживавшего на улице Фарвегаде, который предлагал свои услуги в качестве преподавателя немецкого языка, и отправился к нему. Он выслушал историю моих злоключений, заинтересовался ею и дал мне пару бесплатных уроков. (Впоследствии я встретил его в Оденсе, где он теперь учительствует в школе.) Итак, я попал к Сибони; повар-итальянец и две горничные — немка и датчанка составили круг моего общения в этом доме. Во время обеда еду мне подавали в комнату горничной, а так я бегал по разным поручениям, и раз или два в месяц Сибони давал мне весьма непродолжительные уроки пения. Кроме того, мне дозволялось слушать выступления самого Сибони и певцов Королевского театра. Так прошло полгода, как вдруг однажды Сибони призвал меня к себе и сообщил, что моя внешность, и мои манеры говорят отнюдь не в мою пользу, что голос у меня стал ломаться и потерял в звучности и поэтому он не сможет рекомендовать меня для выступлений на сцене в ближайшие три-четыре года и отказывает мне от дома. Помимо этого, у него появился другой, в отличие от меня, весьма многообещающий ученик, а именно малышка Ида Вульф, которой он теперь и займется. (Я открывал ей дверь, когда она в первый раз пришла к Сибони вместе со своим отцом, это было маленькое хрупкое существо в простеньком платьице красного цвета.)

Итак, Сибони мне отказал, и я очутился почти в том же самом месте, с которого начал свой путь полгода назад. Весь в слезах, я отправился к Вайсе и попросил его устроить меня в ученики к какому-нибудь часовщику. Тем временем наступил май, то есть тот месяц, когда, по словам Хольстейна, меня могли принять в балетную труппу. Выходит, надежда у меня остается, подумалось мне, было бы только на что жить. И тут я вспомнил семью Гульдбергов из Оден-

се, которая относилась ко мне с таким участием, ведь брат полковника жил здесь, в Копенгагене. Я написал ему письмо, в котором рассказал обо всем, что со мною произошло, и о своем нынешнем положении и, таким образом подготовив почву, направился к нему — он жил за городской чертой у Северных ворот. Ведь Сибони дал понять, что указывает мне на дверь, моя совесть не позволяла мне молить о помощи, но все мои средства составляли оставшиеся десять—двенадцать далеров, так что же, скажите на милость, мне еще оставалось делать в этом чужом городе?!

Профессор Гульдберг оказал мне довольно сердечный прием, он все знал обо мне от своего брата и именно по его инициативе он и его друзья, среди которых был и композитор Кулау, собрали для меня восемьдесят ригсдалеров (из этой суммы я получал десять ригсдалеров в месяц). Помимо этого, он обещал мне давать один урок в неделю и заниматься чтением и датским правописанием, ибо в моем письме к нему я почти в каждом слове допустил ошибки. Ах, как я обрадовался, особенно когда он пообещал переговорить с Линдгреном, чтобы тот занялся мною.

Тем не менее я отправился к руководителю балетной труппы Бурнонвилю, но выяснилось, что он вместе со своим юным сыном находился в тот момент в Париже и делами балета занимался Дале́н. Гульдберг снабдил меня кое-какой более или менее приличной одеждой, в которую я и облачился. В таком наряде, с длинными локонами волос, свисавшими на плечи, я имел, наверное, весьма странный вид, однако г-н Дале́н встретил меня очень любезно, сказал, что слышал обо мне, и предложил просто прийти в Королевский театр, где он найдет мне занятие при балетной труппе. Я тут же возомнил, что теперь попаду в столь желанный мир театра, и вознес хвалу милому доброму Господу.

Я все так же проживал у г-жи Торгесен (после смерти мужа-закройщика она с помощью подмастерья продолжала его дело), рассказал ей о своей удаче и попросил дать мне возмож-

ность столоваться у нее, ибо где же еще мне питаться?! Я сообщил, какую сумму собрал для меня Гульдберг, и попросил разрешения остаться у нее. Она же потребовала с меня за все про все двадцать ригсдалеров в месяц, да еще с оплатой вперед! От такой огромной суммы я пришел в ужас и со слезами на глазах принялся умолять хозяйку снизить ее до десяти ригсдалеров. «Нет! — отрезала она. — В противном случае можете жить у кого хотите». Но я же никого не знал! Что же мне делать? Рыдая, я просил ее все же взять оставшиеся у меня десять ригсдалеров и подождать остальные десять четырнадцать дней, обещая раздобыть недостающее за это время. «Я прошу двадцать ригсдалеров! — настаивала она. — Ваши восемьдесят лежат у Гульдберга, и он не имеет права их задерживать. Вы можете жить на них у меня четыре месяца, а за это время он наверняка найдет какой-нибудь выход. Я иду в город, и если до моего возвращения вы не достанете двадцать ригдалеров, то отправляйтесь куда глаза глядят».

Она ушла, а я, потеряв всякую надежду, остался дома, в ее комнате. Я сидел перед висевшим на стене портретом покойного супруга хозяйки и плакал, вдруг сквозь слезы мне почудилось, будто он смотрит на меня сочувственно, и тогда я в своем детском простодушии обратился к портрету, словно к самому покойному, с мольбою смягчить сердце супруги и помочь бедному дитя. Я даже провел рукой по лицу и омочил своими слезами глаза на портрете, чтобы покойный ощутил всю горечь. Боль и печаль так истощили меня, что я, находясь в полубессознательном состоянии, впал в какое-то подобие сна, в котором и пребывал до самого возвращения хозяйки.

За время отсутствия она подобрела душою и, поняв, что я не в состоянии собрать требуемую сумму в тот же день, согласилась взять у меня десять ригсдалеров при условии, что оставшиеся десять я раздобуду не позднее чем через четырнадцать дней. И так каждый месяц: десять далеров в первый день и еще десять — через четырнадцать дней.

В затребованную хозяйкой сумму входила плата за стол, стирку белья и проживание в маленькой комнатушке без окон (собственно говоря, это была кладовая рядом с кухней с двумя отдушинами в дверях). Места в каморке хватало только для кровати и двух поставленных друг на друга стульев, а также для того, чтобы я, стоя, мог одеваться и раздеваться. Впрочем, находиться в каморке мне предстояло только по вечерам и ночью, днем же хозяйка разрешила мне быть на ее половине. Конечно, довольно жестоко так обращаться с бедным, покинутым всеми ребенком, особенно если речь идет о весьма состоятельной даме, владелице дома в целых четыре этажа, в котором мы и жили. И тем не менее я был столь счастлив остаться у нее, что в первый миг даже опустился перед хозяйкой на колени и поцеловал ей руку, которую заодно оросил слезами. Мне представилось, что у меня теперь нет ни в чем недостатка.

III

Тысячи идей относительно того, как раздобыть десять ригсдалеров в месяц, роились у меня в голове. Я отправился к Вайсе, и он снова отнесся ко мне со всем великодушием, пообещав вместе с некоторыми своими друзьями передавать мне раз в квартал определенную сумму для оплаты жилья, однако запросы хозяйки были столь высоки, что денег этих все равно не хватало. И тут я вспомнил юную даму, фрёкен Тёндерлунд, с которой в Оденсе вместе ходил к священнику учить катехизис. Она, правда, на конфирмацию не явилась по причине болезни, но там, в Оденсе, несколько раз весьма любезно со мной беседовала, слушала мое пение и вообще с благосклонностью отнеслась к моим драматическим талантам. Мне стало известно, что она проживает в доме у адмирала Кригера на улице Гаммель Хольм и в этом году будет конфирмоваться. Я отправился к ней, и, увидев меня, девушка расплакалась, ведь она всегда сочувствовала такому чудно́му существу, как я, поражаясь безрассудному шагу, который я сделал, таким вот образом вступив в мир. Она отдала мне все свои карманные деньги и очень скоро договорилась с друзьями о том, что они будут оказывать мне месячное вспомоществование, и к тому же самым лучшим образом рекомендовала меня своим знакомым. Вот так я и собрал необходимые

двадцать ригсдалеров, а заодно обрел покровителя в лице этой добросердечной барышни.

Благодаря ей я свел знакомство со старой фру Кольбьёрнсен, которая знала обо мне по рассказам своей сестры фру Кригер. Она встретила меня тепло и радушно, чем весьма порадовала мое сердце. Я был еще совершеннейшим дитя, очень смешно выражал свои мысли, но так страстно говорил о любви к театру, что люди невольно проникались сочувствием к такому странному существу. Дочь фру Кольбьёрнсен (ныне фру ван дер Маазе) в то время была фрейлиной кронпринцессы, услышав обо мне от своей матушки, она изъявила желание повидать меня, и я тут же помчался во дворец Фредериксберг. Кронпринцесса тоже вышла поглядеть на меня, но я ни чуточки не смутился и сразу же предложил им продемонстрировать свои способности в пении и декламации, за что удостоился похвал и пирожных. Получив в подарок фунтик, полный сладостей, винограда и персиков, а также десять ригсдалеров наличными, я в полном блаженстве отправился домой.

Я уселся в саду под деревом, отведал сладостей и решил половину оставить хозяйке. От переполнявшей меня радости я запел в голос: ранее я не имел случая наблюдать весеннюю зеландскую природу, и теперь при виде этих зеленых благоухающих деревьев меня охватило удивительное чувство. Я пел, импровизируя текст, обращаясь к ним, к цветам и птицам, ибо другой возможностью высказать свои ощущения не обладал. Но тут ко мне подошел смотритель сада и спросил, не спятил ли я часом, после чего я в полном смущении ретировался, не произнеся ни слова.

Я был на удивление наивным существом, истинно поэтической натурой, любая вещь производила на меня глубочайшее впечатление, и, словно дитя, я мог одновременно и смеяться, и плакать, хотя, в сущности, имел веселый нрав. Я оставался еще совсем ребенком, хотя мне уже и шел семнадцатый год.

Я стал посещать балетную школу Королевского театра, приходил туда каждое утро и делал батманы у станка. Г-жа Кретсмер была тогда еще совсем маленькой девочкой, и мы часто устраивали с нею соревнования: кто сделает больше упражнений, пока нас не одолеет усталость. Я знал наизусть множество стихотворений, часто декламировал в школе и нередко слышал, как старшие и более образованные ученики перешептывались, считая, что я зря трачу там время, ибо из меня наверняка может что-нибудь получиться (особых похвал удостаивался мой голос).

Дома у госпожи Торгесен я развлекался лишь чтением всего, что попадало мне под руку, я даже брал книги в библиотеке И.К.Ланге, используя те немногие скиллинги, которые мне удавалось наскрести. Читать сидя в моей каморке я не мог, там не было и стола, и поэтому мне приходилось забираться с книгой в постель, что я зачастую и делал уже в шесть часов вечера, припася свечу и ужин. И за чтением в моем воображении открывался совсем иной мир.

Воспоминания о моем маленьком кукольном театре, который я соорудил в Оденсе, вновь ожили во мне и побудили меня заняться чем-либо подобным и теперь. Я тут же принялся за осуществление этой идеи и, будучи уже шестнадцатилетним парнем, взялся, также лежа в постели, изготавливать костюмы для кукол. Чтобы разжиться для этого материей, я стал ходить по магазинам на Эстергаде и просить образцы шелка и бархата, а из этих лоскутков потом шил великолепные костюмы. Кроме того, я сам сделал панораму и таким вот образом потратил на эти игры целый год своей юности.

К тому же я как ученик балетной школы получил возможность каждый вечер бывать в театре, располагаясь в ложе статистов в третьем ярусе, и смотреть комедии. Надо сказать, престранное общество окружало меня там, да и разговоры велись престранные, впрочем, я оставался чист и невинен и все так же всеми мыслями и сердцем стремился только к театру.

Тем временем Гульдберг весьма усердно занимался со мною датским, он задавал мне учить наизусть стихи, затем декламировать их и всегда хвалил мое исполнение, считая меня неиспорченным наивным ребенком. Однако собранные им для меня деньги закончились, а хозяйка требовала свои двадцать далеров, так что положение мое снова ухудшилось донельзя. Тогда Гульдберг выступил с речью по случаю дня рождения короля в Гэтхусет, при этом сбор от выступления предназначался мне, то есть, как было сказано в объявлении, юному неимущему художнику, он оказался не таким уж незначительным. Так что хозяйка получила свои двадцать ригсдалеров. Ко всему прочему, я чисто по-детски привязался к ней и вовсе не ощущал, как понимаю теперь, что, в сущности, она относилась ко мне совсем не по-доброму, хотя я и был так беден. Ведь она забирала у меня все. Нередко она даже посылала меня с поручениями в дальний путь в район Фредериксберга, за что мне перепадало от нее четыре монетки, которые я принимал с великой радостью и великою же благодарностью, ибо на них я мог купить куклу или картинку у Бланкенстайнера.

Я жил, забываясь в счастливых мечтах, и вовсе не обращал внимания на те губительные обстоятельства, с которыми сталкивался каждодневно. Стоило лишь выглянуть в окно, чтобы убедиться, что на всем лежала печать порока и разврата, да и в ложе для статистов разговоры велись весьма и весьма легкомысленного свойства. А дома у хозяйки появилась новая жиличка, некая госпожа Мюллер, чей пожилой отец, господин Мюллер, едва ли не через день навещал ее по вечерам. Казалось бы, что в этом такого, но вот однажды, находясь у фрейлины фрёкен Кольбьёрнсен, я увидел старика Мюллера, и был он вовсе не в своем обычном простецком фраке, но зато со звездой на груди. Этот эпизод поразил меня до глубины души, однако я, разумеется, не сказал ему ни слова. Да и господин Мюллер меня не признал, хотя именно я почти каждый вечер открывал ему

дверь. У самой госпожи Торгесен тоже завелся любовник, но все это меня не касалось. Я лежал в постели в своей каморке и разыгрывал театральные представления с куклами, а все остальное пропускал мимо своего внимания, и только теперь, повзрослев, я понимаю, на краю какой пропасти — в прямом смысле этого слова — я пребывал, будучи погружен в свои игры и мечтания.

Как раз в это время я получил письмо от матушки, в котором она сообщала, что старая моя бабушка умерла, что перед смертью она очень сильно страдала, все время звала меня, ждала моего письма, но — и это до сих пор омрачает мою душу — так и не дождалась, а ведь она молилась за меня в свой последний час. Смерть ее потрясла все мое существо, а я не мог ни траур носить, ни даже приколоть к шляпе крепову ленту — у меня же не было денег, ничего не было. Я просто плакал навзрыд — и только этим мог выразить всю глубину моей скорби.

Тем временем финансовое положение госпожи Торгесен пошатнулось, неудачи в делах привели к потере значительных сумм, и однажды она сказала мне, что нам, по всей видимости, придется расстаться, но что я смогу жить у одной из ее подруг, жены штурмана, г-жи Хенкель. Сама же она через месяц уехала в Вест-Индию, где устроилась... акушеркой. Любовник ее последовал за нею (но год спустя вернулся обратно).

Г-жа Хенкель оказалась не столь жестокосердной, как ее подруга, у нее было много детей, и жила она в весьма стесненных обстоятельствах. Итак, я переехал к ней, в тот двор, где ныне располагается «Гильза-копилка». Мне снова досталась комната без окон, но я получил разрешение проводить время в хозяйской гостиной в обществе многочисленных детишек. Между тем Гульдберг посоветовал мне отказаться от обедов у моей новой хозяйки и довольствоваться, помимо жилья, только завтраками и ужинами — так, дескать, будет дешевле. А обедать я мог в какой-нибудь харчевне, к чему в первую очередь меня вынуждала ограни-

Балерина А.М.Шалль.
Литография Г.Л.Ладе

Хенриетта Вульф, дочь адмирала П.Вульфа.
Портрет работы А.Мюллера

ченность в средствах. Так я стал столоваться в «Хёвлене», в подвальчике дома возле Хольмен-канала, где обедал простой народ. Я ощущал себя удивительно чужим среди этих весьма развязных людей и старался как можно скорее покончить с едой и ретироваться. Впрочем, нередко случалось так, что у меня совсем не было денег на обед, но я стыдился показать это госпоже Хенкель или — того пуще — напугать ее тем, что берегу аппетит к ужину (хотя речь шла всего лишь о нескольких бутербродах). В таких случаях я отправлялся в Королевский сад, где сидел на скамейке возле фонтана или просто бродил по аллеям и жутко мерз в ту холодную зиму, ибо никакой теплой одежды у меня не было. А потом, по прошествии часа, возвращался домой и с пустым желудком дожидался ужина, но более положенного мне никогда ничего не требовал.

Между тем в остальном я пребывал в превосходном настроении, все происходящее воспринимал с легким сердцем, смотрел на мир счастливыми глазами, верил всем и каждому и не знал никого, кто мог бы стать мне недругом, но ведь и друзей у меня не было! Как не было и ровесников, с которыми я мог бы доверительно общаться. Фантазия, воображение заменяли мне все, я жил в мире грез и ничему не учился!

Первым приютило меня семейство Далéна. Он сам ввел меня в свой дом, и его добросердечная, приветливая жена близко к сердцу принимала мою нужду, но я этого не замечал, я был счастлив и чуть ли не каждый вечер приходил к ним. Они так тепло ко мне относились, а дочерей тешила моя наивность. Мы играли в разные настольные игры, пели, я встречал там многих образованных людей. Я обрел у Далéнов свой дом. Особую радость доставляла мне игра под названием «Путешествия», и я почти всякий раз, бывая у них, доставал ее с полки. Я приносил своих кукол и панораму и под покровом передника хозяйки разыгрывал представления. Я играл теперь для г-жи Далéн, которую забавляла моя инфантильность, столь редкая для людей такого возраста, в каком я тогда пребывал.

У Дале́нов я часто видел переводчика Н.Т.Бруна, который, правда, никогда не удостаивал меня и толикой внимания, что, в сущности, было заслуженно. Но вообще-то, с кем бы ни сводила меня жизнь, все похвально отзывались о моих умственных способностях. И говорили, что мне следует учиться, что мне просто необходимо учиться. Но как я мог осуществить эту идею? К тому же я слишком любил театр, чтобы забивать мозги казавшимися мне недостижимыми целями. Между тем с деньгами у меня стало совсем худо, отовсюду я только и слышал, что мне нужно обзавестись друзьями, которые могли бы взять на себя заботу обо мне, но никто не предоставлял мне такой возможности. В то время мне много приходилось слышать о великодушии физика Эрстеда, и этого было для меня достаточно, чтобы отправиться к нему за помощью, и я не разочаровался в своих ожиданиях, ибо сразу же убедился в том, какое доброе у него сердце. Он сказал, чтобы я обязательно пришел к нему, когда его жена поправится, дал мне почитать несколько книг и своим добрым отношением вселил в меня мужество и чувство преданности к нему.

Тем временем обо мне прослышал учитель пения Кроссинг (преподаватель музыкальной школы при театре), он сильно разгневался на Сибони, узнав, что я учился у него и что у меня все еще есть голос, и потому решил принять меня в свою школу, чтобы сделать певцом, но начинать мне предстояло с хорового пения. Вот так время мое оказалось поделенным между танцем и пением, я очень часто бывал теперь в театре, за кулисами, и только и думал о том, что мне удалось сделать завидный шаг на пути к достижению высшей цели моих желаний. Ида Вульф (ныне фру Хольстейн), тогда еще ребенок, тоже увлекалась театром, и мы сидели с ней по вечерам за кулисами и беседовали, ибо ей единственной среди всего моего театрального окружения я более или менее доверял. Фистер был очень грубым малым, насмехался надо мной, а девица Абрахамсен вела себя, словно Золушка, ни с кем не заговаривала.

До сих пор я еще ни разу не принимал участия в представлении. И вот однажды вечером, когда давали «Двух маленьких савояров», как всегда, находясь за кулисами, я обнаружил, что все ученики и даже некоторые рабочие сцены, коротко говоря, все, кто хотел, устремились на просцениум в эпизоде, где требовалось изобразить скопление людей. «А вы не желаете поучаствовать? — спросила меня Ида Вульф. — Вы только скажите об этом тому, кто гримирует статистов, он и вас загримирует так же, как меня!» С этими словами она тоже умчалась на просцениум. Мне быстро нарумянили щеки, и с сердцем, готовым вырваться из груди, я смешался с толпой статистов. О, какой прилив блаженства я испытал в тот миг, да еще тут же ко мне подошел актер Бауэр и поздравил меня с дебютом! Я почувствовал, что он делает это в насмешку, выбрался из кучи статистов, забился в темный угол за занавесом и заплакал горючими слезами.

Впрочем, прошло совсем немного времени, и я выступил на сцене, и притом в театральном костюме. В тот вечер давали балет «Нина», где в одном из эпизодов двое музыкантов играют для героини, которой ни одна мелодия не нравится, пока исполнители не находят ту, что напоминает ей о возлюбленном. На роли этих двух музыкантов выбирали старших учеников балетной школы, и одна из них досталась мне. Это был мой дебют. Уже в четыре часа пополудни я явился в театр и облачился в костюм своего персонажа. Музыканты в нашей сцене располагались на переднем плане (в том месте, где теперь находится небольшая ложа с пилястрами). Партию Нины танцевала госпожа Шалль, и мне доставляло удовольствие, что на сцене она уделяла мне больше внимания, нежели моему напарнику (скорее всего, потому, что выглядел я весьма комично).

Тем временем Дален написал новый балет — «Армида», и я получил в нем роль тролля. Девица Ханне Пэтгес (ныне фру Хейберг) тоже участвовала в спектакле, и если я пра-

вильно помню, это был ее дебют. Она была еще совсем ребенком и так коверкала свою фамилию, что в программке к балету среди исполнителей значилась некая Ханне Петкер.

Между тем желание мое сыграть настоящую роль росло все сильнее и сильнее. Гульдберг переговорил с Линдгреном, и я отправился к нему. Он посмотрел меня в одной из ролей, объявил, что я обладаю талантом комика, и разрешил мне заниматься вместе с его учениками — Фистером, девицей Ронгстед и многими другими. Однако я стремился играть душещипательные роли и, набравшись мужества, попросил попробовать меня в «Корреджио». «Но Господи Боже мой, милое дитя, ваша внешность противоречит образу героя, своей высокой тощей фигурой вы, ей-богу, вызовете у публики только смех. Впрочем, что ж, выучите роль». Восемь дней спустя я явился к нему с готовой ролью. Линдгрен предложил мне прочитать монолог Корреджио в картинной галерее, и в том месте, где он восторгается великолепными художественными сокровищами, я разразился настоящими слезами. Старик пожал мне руку и сказал: «Сердце у вас есть да и голова, ей-богу, на месте, но вам не следует тратить время попусту в театральной школе. Вам нужно учиться, а в актеры вы не годитесь. В жизни есть и другие замечательные и достойные занятия, помимо театрального искусства». — «Неужели я вовсе не гожусь? — вопросил я. — Даже для комических ролей?! О, Господи, до чего же я несчастен! Что же со мной теперь станется?»

Линдгрен полагал, что мне следует изучить латынь и заняться с Гульдбергом латинской грамматикой, а вот когда я сделаю успехи, в чем он не сомневался, вот тогда и можно будет для меня сделать что-нибудь побольше. В то время я не имел вообще никакого представления о том, что такое грамматика, даже книг подобных никогда в руках не держал, но раз уж мне сказали, что это может мне сильно помочь, я решил приступить к занятиям. Кроме того, у меня ведь была редкая способность запоминать тексты наизусть,

и я лишь попросил о том, чтобы меня не отлучали от театра, ибо им единственным я жил и только о нем и мечтал.

Когда я высказал Гульдбергу желание учить под его руководством латинскую грамматику, он сообщил, что сам не слишком хорошо в ней разбирается. Тогда я обратился к госпоже Хермансен, той самой моей соседке по почтовому дилижансу на пути в Копенгаген. Как раз в то время сын ее (г-н Ольсен нынче учительствует в Хельсингёре) окончил школу, стал студентом и начал давать частные уроки. Вот я и попросил ее уговорить сына немного позаниматься со мной бесплатно. На это госпожа Хермансен, относившаяся ко мне по-матерински, ответствовала в том духе, что заниматься со мной немецким он, может, и согласится, но вот что до латыни, латынь — это, дескать, такой *дорогой* язык. Тем временем Гульдберг договорился с одним из своих знакомых, неким студентом Бентциеном (ныне священником во Фредериксборге), согласившимся раз в неделю заниматься со мной по грамматике Бадена. И вот у меня появилась книга, каких я раньше и в руках не держал и которая показалась мне чудовищно скучной, ведь до тех пор я читал лишь романы и комедии.

Как раз в то время директором театра стал статский советник (ныне конференц-советник) Коллин. «Мне думается, — сказал Гульдберг, — вам следует познакомиться с этим человеком, он имеет обыкновение принимать участие в тех, в ком видит хорошие задатки». Но ведь я был с ним совсем незнаком и все же, воспользовавшись тем, что попрежнему оставался учеником театральной школы, нанес ему визит и попросил его обратить на меня внимание. Меня он до этого вообще не знал, никто ему обо мне не рассказывал.

У Гульдберга я бывал каждую неделю, мне надлежало переписать одно из его стихотворений и выучить его наизусть, что особого удовольствия мне не доставляло. И тогда мне захотелось вернуться к тому, чем я занимался в детстве, то есть самому писать стихи. В только что вышедшем

номере «Голубиной почты» Росенкильде я прочитал рассказ «Лесная часовня», и он меня исключительно заинтересовал. В обработке этого рассказа у меня получилась настоящая трагедия в стихах. Я попросил Гульдберга принести вместо его произведения свое. Он разрешил и оценил его с точки зрения языка. По его мнению, я написал действительно весьма цельное произведение, он прочитал его некоторым своим друзьям, и они подивились воображению автора и легкости языка, хотя я все так же оставался совершенно необразованным. Впрочем, каким бы наивным я ни был во время работы над этой пьесой, она служит доказательством того, что, направляясь к Гульдбергу, чтобы выслушать его мнение о том, следует ли мне продолжать писать подобные вещи, я и сам сомневался в этом и подумывал заняться настоящим кукольным театром, но все же оправдались мои лучшие ожидания.

Пьесу свою я читал и Кольбьёрнсенам. Супруга тайного советника находилась тогда в «Баккехусет», и таким образом я познакомился с фру Рабек, которая разговаривала со мной в шутливом тоне и рассказывала, как Эленшлегер и Ингеманн читали ей свои первые работы. Позднее, незадолго до ее смерти, когда я навестил ее, уже получив аттестат зрелости, она вспомнила, что как-то я читал ей кое-что из написанного якобы мною, но заимствованного у Ингеманна и в ответ на ее замечание об этом сказал: «Да, но ведь это так красиво!» В «Баккехусет» я познакомился с профессором Тиле и Мёлем, который тогда был еще молодым студентом, а также с актрисой г-жой Андерсен, давшей мне прозвище «der kleine Declamator»*, поскольку я все время пытался что-нибудь прочесть ей.

Любой теплый отзыв о моей трагедии «Лесная часовня» я рассматривал словно бы через увеличительное стекло, я чувствовал себя бесконечно польщенным, веря всему, что

* Маленький декламатор *(нем.)*.

говорили люди, и на самом деле считал, будто пьеса написана мастерски и достойна того, чтобы ее прочитали все. Вот так я явился с нею к Эленшлегеру, который похвалил стихи, а на прощание пожал мне руку. Это рукопожатие было для меня превыше всего, ибо я взаправду посчитал, что тем самым меня посвятили в поэты. Нанес я визит и Ингеманну — он был весьма дружелюбен и любезен, хорошо отозвался о моей первой работе и даже совместно с Грундтвигом оказал мне финансовую помощь. Я был на седьмом небе, и в первый раз у меня в голове промелькнула мысль: «*Ты — поэт!*» Все-все должны были знать это!

Мало того: радуясь, словно ребенок, я решил, что и увидеть мою пьесу должны все. Вот почему с нею пришлось ознакомиться и члену дирекции театра Ольсену, и он даже сказал, что мне следовало бы представить ее к постановке, которая, не исключено, могла бы иметь место. Как же я был счастлив! Я помчался к Гульдбергу и рассказал ему обо всем, но, к моему великому изумлению, он призвал меня к благоразумию и предостерег от такого шага. Я ничего не мог понять и сконфуженно замолчал, но — впервые в жизни в душе моей поселилось сомнение в отношении другого человека. Я ведь знал, что драматические опыты самого Гульдеберга успеха не имели, вот и подумалось мне, что он просто-напросто завидует и не хочет, чтобы успеха добился я. Мысль был[а] злая, тем более что речь шла о человеке, который сделал для меня столько добра. Наверное, это был первый грех в моей жизни, и объяснение я нахожу только в том, что все остальные лишь хвалили меня и курили мне фимиам, а сам я тогда пребывал в полнейшей уверенности, будто произведение мое превосходно.

Итак, я не представил пьесу к постановке, поскольку Гульдберг воспротивился этому, но в тайне от него решил написать полностью самостоятельную вещь и в качестве сюжета избрал датскую народную легенду о разбойниках в Виссенберге. Подобно Шиллеру, я тоже решил дебюти-

ровать драмой о разбойниках, она-то, кишмя кишевшая грамматическими ошибками, и поступила в дирекцию театра, откуда мне ее вернули как совершенно незрелое произведение с припиской, гласившей, что автор в подавляющем большинстве случаев демонстрирует свое полное невежество. Кроме того, дирекция выражала пожелание моим друзьям и покровителям предоставить мне возможность путем постижения наук добиться той цели, к которой я так ревностно стремился.

IV

Тем временем я прилежно посещал занятия в школе пения. Меня выпускали на сцену и в помощь хору, и я выступал в роли то пастуха в «Иоганне Монфокон», то воина в «Зураме и Зульнаре» (я тащил триумфальную колесницу). Одну из самых больших партий я исполнял в пьесе «Ланасса», где Нильсен, Фрюдендаль и несколько человек из хора, среди которых оказался и я, изображали браминов. Костюмы у нас были ужасные, мы облачились в плотно облегающее трико телесного цвета, поверх которого надели лишь узкие пояса, так что спина и грудь казались обнаженными. На выбритой голове осталось только что-то вроде косички — выглядели мы чудовищно. Публика смеялась и шикала. Я к тому времени так отощал, что на самом деле стал стыдиться своей худобы и потому производил весьма комичное впечатление. К следующему представлению нас немножко приодели. Когда я вскоре после этого беседовал с кронпринцессой, она сказала, что я напоминал ей тощего драного кота, а Нильсен — толстого, круглого поросенка. Что касается отношения к моим драматическим опытам, помнится, она сказала: «Вы собираетесь писать трагедии, как Эленшлегер. Оставьте эту затею! В жизни и так много горя. Пишите лучше о том, что может развеселить публику, как, например, Хольберг». Она и вообще была со мной очень любезна, шутила над моими наивными высказы-

Статский советник Й.Коллин.
Портрет работы К.Йенсена

ваниями, а однажды, войдя в комнату, где одна из фрейлин рисовала мой профиль, и, узнав, что я недоволен изображением, пририсовала к нему кривой нос и огромные глаза. «Он должен выглядеть, как Шиллер!» — сказала она и с этими словами подарила мне рисунок. Как жаль, что я утратил его: более интересного листка бумаги от тех времен у меня и быть не могло.

Вот так и текло время. Латинская грамматика меня ничуть не вдохновляла: погруженный в свои грезы, я несколько раз пропустил занятия, и наказание не замедлило последовать. Однажды вечером я со своими куклами разыгрывал для госпожи Дале́н «Рольфа Синюю Бороду», превратив балет в оперу и импровизируя музыку на ходу. Но тут домой вернулся сам Дале́н и рассказал, что встретил Гульдберга и тот жаловался на меня, поскольку я отлыниваю от занятий латынью, о которых сам же его просил и которые он для меня организовал. Услышав это, я тут же бросил свой театр и помчался на Нёрребро, чтобы вымолить у Гульдберга прощение. Он, однако, ничуть не смягчился, назвал меня плохим человеком, не желающим себе добра, и заявил, что больше не желает иметь со мной никаких дел. Я был совершенно раздавлен, умолял его простить меня. Говорил, что в противном случае я окажусь самым несчастным человеком на земле. «Ах, вот как, вы еще комедию передо мной разыгрываете?» — ответил он. «Если вы покинете меня, я останусь совсем один! Да, я совершил ошибку, но, видит Бог, я исправлюсь, буду прилежней, я ведь не знал, к чему все это может привести, я ведь не имел никакого представления о том, что такое латинская грамматика, когда обратился к вам просьбой», — примерно такую речь произнес я. «Несчастный, — повторил он. — Да ведь это реплика из какой-то комедии. Я ее читал. Больше я для вас ничего не сделаю. У меня еще осталось тридцать ригсдалеров для вас, из них вы будете получать по десять далеров в месяц, но между нами все кончено!» — с этими словами Гульдберг захлопнул передо мной

дверь. Я понимал, что провинился, пропустив те несколько занятий по латыни, но одновременно чувствовал, что он обошелся со мной слишком уж жестоко.

В полном отчаянии я отправился домой. Он назвал меня плохим человеком, и это так страшно тяготило меня. Я долго стоял на холодном ветру на берегу озерца Пеблинген, наблюдая отражение луны в воде. В голову лезли скверные мысли: «Ничегошеньки из тебя не выйдет! Ты теперь плохой человек! Господь сердит на тебя, тебе следует умереть!» Я смотрел на воду и вспоминал свою старую бабушку, уж она-то, точно, не думала, что я окончу жизнь таким вот образом. При этой мысли я горько заплакал, но и почувствовал облегчение в душе и попросил Бога в моем сердце простить мне мои ошибки и греховные мысли о самоубийстве. Потом я отправился к Бентциену, попросил у него прощения за те несколько пропущенных занятий с ним, объяснив, что как раз в это время шло столько замечательных спектаклей в театре, отвлекавших меня от изучения латинской грамматики, и заявил, что раскаиваюсь в совершенном грехе. Он как мог утешал меня, и, несколько успокоившись, я отправился домой.

С тех пор я стал прилежно заниматься грамматикой, но Гульдберг оставался непреклонен — холодно и твердо он следовал своему решению (за свою работу в театре в течение последнего года я получил двадцать пять ригсдалеров, это был весь мой гонорар). Поскольку я больше не мог рассчитывать на помощь Гульдберга, необходимость да и внутреннее желание заставляли меня еще более упорно добиваться настоящей роли для дебюта. Больше всего мне хотелось сыграть Петера в «Сборе винограда» и Жакино в «Двух гренадерах». Линдгрен отрепетировал эти роли со мной и пришел к выводу, что я смотрюсь в них неплохо. Мне было семнадцать лет, я был полностью предоставлен сам себе, никто по-настоящему не принимал во мне участия, и только бесконечная детская наивность и вера в Господа позволяли мне держаться на плаву. Я отчетливо помню, как проявлялись обе эти черты моей

натуры. Высшим моим желанием было получить серьезную роль. И вот наступил новый, 1822 год. Я свято и твердо верил в то, что человеку суждено прожить весь год так, как он проведет его первый день. Выходит, мне надо оказаться в этот день в театре, и тогда он будет открыт для меня в течение всего года. Но, к моему глубокому огорчению, спектаклей первого января не давали, и поэтому я ранним утром тайком пробрался в здание театра, где не встретил ни одной живой души. Весь дрожа, словно бы совершая грех, я подошел к рампе, сложил руки и прочел «Отче наш», а затем так же тихо пробрался обратно к выходу, всем сердцем уверенный, что в новом году обязательно буду выступать на сцене.

Между тем надежды мои потерпели полный крах, ибо в мае часть труппы из числа не слишком востребованных актеров уволили, вот и я получил письмо из дирекции, которая уведомляла, что «освобождает меня от дальнейшей службы в театре». Я понял, что оказался в совершенно бедственном положении, и отправился к статскому советнику Коллину с просьбой все же не прогонять меня из театра. Он отнесся к разговору со мной довольно серьезно и сказал, что у меня неподходящая внешность да и голос никуда не годится (голос у меня так окончательно и не восстановился по той причине, что зимой я постоянно ходил с мокрыми ногами и без теплой одежды). Опечаленный, я побрел домой, не видя никакого выхода из создавшегося положения.

С матерью Урбана Юргенсена, замечательной женщиной, бывшей уже в больших годах, я свел знакомство благодаря «Лесной часовне». Это она побудила меня продолжать деятельность на поэтическом поприще. Ее вера в мои способности ко мне и поддержка укрепили меня в мысли, что я выше просто толпы. Это, а также нужда заставили меня сесть за трагедию «Солнце эльфов», которую я написал на основе одноименного рассказа Сума. А вдруг ее примут — подумалось мне.

В любом случае я собирался продать ее какому-нибудь издателю, надеясь выручить хоть немного денег. И вот я закон-

чил пьесу, использовав в ней некоторые реплики из «Лесной часовни» и «Разбойников в Виссенберге». Прослушав ее, пожилая г-жа Юргенсен схватила меня за руку и сказала: «Десять лет я не проживу, но запомните мои слова — к тому времени мир станет смотреть на вас совсем иначе, нежели сейчас! Эленшлегер не останется первым вечно, ему на смену придут молодые люди!» Это слишком смелое, но идущее от сердца суждение сильно растрогало меня. Она сообщила мне также, что пробст Гутфельдт проявляет интерес к моей персоне и желает со мной познакомиться. Я отправился к нему, он прослушал «Солнце эльфов» и произнес в мой адрес столько хвалебных слов, сколько я никак не заслуживал. Он укрепил во мне веру в мои силы и заявил, что я настоящий поэт, а пьесу мою следует направить в дирекцию театра и сопроводить рекомендательным письмом, которое сам же и предложил написать. Эрстед и его семья также прослушали трагедию и довольно тепло отозвались о ней, впрочем, я-то вообразил, будто они вознесли меня до небес.

Примерно в то же время я впервые прочитал роман Вальтера Скотта «Эдинбургская темница», и благодаря живой фантазии в моем воображении возникла цельная подробная картина всего описанного. Я настолько органично ощущал себя участником всего произошедшего, что действие романа представлялось мне неотъемлемой частью собственной жизни. И раньше священная дрожь охватывала меня при мысли о великом призвании поэта, теперь же я впервые понял, какое это имеет значение. Весь мир, казалось мне, представляет собой сказку, которой поэт пользуется, как художник палитрой. Мне сразу же захотелось написать что-нибудь в подражание Вальтеру Скотту, и я написал историю о безумной Стине и дал ей название «Привидение на могиле Пальнатоке». Мне хотелось, чтобы все-все разделили со мной радость от того, что я поэт, все-все должны были прослушать мое «Солнце эльфов». Я читал теперь пьесы Шекспира, и мне представлялось, что все это написал я. Я и вправду вбил се-

бе в голову, что равен ему. Командор Вульф переводил Шекспира, и я внушил себе, что ему будет приятно увидеться с человеком, похожим на его любимого поэта. Впрочем, я и сам сгорал от желания познакомиться с Вульфом, и вот с рукописью «Солнца эльфов» в кармане вошел в дом, который впоследствии стал для меня едва ли не родным.

Я производил, вероятно, сугубо комичное впечатление, я был жизнерадостен и наивен, причем последнее резко контрастировало с моим возрастом и ростом. Манеры мои отличались ужасной неуклюжестью, что, в сущности, объяснялось тщеславием и боязнью обнаружить недостатки моего весьма потертого одеяния. Сюртук был коротковат, поэтому мне приходилось поминутно одергивать рукава, а ногами выделывать потешные кренделя, чтобы панталоны не слишком задирались, выставляя напоказ худые сапоги. Из-за всего этого осанка у меня совершенно нарушилась, ибо по ряду причин я не решался ходить с поднятой головой и горбился. Внешне я выглядел ужасно зажатым, в то время как внутренне оставался очень естественным. Чтобы напечатать «Солнце эльфов», я отправился к Сайделину, однако получил отказ. Актер Фарсом был знаком с наборщиком типографии вдовы Коэна, и через этих лиц я договорился о том, что пьесу начнут печатать, как только наберется определенное количество подписчиков. Для того чтобы объявить об этом в газете «День», я обратился к известному рецензенту Профту, прочитал ему пьесу, и он вознаградил меня аплодисментами.

«День» опубликовал положительную рецензию, правда, без указания моего имени. В заметке говорилось, что авторство пьесы принадлежит семнадцатилетнему юноше, что его работу можно оценить необычайно — с учетом уровня его образования — высоко и что автор заслуживает поощрения и нуждается в пополнении багажа знаний, без чего даже самый выдающийся талант не сможет достичь достойного уровня в своем творчестве. Помимо этого Профт напечатал первую сцену из полученных им «Разбойников из Виссен-

берга» в развлекательном журнале «Арфа» (1822 г.). Публикация появилась за моей подписью. Это было мое первое произведение, увидевшее свет. Я прочитал его, наверное, раз сто и, лежа по вечерам в постели, рассматривал свое напечатанное на бумаге имя. Ликуя от радости, я не замедлил явиться к фрёкен Тёндерлунд, и она, простодушная и добросердечная, разделила эту радость со мной. Вульфу я тоже показал оттиск, и он попросил его у меня почитать. Но когда несколько дней спустя я явился забрать журнал, его нигде не могли отыскать. И тогда командор совершенно спокойным голосом заявил, что поскольку не предполагал, какую ценность журнал для меня представляет, «обратил его во прах»! Я ничего не сказал в ответ, но едва сдержал слезы, ведь я утратил все свое достояние.

В сентябре дал знать о себе театр, речь шла о моей пьесе, меня вызвали в дирекцию. Собрались Коллин, Рабек, Хольстейн и Ольсен. Говорил Рабек, он сказал, что в некоторых местах автор проявил недюжинный талант, но вместе с тем и полное невежество и что при отсутствии знаний создать нечто, годящееся для представления образованной публике, невозможно. Поэтому, а также потому, что я зарекомендовал себя как человек неиспорченный, принято решение помочь мне получить образование. Статский советник Коллин сделает представление королю, и есть надежда, что мне разрешат бесплатно учиться в школе. О том, в какой именно, мне будет сообщено дополнительно. Во всяком случае, есть надежда, что после нескольких лет обучения я напишу вещь, которую можно будет принять и поставить на сцене. Итак, мне предстояло теперь обратиться непосредственно к Коллину, который брал на себя все заботы обо мне. По-моему, я ничего не ответил, у меня от счастья просто закружилась голова. И вот я отправился к Коллинам, решив, что им обязательно надо прослушать «Солнце эльфов». А что я мог еще придумать?! Впервые я переступил порог дома, к которому впоследствии прирос всей душою, в котором познакомился

с Эдвардом и предавался сладким мечтам, да что говорить, Господи Боже мой, я их всех обожаю!

Было решено, что учиться я буду в Слагельсе. Директорствовал в тамошней школе Мейслинг, совсем недавно назначенный на эту должность. Отъезд назначили на первое ноября. Что же касается публикации «Солнца эльфов», то дело совсем не заладилось, поскольку набралось лишь считанное число подписчиков. Я назвал книгу «Юношеские опыты» и, чтобы, подобно Вальтеру Скотту, скрыть истинное авторство — пусть даже все слушали пьесу, решил подписать ее выдуманным именем — Вильям Кристиан Вальтер, расположив первым имя Шекспира, последним — Вальтера Скотта, а посредине — свое собственное. Могут сказать, что я проявил излишнюю скромность, но Господи Боже мой, ведь люди обо мне столько хорошего наговорили, а теперь вот еще и проявили ко мне такое внимание! Я не забрал рукописи из типографии, хотя меня и предупредили, что книга не будет напечатана. Втайне я все же надеялся, что она увидит свет, пока я буду в Слагельсе, — как бы это было замечательно! Поэтому я и попрощался со всеми, кроме издателя. Фру Вульф пообещала писать мне, а Коллин сказал, чтобы я сообщал ему все о своих делах.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Итак, начался третий период моей жизни, ибо я провожу четкую грань между годами детства, проведенными в Оденсе, и трехлетними приключениями в Копенгагене — настолько они отличаются друг от друга.

Двадцатого ноября 1822 года я выехал в почтовом дилижансе в Слагельсе. О том, что ожидает меня в школе, я не имел совершенно никакого представления, знал лишь, что жить и столоваться мне придется у одной довольно зажиточной вдовы, которая обеспечит меня всем необходимым, так что я буду вовсе лишен забот о добывании хлеба насущного. Мейслинг, директор школы, опубликовал стихотворение «Элегия детства», которое я находил весьма трогательным и красивым. Больше мне ничего не было о нем известно, но сей факт меня весьма обнадеживал. Почтовым дилижансом возвращались домой и несколько молодых людей, в октябре поступивших в университет, все они, как и я, находились в веселом настроении, и в пути мы с удовольствием распевали песни, радуясь прекрасному осеннему дню.

До Слагельсе мы добрались поздним вечером, и хозяйка постоялого двора в ответ на вопрос о достопримечательностях города сообщила, что их всего лишь две: библиотека Бастхольма и новый английский пожарный экипаж. Мне от-

вели небольшую комнатку, где я, прежде чем улечься спать, помолился Господу и попросил Его всегда оставаться добрым ко мне и помочь мне продвинуться в изучении наук, проявив в этом все возможное усердие и прилежание.

Ранним утром следующего дня я отправился в школу, чтобы нанести визит Мейслингу. Они принял меня весьма тепло, я бы даже сказал, сердечно, и заметил, что по получении письма от Коллина все организовал для меня наилучшим образом. Не откладывая дела в долгий ящик, я вечером того же дня прочитал ему мои «Солнце эльфов» и «Привидение на могиле Пальнатоке». На чтение пригласили двух учеников старшего класса, и я был весьма горд тем, что сумел показать, какой я молодец. Жить мне предстояло у вдовы местного фогта г-жи Хеннеберг вместе с еще одним учеником, сыном священника Фишера из Рингстеда.

Утром в понедельник начались занятия в школе, меня определили во второй класс. Мейслинг выделил мне место в среднем ряду, почти в самом центре класса. Мои одноклассники были почти совсем дети, я со своим ростом возвышался над всеми ними, и они с изумлением поглядывали на своего нового товарища.

Начинать мне пришлось с изучения латыни, греческого, геометрии, истории, географии, короче говоря, заниматься всеми предметами, даже чистописанием и арифметикой, ведь я почти ничегошеньки не знал ни по одному из них. Так, о геометрии я вообще не имел никакого представления, а что до географии, то не мог отыскать на карте Копенгаген. Все это вызывало во мне огромный интерес, но лавина предметов захлестнула меня, к тому же я окунулся в новую, совершенно не знакомую мне жизнь, да и окружение мое изменилось до неузнаваемости, и все это воздействовало на меня странным образом. Старик Сниткер вел у нас (во втором классе) латынь, это был настоящий оригинал, но исполненный добродушия (впоследствии я изобразил его в «Теневых карти-

Латинская школа в Слагельсе, в которой учился Андерсен.
Фотография

Симон Мейслинг, директор латинской школы.
Портрет работы неизвестного художника

нах»). Он уже преподавал в школе, когда там учились Ингеманн, Йенс Мёллер и будущий актер Росенкильде. «Да, вот какие люди учились у нас! — говаривал он. — Надеюсь и вы прославите нашу школу!» И мне льстили его слова. Все учителя относились ко мне очень доброжелательно, а Мейслинг каждое воскресенье приглашал к себе и, учитывая мой высокий рост, позволял мне ходить в церковь со старшим классом, а не как положено — со своим. Что, правда, не слишком нравилось малышам из моего класса.

Впрочем, как учителя, так и Мейслинг относились ко мне вежливо и доброжелательно лишь в течение первого месяца моего пребывания в школе. Я занимался с изрядным усердием, но не мог как следует усвоить всю эту массу новых для меня и столь разнообразных сведений, я учил предметы со всем прилежанием, но был не в состоянии привести свои знания в систему и должным образом применить их — и это вполне естественно для такой невежественной и мечтательной натуры, ведь раньше я никогда не обременял себя мыслительной деятельностью. Лишь старший преподаватель Квистгор не изменил ко мне своего отношения. Этот крестьянский сын и сам только в двадцать лет начал учиться. Он поддерживал во мне бодрость духа, и чтобы выразить ему свою благодарность, я первым делом и очень старательно учил его уроки, но он вел только Закон Божий и библейскую историю. Свой предмет он преподавал превосходно, и что касается меня, слова его падали на благодатную почву.

С восьми утра до полудня и с трех до шести часов вечера я проводил на уроках в школе, что явилось для меня, привыкшего в Копенгагене свободно распоряжаться своим временем, нелегким испытанием. В моем окружении было достаточно много смешного, но это открылось мне только тогда, когда я, уже получив аттестат зрелости, вернулся в столицу. У Сниткера было несколько дочерей, все они нашли женихов из числа учеников школы и впоследствии вышли за них замуж. В девицах

же оставалась только последняя из дочерей, малышка Сигне. Сниткер часто рассказывал о ней в хвалебных тонах и не забывал напоминать, что все его зятья раньше у него учились. В доме учителя истории Андерсена дела складывались не лучшим образом, он всегда был раздражен и ворчлив, яростно закусывал свои рыжеватые бакенбарды и рассказывал какие-то странные истории. Однажды он отругал меня: «У тебя, дылда, следовало бы излишек тела отрезать — на двух щенков хватило бы!» А учитель математики вряд ли мог заслужить у когонибудь хотя бы толику уважения. Впрочем, Мейслинг ко всем ним относился весьма пренебрежительно.

Дома у г-жи Хеннеберг, где снимал жилье еще один ученик школы, в моем распоряжении находилась маленькая комнатушка да еще пристройка с выходом в сад. Жили мы с моим соседом довольно мирно, но был он парень невоспитанный и несколько раз являлся вечером, будучи сильно навеселе, и я в ужасе бежал на половину хозяйки, где и устраивался на ночь на диване. Снаружи мои окна обвивала виноградная лоза, а маленький садик простирался до самого поля, где на холме находилось место казни города Слагельсе. По вечерам я частенько сиживал в саду и упражнялся в пении, и, как в старые времена в Оденсе, соседи слушали меня за изгородью и восхищались моим красивым голосом.

Раз в две недели «Драматическое общество» давало комедии. Сцену обустроили в дворовой постройке, прежде служившей хлевом. Под потолком висела небольшая железная люстра, и сверху нещадно капало раскаленное сало, так что место под ней всегда пустовало, даже когда публика битком набивала зал. На занавесе был изображен фонтан, причем так, что казалось, будто струя вырывается из суфлерской будки. Для городских сцен художник изобразил рыночную площадь Слагельсе, и эта декорация присутствовала в любом спектакле. Для сцен же, действие которых происходит в лесу, декорации нарисовали на заднике, что часто дезориентировало пуб-

лику, поскольку луну оказалось невозможно разместить над деревьями, и она маячила прямо перед ними. Каждый член общества имел право на два билета для прислуги на генеральную репетицию, а ученики школы допускались на нее бесплатно, ибо дирекция театра стремилась как можно больше наполнить зал, чтобы актеры привыкли к выступлению на широкой публике. Так что в зале всегда находилось множество горничных и школяров. В оркестре играли старый садовник и двое местных подмастерьев, исполняли они обычно только «молинаски», а школьники при этом отбивали ногами такт.

Тем временем приближались рождественские праздники. Мейслингу не особенно нравилась жизнь в этом маленьком городке, и он с удовольствием воспользовался возможностью хоть ненадолго его покинуть. Город располагал одной-единственной старой каретой, впрочем, все жители ею охотно пользовались. На Рождество устраивали городской бал, однако на этот раз приглашенные дамы оказались в незавидном положении — их пришлось нести из дома на руках, ибо Мейслинг нанял карету для своего путешествия. Мне он предложил отправиться вместе с ним. В расшатанном экипаже разместились он, его жена, четверо их детей, служанка и я. Под сиденье Мейслинга убрали корзинку с блинами, вложенными между двумя плетеными розетками, а супруга его держала в руках кулек, наполненный фунтиками со сладостями. Чтобы дети не замерзли, все мы закутались в большое одеяло. Ночью зажгли фонарь. Появилась колода карт, и мы начали игру, а фру Мейслинг задорно исполнила арию из «Дон Жуана»: «Не верь ему, он лжет тебе». В столицу мы прибыли, все обсыпанные пухом.

Г-жа Юргенсен оказала мне весьма сердечный прием и предложила пожить у нее во время моего короткого пребывания в Копенгагене. Впервые я отобедал у статского советника Коллина, все члены его семьи отнеслись ко мне несколько настороженно, однако хозяин дома был сама любезность. Он

утешил меня и подбодрил, зная о моих школьных мытарствах, выразил удовлетворение моими оценками — я ведь захватил с собой дневник — и попросил меня ежемесячно сообщать ему их, а также без утайки рассказывать о том, как у меня идут дела. Я ощутил к нему искреннее доверие, однако он все-таки оставался для меня человеком, от которого зависели мои жизнь и судьба, и поэтому испытывал по отношению к нему странное чувство страха, смешанное с почтительностью.

С первым днем нового года школьная жизнь приняла привычный для учебных заведений оборот. Учителя обращались со мной так же, как и с другими учениками, я же нуждался в другом подходе, другой педагогической методе. Но не мог же я этого потребовать! Нет, в школе, как на фабрике, порядок для всех один. Мейслинг был весьма вспыльчив и раз за разом грубо вышучивал учеников. К счастью, он вел в нашем классе лишь один урок в неделю (по письменному датскому), но я так страшился его, что зачастую в глубине души просил Господа, чтобы из печки полыхнуло пламя или случилось нечто подобное, что помешало бы ему прийти на занятия. Когда он спрашивал меня, я, даже зная правильный ответ, начинал путаться и спотыкаться, а он по-своему переиначивал мои слова, и моя речь представала еще более смешной, чем была на самом деле, что вызывало хохот моих одноклассников, который действовал на меня угнетающе. Возможно, он не имел в виду ничего плохого, просто у него была такая манера поведения, но ничего более ужасного для человека моего склада представить нельзя. Я приуныл, но все же моя жизнерадостная натура пока еще побеждала.

Коллин ненавязчиво, по-дружески посоветовал мне во время учебы не уделять слишком много времени стихотворчеству. Я воспринял его пожелание со всей ответственностью и чувствовал поэтому, что если нарушу его, то совершу настоящий грех. За первый год учебы я написал всего лишь одно стихотворение — на смерть Гутфельдта. Я ведь многим был этому

человеку обязан и очень любил его. Стихотворение без указания имени автора напечатали в местной газете, и благодаря этому обо мне узнал пастор Бастхольм. Я дал ему почитать мое «Солнце эльфов» и получил от него весьма доброжелательное письмо, в котором он призывал меня учиться дальше и тем самым все больше и больше оттачивать поэтическое мастерство. Предстояла церемония вступления Мейслинга в должность директора с участием епископа Мюнтера, и школьный учитель пения попросил меня написать по этому поводу текст песни, которую ученики исполнят на определенный мотив. Как я был горд, ведь песню исполнят в монастырской церкви! Перед началом церемонии, чтобы унять волнение, отправился на старое кладбище, где бродил, наблюдая, как неподалеку больничные прачки развешивают белье для сушки. Там-то я и увидел покосившийся памятник на всеми забытой и заброшенной могиле поэта Франкенау. Чувство гордости тут же улетучилось, и на душе у меня стало так скверно, что я заплакал искренними слезами и не мог унять их до тех пор, пока за мною не пришли и не позвали к началу исполнения песни. Примерно в то же время, на пасхальных каникулах я написал небольшое стихотворение под названием «Моей матери», напечатанное в моем сборнике «Стихотворения», вышедшем в 1830 году.

Кроме того, довольно много народу успело прослушать трагедию «Солнце эльфов», пока Мейслинг не запретил мне читать ее, что было, наверное, довольно разумно с его стороны, но в результате страх мой перед ним только усилился. Тем не менее я попрежнему каждое воскресенье бывал у него в доме, где он всегда принимал меня дружелюбно. Мы проводили время вместе с детьми директора и несколькими, также приглашенными учениками. Мейслинг забавлялся, возя нас на маленькой тачке, играл с нами в рождественские игры и в обманутого мужа. В один из первых месяцев учебы, когда мне выставили хорошие оценки, я стал задумываться о том, как мне повезло, и, вспомнив о Гульд-

берге, решил вновь завоевать его расположение, для чего и сообщил ему о своих успехах в учебе. Еще перед тем, как окончательно склониться в пользу учебы, я захотел показать, насколько благодарен этому человеку, и посвятил ему «Солнце эльфов», о чем Гульдберг, вероятно, прослышал, — и вот мне передали письмо от него, которое я здесь и привожу, поскольку, по-моему, оно в достаточной мере свидетельствует о том, какую борьбу с самим собой я выдержал, все-таки решив написать ему теперь.

«Г-ну Андерсену, ученику школы Королевского театра

Если Вы полагаете, что обязаны мне чем-либо, то наилучший способ выказать свою благодарность — оставить *всякие* попытки сделать это, как, например, посвятить мне работу, которую Вы предполагаете напечатать. Любое публичное указание на меня, как на Вашего благодетеля, настолько противно моей натуре, что Вы не сможете доставить мне *большей досады* каким-либо иным способом, нежели публично называть меня человеком, что-то сделавшим для Вас. Первый, *самый подходящий* случай отблагодарить меня и проявить усердие в учении, возможность чего предоставил Вам я, Вы проигнорировали, а вот другим, гораздо *менее подходящим* — поведать десятку читателей о том, что я Ваш благодетель, — воспользовались! О том, что я сделал для Вас, единственно знает тот, кого это касается, знает Господь на небесах, и только он нам судья.

15 июля 1822 года
Ф.Хёг-Гульдберг».

Письмо это, когда я его получил, убило меня, теперь же я, напротив, посчитал, что оно полностью выражает характер его автора — он писал его, не остыв от гнева. Поэтому на этот раз и написал ему сердечные искренние строки и со следующей почтой получил весьма дружелюбный ответ, из которого понял, что он более не сердится на меня и что мы

снова стали друзьями, что он доволен моими оценками. И у меня сразу с души словно свалился камень. Впоследствии он регулярно писал мне, он слышал о моих успехах, тепло и сердечно отзывался обо мне, да что там — однажды я получил от него письмо, большая часть которого написана стихами. Он чувствовал, что я все еще остаюсь наивен душою, и предрекал, что дела мои наладятся.

На следующий год, во время первых моих школьных пасхальных каникул во мне проснулось желание съездить в Оденсе, чтобы повидать матушку [и] знакомых. Теперь я мог, не стыдясь, показаться им на глаза. О, как же я радовался предстоящей поездке! Мейслинг же тем временем в одиночестве отправился в Копенгаген. Перед его отъездом я высказал свое желание побывать в Оденсе, он же заявил, что лучше бы я остался поиграть с его детьми, по крайней мере в течение восьми дней. И тогда я решился съездить на восемь дней домой. Какое счастье! Было еще три часа ночи, когда я, облачившись в свой лучший наряд, отправился пешком в Корсёр. С собой я взял немного белья, уложив его в холщовый мешочек. На борту смэка я преодолел пролив за несколько часов, а дальше побрел в направлении моего дорогого, родного города, который покинул три с лишком года назад, пустившись в такое авантюрное предприятие. Господи, как же колотилось у меня сердце!

Как только впереди замаячил собор Св.Кнуда, я упал на колени и заплакал от счастья, я благодарил милого доброго Господа за то, что Он так по-отечески ведет меня по жизненному пути; душу мою переполнила радость, и я громко запел от восторга. Когда я вступил в город, мне показалось, что я грежу. На первой же улице я встретил матушку, и она разрыдалась, не в силах порадоваться вместе со мной. Старик Иверсен и все его домочадцы приняли меня как своего собственного сына. Гульдберг оказал мне весьма любезный прием, да и мне было приятно повидаться с полковником, ведь он приходился

братом моему благодетелю. Многие смотрели на меня с удивлением, а люди из простых, знакомые мне по прежним временам, обращались ко мне как к г-ну Кристиану, так как не знали точно моего первого имени. Я побывал на Монастырском холме, в лесу Ундеруп, и вся моя копенгагенская жизнь показалась мне сном. Старая моя бабушка умерла. Ах, если б она была еще в живых, она бы смогла снова увидеть меня, милая-милая моя старушка! Ее похоронили на кладбище для бедных, и могилы ее мне отыскать не удалось. А вот отцовскую сровняли с землей: в той части кладбища собирались разбить цветник. Из земли даже торчали кости умерших, и я закопал их поглубже. Теперь на том месте, где тело отца предали земле, выросли розовые кусты.

Матушка же моя была горда и счастлива, ей хотелось, чтобы все-все увидели меня, и она потребовала нанести визит в каждый дом на улице, где сама проживала, на меньшее она была не согласна. «Они же зовут и приглашают, — сказала она. — Так что придется тебе пойти!» В один из вечеров она пришла за мной к полковнику Гульдбергу, поскольку со мной пожелала встретиться служанка фабриканта. Я не мог ей перечить и отправился домой. Девица увидела меня, застеснялась, отвесила поклон, и мы расстались, обменявшись лишь несколькими фразами. Ссестру Бункефлода я навестил сразу же по приезде. Она рассказала мне несколько историй о моей матушке, я же ограничусь одной. Во время моего пребывания в Копенгагене она часто приходила к ним с моими письмами, так как сама грамоты не знала. И вот когда Гульдберг выступил с речью в Гэтхусет, передав в мою пользу гонорар за выступление, матушка, прослышав об этом, решила, что речь написана мною, и целиком и полностью поверила в мое авторство. Поэтому она раздобыла текст речи, попросила старую деву прочитать его ей и по окончании чтения заплакала неудержимыми слезами. В речи, посвященной дню рождения короля, однажды встретилось слово «ста-

рушка». «Это наша старая бабушка», — сказала она. Услышав «отец нации», матушка воскликнула: «О, добрая душа!», решив, что имелся в виду мой отец. А в сочетании «мать нации» обратила внимание только на первое слово и подумала, что речь идет о ней самой. Каникулярное время пролетело быстро, и вот мне уже следует возвращаться. Таков оказался короткий, но очень поэтичный сон, вырвавший меня из школьной повседневности.

Полковник Гульдберг из Оденсе написал мне вскоре после моего отъезда, он обращался ко мне, точно отец к сыну, а я нуждался именно в таком сердечном отношении и стал поверять ему все свои мысли! В каждом своем письме он вселял в меня мужество и уверенность в себе, и вплоть до сего момента я ощущаю себя находящимся в ближайшем родстве с ним, и отношусь к нему, как относился к отцу в детские годы в родном городе. Супруга же командора Вульфа также писала мне едва ли не раз в две недели и относилась ко мне поматерински, правда, порою она была немного строга со мною, когда я донимал ее своими бесконечными жалобами, но вообще-то стала мне настоящей матерью. Коллин был тоже мил и любезен, всячески подбадривал меня в своих письмах и выражал удовлетворение моими успехами, какового я сам вовсе не испытывал.

Мейслинг, по-видимому, решил, что поступает правильно, держа меня в ежовых рукавицах с целью внести хоть какой-то порядок и определенность в сумбур моих мыслей и чувств. Учителя же сплошь и рядом проявляли свой обывательский, мещанский подход к делу, и все окружавшие меня люди лишь в столь малой степени могли понять эти мои мысли и чувства, что я в одночасье утерял свою жизнестойкость и все мои юношеские надежды потускнели. Мне стало казаться, будто я не делаю достаточных успехов в учебе, что весьма сильно ранило мое самолюбие, ведь занимался я каждый день до глубокой ночи. Мейслинг решил

подстегнуть меня постоянными унижениями и оскорблениями, чем доводил до полного отчаяния, и я часто плакал, оставаясь дома в одиночестве. Я говорил себе, что мои покровители ошиблись во мне, что я никчемная личность, и стал подумывать о смерти. Тяга к мечтаниям и фантазерству все только усиливалась, я ощущал в себе потребность к сочинительству и даже набросал несколько отрывков, но и тут меня ждал тупик отчаяния, ведь Коллин предостерегал меня от этого. По всему по этому я и считал себя негодным человеком и в наказание самому себе стал учить уроки с удвоенной энергией.

Нередко по вечерам я отправлялся на небольшие прогулки к замку Антворсков, от которого сохранилось лишь одно крыло. В зарослях высокой крапивы скрывались кучи битого камня, я частенько сиживал там лунными вечерами и трясся от страха в ожидании появления призраков монахов, настолько я был суеверен. В другой стороне от города находился «Холм отдохновения», на котором, по легенде, восстал ото сна Святой Андерс, заснувший в Яффе близ Иерусалима. На холме стоял деревянный крест с изображением Христа. Оно было выполнено в не знакомой мне манере, в традициях католицизма, почему я нередко и захаживал туда, наблюдал через пролив Фюн, и меня посещали удивительные мысли о моем будущем, о жизни и мироздании. И меньше всего думал я тогда, что несколько лет спустя призрак Херц язвительно назовет меня, вспомнив легенду, Святым Андерсеном, но ведь я знал блаженной памяти приходского священника Андерса гораздо лучше, чем Херц меня.

Что касается моих однокашников, то с ними я вполне ладил, учителя, в сущности, любили меня, но настроение мое никак не улучшалось. В ноябре 1823 г. предстояли годовые экзамены, и я жил мечтами и надеждами на то, что по их результатам меня переведут в третий (предпоследний) класс. Если бы этого не произошло, Коллин, как мне представля-

лось, сильно огорчился бы и решил, что я ни на что не гожусь. Я готовился, как одержимый, и по окончании испытаний Мейслинг записал в моем дневнике следующее:

«По окончании учебного года я не могу не воздать Х.К.Андерсену заслуженную похвалу за проявленное им, в особенности во втором полугодии, чрезвычайное усердие, с которым он стремился получить необходимые для плодотворной деятельности в будущем основные знания. В знак вознаграждения и поощрения за его старания он переводится в третий класс школы.

8/10 23. Мейслинг».

Я был несказанно счастлив, я получал письма со словами одобрения от своих друзей, Коллин написал, что весьма доволен мною, я по-щенячьи радовался и чувствовал себя заново рожденным. Кронпринцесса прислала мне деньги на карманные расходы, и, прибыв на рождественские праздники в Копенгаген, я имел возможность всласть поразвлечься, правда, только лишь в течение восьми дней. На большее я не решился, и на девятый день отправился обратно заниматься с детьми Мейслинга. Таково было его требование! В Копенгагене я остановился в этот раз у управляющего Баллинга, этого милого человека, известного своей благотворительной деятельностью, который еще до моего отъезда в Слагельсе не раз проявлял заботу обо мне. В те несколько дней, что я провел в столице, мы каждый вечер ходили в театр, занимая места в партере, чему был несказанно рад.

Доказательством того, сколь горячо я по-прежнему любил театр, служит история моего возвращения в Слагельсе. Чтобы посмотреть спектакль, который шел субботним вечером, я отказался от поездки с почтовым дилижансом, отходившим в тот день, и решил отправиться в обратный путь пешком ранним воскресным утром. Из двенадцати каникулярных дней прошло всего восемь, но так как Мейслинг предписал

мне появиться у него в следующий понедельник утром, я посмотрел в субботу комедию и отправился в путь пешком, имея при себе карманные деньги, выданные мне Баллингом, и целую кипу романов Вальтера Скотта, полученных мною в подарок на Рождество. Ходок я превосходный, но стоял крепкий мороз, и я едва не отморозил пальцы, они омертвели от холода, и пришлось возвращать их к жизни, отогревая дыханием. На отрезке от Роскилле до Рингстеда поднялась метель, но я упорно шел по середине проселочной дороги, изредка заглядывая в шекспировскую «Бурю» и бодро распевая песни. Вот так, на своих двоих, я добрался до Слагельсе в час ночи и лег спать в своей комнате. А утром в понедельник явился к фру Мейслинг и ее детям.

С началом занятий в школе настали действительно тяжелые времена. Мейслинг всегда бывал не в духе по возвращении в Слагельсе, а теперь он вел у нас каждый день уроки греческого. И хотя директор желал мне добра и перевел меня в следующий класс, он с самого начала принялся глумиться надо мной, высмеивая мои речи. Впрочем, его насмешкам подвергались и все мои одноклассники, но я был самым старшим и, наверное, поэтому сильнее других переживал его оскорбления. Мейслинг обладал светлым умом, но вовсе не годился на роль воспитателя молодых людей. Моя внешность тоже служила объектом его едких выпадов, не всегда, впрочем, остроумных. Так, например, он называл меня Шекспиром с глазами вампира, на что я не раз обижался до слез, и тогда он посылал юного графа Шметтау принести булыжник, который тот по его приказу клал передо мной для того, чтобы я вытер им слезы.

Я впал в состояние полного уныния, в каждой строчке моих писем того времени слышатся стенания. Гульдберг из Оденсе обращался ко мне по-отечески, убеждал меня в том, что я умен и талантлив, в чем я как раз и сомневался, ибо Мейслинг вел себя со мной по-прежнему. Какое-то время я

даже считался лучшим учеником в классе, но теперь наши отношения стали более близкими, и он воспользовался этим, чтобы еще злее высмеивать меня, когда я из страха перед ним начинал путаться в своих ответах. Однажды кто-то написал дурацкий стишок на моем томике Гомера. М. его прочитал и пришел в ярость. «Это не я, — вынужден был оправдываться я. — Посмотрите на почерк, Вы же видите, что это написано не моей рукой». — «Зато в вашем духе, — возразил он. — Вы тупица, из которого никогда ничего путного не выйдет. Вы, конечно, много всякой ерунды наворотите, когда встанете на ноги, но никто не станет читать вашу писанину, ее будут покупать, как макулатуру, у Сольдина. И уймите слезы, орясина!» Да, вот так он меня воспитывал. Сдается, он желал мне добра, ведь в Копенгагене он весьма хорошо отзывался обо мне, да и здесь всегда приглашал к себе по воскресеньям, но все-таки и речи не могло быть о том, что он воспитывал меня должным образом. Я глубоко страдал, но в душе по-прежнему оставался ребенком, и самая маленькая радость, любое дружелюбное слово на многие часы возрождали мои жизненные силы и надежды на будущее.

Ингеманн женился и стал учительствовать в Сорё, что в двух милях от Слагельсе, и когда у меня выдавалось свободное от учебы в школе время, я всегда выбирался на денек к нему, где чувствовал себя, словно в раю. Вот с ним-то я не опасался говорить о поэзии — нередко по дороге в Сорё я сочинял кое-какие небольшие стихотворные фрагменты, с которыми он всегда обязательно знакомился. Мы совершали прогулки по озеру под парусом к Парнасу, и однажды у нас на мачте даже была Эолова арфа, а по вечерам под пианино пели (Ингеманн, его супруга и я) гимны Шульца.

Как-то на каникулах меня охватило неудержимое желание сочинять, и я подумал, что в свободное от занятий время это не будет грехом. Меня очень интересовала личность Кристиана II, и я решил сделать его героем романа. Сказано — сде-

лано, написав несколько глав, я прочитал их Ингеманну (который тогда как раз закончил своего «Вальдемара»). Он очень похвалил услышанное и заявил, что у меня, определенно, талант романиста, в особенности в изображении народной жизни. Читая учебник Крога Мейера и слушая лекции Квистгора о его идеях, я существенно расширил свои знания о религии и как-то сразу после урока последнего сочинил и записал прямо в конспекте лекции поэтический экспромт «Душа», напечатанный в моем сборнике «Стихотворения». Ингеманн нашел его очень красивым, однако ему по-прежнему больше нравилась моя комическая проза.

Во время таких вот прогулок в Сорё я свел знакомство с одним из тамошних учеников, который весьма интересовал меня еще прежде, поскольку я слышал, что он пишет стихи и весьма умен. Он сам подошел ко мне в саду Академии, и вскоре мы подружились. Он стал первым моим сверстником, к которому меня влекло и которому я исключительно доверял (это был студент-юрист Карл Баггер). Вообще-то мы очень разнились по характеру, но оба были натуры поэтические, только вот что касается уровня знаний, он меня намного превосходил.

II

В Слагельсе в большей степени, чем в Оденсе, где я, правда, жил лишь своими детскими фантазиями, я прочувствовал дух жизни маленького провинциального городка. В понедельник на масленичной неделе горожане «выбивали» из бочки кошку на почтовом дворе, кое-кто из учителей тоже принимал участие в этой забаве, и я даже анонимно написал песню к этому празднику, текст которой начинается такими словами:

Слава Севера жива —
Мы тому порукой!

Прислуга забавлялась тем, что разбивала в куски глиняные горшки, а крестьяне колядовали. Помимо частного театра, устраивали спектакли и заезжие труппы, дававшие большие постановки. Так, труппа Бигума из двенадцати спектаклей дала одиннадцать трагедий, но при этом только одну народную комедию. Я смотрел «Разбойников» Шиллера, представление началось в восемь часов и продолжалось примерно до двенадцати. Сальные свечи успели догореть дотла, из-за духоты в зале открыли люки в крыше, посторонние с улицы забрались наверх, чтобы поглядеть, что там происходит, а полицейские били непрошеных гостей по

пальцам, в то время как Карл Моор с пафосом произносил свой монолог. Летом устраивали соревнования по стрельбе по мишеням в виде фанерных птиц, и за день до этого все молодые барышни города украшали танцевальную площадку цветочными гирляндами, которые сами же и плели. Офицеры уланского полка и ученики школы доставляли девушкам цветы и помогали в работе. Фру Мейслинг тоже участвовала в приготовлениях к празднику, и я решил к ней присоединиться, поскольку М. запрета на это не налагал.

По-другому вышло со спевками, которые организовал учитель пения. Раз в две недели воскресным вечером мы собирались в доме какой-нибудь образованной семьи, куда также приходили имевшие музыкальный слух и голос дамы, и мы исполняли целые арии. Фру Мейслинг, которая, по ее словам, в течение восьми лет училась пению у Цинка, тоже пожелала участвовать в наших распевках, но так как весь город весьма нелестно отзывался о ней, ни одна из дам не захотела выступать вместе с нею, что рассердило ее. Поэтому Мейслинг запретил нам приходить на эти спевки, правда, не напрямую, он просто сказал, что если мы ослушаемся его, *он* сам будет петь вместе с нами. Никто не осмелился пойти против него, а я, к несчастью, умудрился публично продекламировать одно из многочисленных стихотворений, выученных мною во время занятий с Гульдбергом. Мейслинг узнал об этом от учителя математики, который доложил ему обо всем, и вызвал меня к себе. Он страшно отругал меня, пообещал сообщить о моем поведении Коллину, а также выгнать меня из школы и заявил, что я ни на что не гожусь и что он более не в силах меня терпеть. Я совсем отчаялся, честно написал обо всем Коллину, излил душу Гульдбергу и фру Вульф и поведал им, что мне не остается ничего иного, как отправиться в *Америку*. Коллин и Гульдберг прислали мне слова утешения, а фру Вульф выговорила за то, что я все еще такой ребенок и прихожу в отчаяние из-за, как она выразилась, ерунды.

В школе все шло по-старому. Я почти всегда получал отличные оценки по Закону Божьему, библейской истории, датскому устному и датскому письменному, а также пению и у всех учителей имел «отлично» по поведению. Правда, однажды мне поставили «хорошо», из-за чего я приуныл и написал жалостливое письмо Коллину, в котором сообщал, что получил за этот месяц всего лишь «хорошо» по поведению, хотя вел себя — чему Бог свидетель — не хуже, чем в предыдущие месяцы.

Дома у г-жи Хеннеберг жизнь текла тихая и спокойная. Женщина она была весьма порядочная, но, к моему удивлению, имела очень слабое представление о поэзии и поэтах. Обе ее дочери знали об этом предмете гораздо больше, и както раз, когда мы вели с ними разговор о Шекспире, хозяйка, наслышанная о том, что в Копенгагене я встречался с Эленшлегером и другими известными личностями, простодушно спросила: «А вы у него тоже бываете?» Ее сестра, находившаяся уже в преклонных летах, ночевала в монастыре, а днем выполняла работу по дому. Она была чудаковата, настоящий оригинал. Я до сих пор не знаю ее имени, ведь в городе все звали ее Тетушкой. Ее отличали невероятная худоба и высокий рост, массивный нос, выступающие скулы и толстые губы. Узкое пальто и огромная шляпка, сидевшая на затылке, — вот детали ее уличного одеяния, которое дополнял необычайных размеров мешочек для шитья. Дома же она носила узкую белую ночную рубашку и красный ситцевый чепец.

Однажды, сидя в своей комнате, я услышал жуткий вой, доносившийся из стоявшего рядом торфяного сарая. Заглянув туда, я увидел Тетушку — обиженная кем-то из домашних, она, сорвав с себя чепец, так что длинные седые волосы упали на лицо, сидела на полу и, завывая, ногами разбрасывала торфяные брикеты по всему сараю. Увидев эту картину, я в ужасе ретировался. Часто бывало так, что она по полдня не показывалась дома, в таких случаях ее находили обычно у тонкой деревянной решетки, отделявшей сад от поля. Она

располагалась так, чтобы иметь возможность принимать солнечные ванны, просунув лицо между двумя рейками и разглядывая полусонными глазами ровное пустынное пространство. Она была горазда на выдумки и находилась в состоянии вечной ссоры со служанкой, особой тоже не слишком высокого ума, но которая всегда умела утешить себя, ибо, как она говорила мне, «я благодарю Господа за то, что Он наградил меня крепким рассудком — будь иначе, я бы сама тронулась от общения с этой сумасшедшей». Как-то раз она пришла вся в слезах и рассказала, что Тетушка подговорила прачку сострoить ей каверзу, состоявшую в том, что когда она начинала выжимать белье, то и прачка выкручивала его в ту же сторону. «О, — сказала она, — как мне опостылел этот мир!»

На генеральные репетиции Тетушка и служанка ходили по очереди. Как-то дочери хозяйки (Кристиане) предстояло играть в «Испытании огнем», а присутствовать на репетиции — Тетушке. Увидев красное шелковое платье с серебряной тесьмой, которое ей надо было отнести исполнительнице, служанка разразилась слезами и поведала мне, что Тетушке всегда достается посмотреть лучшие спектакли. Я стал утешать ее и сказал, что это весьма неинтересная пьеса. «Нет! — ответила она. — Я же видела платье Кристианы, оно все в позолоте и серебре — и вот эту-то пьесу увидит Тетушка, а мне всегда достаются простые комедии, где актеры все в обычных белых платьях или костюмах, какие можно увидеть каждый день!»

Когда выезжал английский пожарный экипаж, вся школа просила разрешения посмотреть выезд, а тем, кто водил знакомство с полицмейстером, позволялось занять места у открытых окон большого зала ратуши, где всегда собиралось множество дам. Улицы же в это время кишели народом.

Когда через город проезжал принц Кристиан, в доме повесили чистые занавески, а Кристиане купили новый бархатный бант. Тетушка же, напротив, весь день провела наверху и, высунув голову в чердачное оконце, только хихикала, что

продолжалось еще целый час после того, как процессия покинула город. Сниткер давал мне несколько уроков латыни в неделю, и если я делал ошибку, колотил своего собственного сына, Георга, приговаривая при этом: «Ты моя плоть и кровь, тебя я могу наказывать!» В третьем классе он преподавал у нас письмо только раз в неделю, и его занятие мы использовали для подготовки к следующим урокам. Мейслинг прознал об этом и устроил выволочку бедняге Сниткеру, который потом жаловался нам. «Как же вы могли меня так обидеть?! — сказал он. — Теперь мне придется быть с вами построже, а то, не ровен час, явится цепной пес (так он называл М.) и покусает меня. Возможно, он сейчас сидит внизу в библиотеке и подслушивает, — продолжил он уже шепотом. — Придвиньте парту к двери, чтобы он не смог войти! Придется вам, дети, теперь вести себя похитрее, я не должен видеть, что вы не пишете, иначе мне придется пожаловаться на вас! Вы ведь можете положить книги сверху, и к тому же не ставьте дату в тетрадях — тогда никто не дознается, сколь мало мы пишем в классе!» Теперь, заметив, что кто-то не пишет, он улыбался и грозил нам, приговаривая при этом: «Вижу — не вижу!» Когда урок подходил к концу, он делал знак, чтобы мы взяли в руки перо на случай, если в класс войдет Мейслинг. Конечно, это было форменное безобразие, но дело в том, что его сыну Георгу приходилось на этом занятии готовить другие задания, и раз уж ему позволялось читать, то отец не мог запретить это другим ученикам. Впрочем, Мейслинг вел себя чересчур жестоко по отношению к Сниткеру: тот в школе французского не учил, не имел никакого представления о французском произношении, и вот чтобы выставить старика на посмешище, Мейслинг приказал ему диктовать французские переводы старшеклассникам. Во время урока он вместе с женой и детьми стояли под дверью и хохотали над шутками, которые отпускали ученики, ведь старик Сниткер так забавно и комично произ-

носил французские слова и сам смеялся над «странными названиями». Зимой за ним каждый вечер приходила служанка с фонарем и сопровождала его до дому. У него были очень выразительные глаза, он рассказывал нам многочисленные забавные истории и учил делать фрикадельки для супа, которые, по его словам, дома всегда готовил сам.

Как раз в это время поблизости от Скельскёра должны были казнить трех человек. Юная семнадцатилетняя девушка, безуспешно пытавшаяся отравить крысиным ядом своего отца, противившегося ее браку, подговорила своего возлюбленного и работника убить его. Учеников старшего класса освободили от занятий, и мы отправились к месту казни. Ехали мы всю ночь, лишь к утру добрались до заставы Скельскёра и пешком пошли дальше, и когда я оказался у ворот, оттуда как раз вывозили осужденных, так что я только заглянул в город, но так и не побывал в нем. Девушка была очень хороша собою, но смертельно бледна, она ехала, склонив голову на грудь своего возлюбленного, рыжего и на вид здорового парня, и каким-то удивленным взглядом разглядывала собравшуюся толпу и окружающую местность. Работник сидел с изжелта-бледным лицом, на которое свисали длинные черные волосы. Несколько других работников громко попрощались с ним, и в ответ он снял шляпу и кивнул. Процессию, следовавшую к месту казни, замыкали трое священников. Утро выдалось прекрасное; они вшестером пропели псалом, и я слышал, что чистый голос девушки перекрывал остальные голоса. Осужденные поцеловались друг с другом и священниками, но потом девушка еще раз поцеловала своего возлюбленного. Голову ей отрубили только со второго удара. Затем настала очередь двух других приговоренных к смерти, которые склонили головы на ту же самую окровавленную плаху. Я оказался совсем рядом с ней, мне почудилось, что казнимые вперились в меня взглядом, но, на удивление, я сохранил присутствие духа. Помощники палача отметили окончание экзекуции

водкой и угрем. Подошла бабушка казненной и, рыдая, уложила ее тело в гроб. Головы же обоих ее сообщников насадили на шесты, а тела положили на колесо. Толпившиеся вокруг крестьяне взирали на казнь с удивительным равнодушием и говорили только о добротной одежде, которая теперь пропадет без всякой пользы, а ведь могла бы кому-нибудь сгодиться. Зато более просвещенные сочувствовали: «О, это последнее, что они носили!» Некий портной из Слагельсе сочинил песенку, которую и продавал всем желающим. Речь в ней шла от лица осужденных, а пелась она на мотив «Я невзначай попал сюда». Вся эта сцена произвела на меня жуткое впечатление, особенно плохо мне стало у себя в пустой комнатушке, что выходила в сад. Штормовой ветер, поваливший дощатый забор, бил виноградными лозами по окнам, я лежал без сна, и передо мной все маячили две головы на шестах и девушка с удивленным взглядом, который мне никогда не забыть. Ее мать находилась в толпе зевак, но, правда, ушла еще до начала казни. Портной же так хорошо заработал на своей песенке, что совсем забросил свое ремесло. Однажды, когда я как раз находился в доме священника Фульсанга, к нему пришла жена этого портного и сказала, что хочет с ним развестись, ибо, став сочинителем, он совсем рехнулся, начал пить и поколачивать ее. По ее словам, он заработал одиннадцать ригсдалеров на песенке о казни и еще семь — на песенке об утопившейся повивальной бабке. «Да, иглой столько не заработаешь, — закончила она свой монолог, — только вот писать стало теперь больше не о чем, но разум к нему так и не вернулся!» Тем не менее они все же не развелись, а собратья портного по ремеслу возвели его в почетный ранг барабанщика портняжьего цеха.

III

На летние каникулы 1825 г. я снова ненадолго, всего на восемь дней, съездил в Оденсе. Остановился я на этот раз у полковника Гульдберга, который относился ко мне, как к родному сыну. Да, я решил провести дома всего лишь восемь дней, потому что дети Мейслинга скучали без меня и его желания ждать меня к определенному сроку было достаточно. Благодаря Гульдбергам я провел эти дни несказанно хорошо. Они побывали вместе со мной во всех местах, знакомых мне с самых ранних детских лет, совершили прогулку на лодке по нашей красивой речке вдоль городских садов, и я читал им некоторые из написанных мною стихов, а также немногие законченные главы романа. Особой похвалы удостоил меня сам Гульдберг, нашедший все услышанное превосходным. «Правда, честно?» — вопросил я. «Говорю как на духу!» — ответил он. Он словно бы пролил мне бальзам на душу, ведь, произнеся всего несколько слов, он признал во мне поэтическую жилку, оценил мой талант и вселил в мое сердце уверенность в будущем и желание продолжать учебу, чего Мейслинг своей каждодневной грубостью никак не мог добиться. Я по натуре таков, что порицание парализует меня и наносит душевную рану, а вот похвала подбадривает и вдохновляет, она не тешит во мне тщеславие, нет-нет, я воспринимаю ее с детской радо-

стью в сердце и, с благодарностью обращаясь к Господу, страшусь только одного — того, что окажусь недостойным этой похвалы. Но как же мало среди моих суровых воспитателей тех, кто понимал эту особенность моего характера!

Мой оденсейский учитель Вельхавен теперь говорил со мной совсем по-другому, едва ли не униженно, и я забыл его насмешки, которыми он осыпал меня в прежние времена. «Помилуйте, я ведь всегда чувствовал, что в вас что-то такое есть! — сказал он. — Нечто необычное!» Счастье обошло его стороной, и я искренне сочувствовал старику. Многое из того, что я делал в детстве и что тогда подвергалось осуждению, теперь вызывало лишь похвалы и называлось проявлением таланта, даже то, что я отлынивал от учебы и предпочитал ей чтение развлекательной литературы, находили теперь вполне естественным и полезным, поскольку это способствовало развитию во мне поэтических способностей. Старик Иверсен к тому времени уже умер, и мне очень его не хватало в его загородной усадьбе Тольдерлунд. Еще меня поразило, что все, знакомые мне с детства предметы, теперь казались меньше по размеру. Позднее я выразил эти мои ощущения в «Месяце июне». «Храните чистоту вашего сердца, — посоветовал мне Гульдберг. — Учитесь прилежно, и тогда ваш талант поможет вам пробиться наверх. Мой отец по рождению из простых крестьян, и очень бедных, а достиг такого высокого положения, что этого в свое время никто и предположить не мог!» Перед самым отъездом я навестил мою старую матушку, передал ей сколько мог из своих скудных средств и порадовался, что ей предоставили бесплатное жилье и вроде бы раз в неделю выдают какое-то пособие. Это Гульдбергу и епископу, проявлявшим интерес ко мне, удалось с помощью амтмана устроить ее в предназначенную для престарелых добропорядочных женщин так называемую Докторскую лавку при городской больнице (примерно такое же заведение, как «Вартоу» в Копенгагене). «Пишите мне, ничего не скрывая, —

напутствовал меня Гульдберг при прощании. — Если вы перейдете в октябре в последний класс и закончите его за два года, это будет великолепно! Ну а если не удастся, не отчаивайтесь!» — с этими словами он прижал меня к сердцу, я ощутил его поцелуй и разразился слезами. Наступила пора возвращаться домой, в школу. Я учился изо всех сил, делал успехи, но Мейслинг не менял своей методы, к которой я не мог привыкнуть, как не мог и спокойно воспринимать ее применение на практике и потому снова впал в уныние. У меня сохранилось несколько листков дневника, который я вел в то время и который показывает, несмотря на некую высокопарность стиля, в каком удрученном настроении я тогда находился:

«Чем же все это закончится?! Я у него то дурак, то умалишенный. О, Господи, лучше мне умереть или вовсе лишиться рассудка, но только не жить так, как сейчас, когда я не знаю, чего на самом деле стою, и ощущаю полное бессилие. О, дай же мне силы отринуть все те благодеяния, что я получаю незаслуженно! Господи Боже мой, я ведь желаю жить со всеми в добре и мире, борьба — слишком жестокая вещь!»

И такими настроениями дышит каждая страница дневника, хотя изредка попадаются и совсем простодушные строки: «Я, определенно, тщеславен! Вот почему Ты осерчал на меня, мой добрый Боже! Да и завираюсь порой слегка, вчера вот отдал целый ригсдалер, чтобы посмотреть комедию, а ведь должен был отослать его матушке! Но в остальном-то я чист и невинен. И все же хочу просить у тебя прощения, Господи!»

Напряженные усилия в учебе и отчаянное настроение подорвали мой дух. Я не питал никаких надежд на будущее и не испытывал доверия ни к одному из учителей, кроме старшего преподавателя Квистгора. Я написал ему о своих душевных терзаниях и попросил совета, не следует ли мне оставить путь, пройти по которому я не в состоянии, и вообще, что мне следует предпринять. Мое послание его очень тронуло, и он сам принес мне ответ, который я до сих пор храню. Он утешил меня

наилучшим образом, считая, что высказываемое мною недовольство моими же собственными недостатками само по себе свидетельствует о том, что я стал намного умнее, чем был, когда только появился в школе. Он писал, что я действительно делаю успехи и, «если будет на то благословение Божие», многого добьюсь в жизни, даже очень многого. Квистгор отметил также и тот резкий переход от свободной жизни в Копенгагене к строгому и размеренному школьному распорядку дня и предложил именно в этом искать причину недовольства собой, а не в моих недостатках. И наконец, он просил меня ради Господа Бога не бросать учебу и заверил, что Мейслинг наверняка желает мне добра и в хуле и в похвале, только использует в обращении со мною слишком уж резкие выражения, к чему я не привычен.

На какое-то время это мне помогло, но потом все пошло постарому. Однажды Мейслинг проявил поразительную доброту: вообще-то по греческому я всегда получал *удовлетворительно* или *плохо*, а тут вдруг он поставил мне *хорошо*! Его жена пригласила меня к себе, сказала, что они с мужем очень тепло ко мне относятся и поэтому договорились о моем переезде от г-жи Хеннеберг к ним. Платить за жилье я буду те же двести ригсдалеров в год и пользоваться всем, что есть в доме, а М. поможет мне с греческим и латынью, и поскольку вскоре я, по всей вероятности, перейду в старший класс, это было бы для меня очень полезно. Кроме того, М., по-видимому, будет переведен в Хельсингёр, и я тоже переберусь туда, там красивая природа, да и к Копенгагену будет поближе. Еще она сказала, что М. может многое сделать для меня, когда я буду заканчивать школу и после ее окончания, и настоятельно рекомендовала принять их предложение. Мейслинг тоже имел со мной беседу, заверил, что для меня переезд к ним стал бы большой удачей, и один только его приветливый тон несказанно обрадовал мое сердце. Я написал Коллину о переезде к Мейслингам, и он нашел их предложение приемлемым. Со слезами на глазах я попрощался с моей старой хозяйкой и перебрался к директору.

IV

Супруга Мейслинга пользовалась в Слагельсе дурной репутацией, о ней рассказывали множество историй скандального свойства. Это была некрасивая полнотелая рыжеволосая женщина. Правда, сама она утверждала, что рыжие у нее только накладные кудри, ибо в детстве, когда волосы у нее были огненно-рыжие, она захотела носить букли именно такого цвета, чтобы ее не заподозрили в тщеславии за то, что она выбрала более темный колер, хотя настоящий цвет ее волос именно *этот*. Все это был, конечно, сущий вздор!

Мне отвели небольшую комнатку рядом со спальней хозяйки дома. В мою комнату вел отдельный вход, но из нее можно было перейти и в спальню. Ключ от этой двери хозяйка попросила М. взять себе, дескать, и так по городу ходит множество слухов, а она не желает портить свою репутацию. М. над этими речами посмеялся, но ключ оставил у себя. Она была удивительно жизнерадостным существом, все принимавшим легко, и не лишенным сердца.

Комната М. находилась в мансарде: он не хотел, чтобы ему мешали детские крики. Каждый вечер в восемь часов он ложился в постель, и пока жена читала ему романы Вальтера Скотта, пил приготовленный им самим пунш. Когда он засыпал, она спускалась вниз и запирала дверь, ведущую в ман-

сарду, но открывала ее так рано утром, что он ничего не замечал. Нередко, когда у нее не было желания читать ему, они ссорились, и в результате он прогонял ее вниз, чего она, собственно, и добивалась. В таких случаях она готовила себе крепкий пунш, для чего служанка воровала ром у М., пока хозяйка читала ему. Он заметил, что рома убыло слишком, но хозяйка внушила ему, что его попивает служанка, и даже предложила ему застать ее на месте преступления, но он от этой затеи отказался, высоко ценя ее работу по дому.

Когда М. засыпал, хозяйка нередко развлекалась и, переодевшись крестьянкой, выходила на улицу. Она сама рассказывала мне, что однажды вечером забрела в таком виде в лес и случайно повстречала там офицеров, чей полк квартировал в городе. Они ее узнали и вроде бы в шутку стали преследовать. Когда же она приблизилась к дому, шум, поднявшийся прямо перед самой школой, разбудил Мейслинга, он высунулся из окна мансарды, пытаясь разглядеть, что происходит внизу. Хозяйка испугалась, но набралась мужества и прошла мимо, громко стуча своими деревянными башмаками, ну а потом благополучно проникла в дом незаметно для мужа.

При этом каждый день она жаловалась мне, как ей не везет с прислугой, дескать, все они такого скверного поведения (делала она это, в сущности, словно бы выступая в главной партии в «Le Dieu et la Bayader»*), а это может отразиться на ее репутации. Поэтому она просила сразу же предупредить ее, если я ночью вдруг заслышу хоть малейший шум в доме. Сама же она раскладывала соломинки перед дверями, а утром проверяла, лежат ли они в том же порядке или нет. «Репутация — это самое главное для человека!» — так говаривала она. Нередко мне приходилось выслушивать их жалобы, ведь по вечерам я занимался в небольшом кабинете, через который надо было пройти, чтобы попасть в гостиную.

---

* «Бог и Баядера» *(фр.)*.

То служанка придет и скажет: «Ужас, в каком доме мы живем!», то кухарка, имевшая склонность к сочинительству и состоявшая в переписке с романистом Йоханнесом Вильтом, начнет уверять меня в том, что «этот дом — просто ад на земле!». Немного погодя горничная начнет жаловаться, что хозяйка ее оскорбила, и все из ревности, потому что, видите ли, камер-юнкер оказал ей больше внимания, чем самой госпоже. «Я вчера мыла полы, оказалась у открытого окна, а тут как раз камер-юнкер мимо проходил и сказал: "Вечер добрый, малышка Ане!" Ну и мне ничего другого не оставалось, как сказать: "Спасибо!", но тут в комнату вошла госпожа и как начнет меня чихвостить». Во время *нашей* беседы в кабинет вошла хозяйка и, прогнав кухарку, стала жаловаться на прислугу, дескать, кого ни возьми — из Копенгагена ли или из Слагельсе, все они одинаково испорчены.

Однажды вечером в доме был гость — священник из Рингстед Кантена. Против обыкновения, мы все засиделись за полночь. Было уже совсем поздно, когда Мейслинг потребовал, чтобы хозяйка спела под свой же аккомпанемент. Она заупрямилась, но в конце концов *вынуждена* была согласиться. И тут вдруг раздался стук в окно. Мейслинг послал меня поглядеть, кто из мальчишек там хулиганит. Я выглянул в окно и простодушно сказал правду: «Это был офицер, но он уже ушел!» М. моим словам не поверил, а хозяйка едва не вцепилась мне в волосы. «Какой же вы наивный, — выговорила она мне на следующий день. — Разве можно говорить такое? Офицер просто пошутил, а вы об этом во всеуслышание заявляете. Вы не представляете, насколько М. ревнив».

Это был весьма странный мир, который мало-помалу открывался мне все больше и больше. Я по-прежнему оставался совсем еще ребенком и краснел, пожалуй, гораздо чаще, чем того требовали обстоятельства. Хозяйка даже говорила: «Он совсем не мужчина!» Однажды вечером она вошла ко мне и поведала, что стала худеть, что платье на ней висит, и попросила по-

щупать ее за талию, чтобы в этом убедиться. И пришлось мне преклонить колени перед супругой моего директора. Она угостила меня превосходным пуншем, была необычайно приветлива и добра, но... даже не знаю, почему, я чувствовал себя словно на иголках, мне казалось тогда, что я поступил несправедливо, подумав о ней плохо, и как только представился подходящий момент, ретировался, ощущая дрожь во всем своем теле. Сплетни, распространившиеся по городу о ее поведении, подействовали и на меня, возможно, я и вправду несправедлив, с того времени я стал относиться к ней с подозрением.

Я вернулся к себе, прочел вечернюю молитву и попросил Господа помочь мне стать хорошим человеком, но тут впервые в жизни задумался о том, о чем раньше у меня мыслей никогда не было. Разум мой сыграл роль змея-искусителя возле дерева познания, слава Богу, у меня была здоровая основа, и, невинный, словно дитя, я пропускал мимо себя и забывал все плохое, что творилось вокруг. И все-таки в моих представлениях о мире произошли изменения, теперь я коечто осознал, но, оставаясь в душе ребенком, которого подкупают другие, хорошие черты жизнеустройства, я не считал легкомыслие таким уж большим грехом и все прощал людям, хотя и был в ужасе от того, как они жили и вели себя. Вот так ушло в прошлое мое детское неведение. Но я по-прежнему и умом и сердцем оставался ребенком.

Обитатели дома отличались необычайной нечистоплотностью. Сам Мейслинг, к примеру, всегда ходил весь в пуху и почти никогда не мыл рук. Перед тем как лечь в постель в восемь часов вечера, он делал себе крепкий пунш, а сок — для пущего эффекта — давил из очищенного лимона ртом, вот почему кончики пальцев у него были всегда чистые, даже белые. В гостиной стоял диван, по обеим сторонам которого располагались шкафчики, где хранилась всякая всячина — крахмал, гвозди и т.д. и т.п. Когда на обед подавали мясной суп, хозяйка зачастую прятала там до ужина несъеденные

фрикадельки, чтобы те не доставались служанкам. Гоню, однако, прочь эти неприятные воспоминания.

Наступил октябрь, стало быть, и время экзаменов. Я получил отличную оценку по математике, за что удостоился похвалы Мейслинга, и чтобы иметь все основания просить Бога помочь мне перейти в последний класс, попросил у М. разрешения пойти к причастию. Он нашел странным мое желание пойти к причастию в разгар экзаменов, но разрешение дал, хотя я, конечно, лишь по наивности думал, что это может мне помочь. Я опустился перед алтарем на колени и стал молиться искренне, от всего сердца, но как раз в этот момент в мозгу проснулась мысль о легкомысленном поведении хозяйки, и я тут же подумал, что совершил великий грех, раз в таком месте мне в голову лезет подобное.

Экзамены закончились — и меня перевели в последний класс. О, как я был счастлив, как простодушно рад этому! Лишь за одно воскресенье я написал четырнадцать писем — так мне хотелось сообщить всем друзьям и знакомым о своем состоянии.

Наступили каникулы, и я продолжил писать роман, ибо, находясь на верху блаженства, забыл о своих обязательствах, но ведь занятий в это время и не было. Когда же они возобновились, я понял, что мне будет сложно угнаться за одноклассниками, ибо, в сущности, мой уровень знаний не соответствовал этому классу. М., разумеется, сразу же потерял терпение и вернулся к прежней методе обращения со мной — насмешкам и издевательским шуткам. Жизнь дома я уже описал, так что можно себе представить, в каком положении я оказался. Тем не менее каждое воскресенье М. снова представал добродушным, веселым и охочим до забав, в эти дни настроение у меня подымалось. Какой все же у него удивительный характер! Ей-богу, в нем было много ребяческого. По воскресеньям он забавлялся, играя с оловянными солдатиками своих детей, в ход шел и маленький кукольный театр, и мне вменялось в обязанность разыгрывать в нем спектакли,

как правило, я ставил пьесу «Актер поневоле», которую знал наизусть. Нередко, случалось, он катал меня в маленькой детской коляске в помещении старшего класса, где предварительно мы сдвигали в стороны все парты. А то еще играли в рождественские игры — хозяйка, он, служанка, дети и кое-кто из других учеников. Как-то раз устроили шуточные похороны, хоронили свинью, которая, по словам горничной, съела перечное зерно (συινετ αυδε σιτ λογιε ι σχολενζ υανδωωζ)*. Могилу вырыли в саду, мы все участвовали в церемонии предания свиньи земле, засыпали место ее последнего упокоения песком и осыпали цветами, а хозяйка исполнила над ним колоратурную арию. Этот и подобные эпизоды учили меня находить забавное в смешении возвышенного и смешного, при том что я не видел в этом ничего иного, кроме как невинную шутку.

Тем временем приближалось Рождество. Я находился в радостном предвкушении поездки в Копенгаген. Вульф к тому времени уже стал командор-капитаном и к тому же начальником Морского кадетского корпуса, и как начальнику академии ему предоставили прекрасную квартиру во дворце Амалиенборг. Жена его отписала мне, что я могу остановиться у них во время пребывания в столице и что они искренне рады видеть меня у себя. Камер-юнкер Хольстейн как раз отправлялся туда, и мы — М., я, и еще один ученик — получили возможность проехать в его экипаже бесплатно. Но даже и во время такой короткой поездки я имел возможность лишний раз убедиться в мелочности Мейслинга. Работник трактира, где мы остановились перекусить, приставил лестничку, чтобы мы могли удобнее выйти из кареты, за что Мейслинг дал ему три скиллинга и сказал нам: «Поделим эту сумму на троих». И мы действительно поделили ее на троих.

---

* В греческой транслитерации датский текст — свинья квартировала в школьной купальне. *(Прим. автора.)*

V

Обстановка в доме Вульфа разительно отличалась от того, что я наблюдал у Мейслингов, здесь все было само изящество, красота и прелесть. У Вульфов я появился вечером. Воспоминания об этом до сих пор столь живы в моей памяти. Они встретили меня так сердечно, словно собственного сына. Меня накормили, дали возможность подкрепить силы, но прежде чем слуга отвел меня в опочивальню — а мне выделили две комнаты с видом на площадь, — я получил в подарок три тома Шекспира в великолепном переплете. Чувство искренней благодарности пронизало насквозь все мое существо, я был так счастлив. У меня до сих пор сохранилось несколько страничек дневника, который я вел во время того пребывания в Копенгагене. Как раз в тот вечер я записал: «По этой площади я проходил много раз пять-шесть лет назад, когда не знал ни души в целом городе, а теперь я живу в доме такой приятной и всеми уважаемой семьи и наслаждаюсь чтением собственного издания Шекспира. О, Боже, разве я не Аладдин, ведь я тоже нахожусь во дворце и наблюдаю, что происходит внизу, на площади. Добрый мой Боже, нет, Ты никогда не оставишь меня. Я готов расцеловать Тебя!»

Следующим утром я сразу же отправился к Коллину, который, как оказалось, был доволен мной. «Я вижу, что вы очень

усердны, а это главное», — сказал он. В тот раз я впервые побеседовал с его супругой. Только что состоялась премьера «Царя Соломона», которая вызвала фурор, ее короткий рассказ об этом произвел на меня наилучшее впечатление, она мне очень понравилась, как и Ингеборг, а вот сыновья Коллина, в особенности Эдвард, понравились мне гораздо меньше, поскольку сторонились меня. Ну а Луиза была совсем еще дитя, я и вовсе не обратил на нее внимания.

В первый день я обегал весь город, чтобы навестить всех, с кем был хотя бы чуть-чуть знаком, и показать им, что ныне я стал вхож в высшие круги. Правда, и Мейслинга я не забывал, заходил к нему каждый день и выполнял кое-какие его поручения, о чем он заранее уведомил меня. Я взял с собой законченную часть романа, читал его у Вульфов и удостоился громких аплодисментов. Эленшлегеру тоже пришлось прослушать меня — я сам читал ему. «Хорошо! — сказал он. — Но, пожалуй, слишком много подробностей. Многословие *чуждо* поэзии, вот как если бы я сейчас сказал: "Андерсен, сидя на диване рядом с Лоттой Эленшлегер, читает свой роман. В этот момент открывается дверь, и в комнату входит вернувшийся из школы Йоханнес. Чтобы не мешать читающему, он тихонько усаживается на скамью с облупившейся краской". Вы же сами чувствуете, что поэзией в данном случае и не пахнет, хотя в вашей вещи есть много достойных мест! И еще, по-моему, вы весьма наблюдательны, многое взяли из того, что подсмотрели у окружающих вас людей! Да, вы обладаете поэтическим даром». Я прочитал ему еще и мое небольшое стихотворение «Душа». «Это превосходно! — произнес он. — По-моему, это лучше рассказа!» Неописуемая радость охватила меня, и я задал ему совершенно наивный вопрос о том, что мне больше удается — трагическое или комическое. Улыбнувшись, Эленшлегер высказался в пользу последнего. Старый профессор Нюеруп, столь сильно любивший меня, так хвалил мою прозу, что я почувствовал себя на вершине счастья. А старик управляющий

Баллинг принял меня словно родного сына, выдал денег на карманные расходы и пригласил в театр, разумеется, в партер. Короче говоря, с кем бы я ни встречался, все относились ко мне тепло и дружелюбно, все, кроме Мейслинга, который, несмотря на то что я ни на минуту не забывал выполнять наложенные им на меня обязательства, оставался черств и холоден ко мне. Уже на четвертый день, придя к нему, я услышал: «Вы знаете, что вам предстоит ехать во вторник?» — «Нет», — ответил я. «Видит Бог, вам пора снова взяться за греческий и латынь», — сказал он. Вот что я записал в дневнике об этом эпизоде: «Всего лишь несколько дней пробыл я здесь и собирался обратно в Слагельсе на следующей неделе, но он по-прежнему мучает меня. И это странно, ведь все остальные так хорошо меня принимают. Я являюсь к нему всякий день, но он никак не смягчается! Я бы хотел любить его, причем от чистого сердца, но ведь я не могу управлять своими чувствами».

Вскоре я позабыл эти напасти, ведь все остальное, что происходило со мной, доставляло мне радость. Я вполне освоился у Вульфов, единственно, кто был недобр ко мне в их доме, это некая фрёкен Шубо из Норвегии, странное существо, она все время повторяла, что я человек недалекий и что из меня никогда ничего не выйдет. Она просто не могла понять, что я необычайно наивен для своего возраста. Любые мои слова, которые могли показаться напыщенными, ведь я по-детски простодушно высказывал то, что думал, а думал я о высоких материях, о духовности, ожесточали ее против меня. Она даже до слез меня довела, но хозяева лишь посмеялись над нами обоими, и на этом все и закончилось.

Дочь Эленшлегера Лотта — уже взрослая девушка, лет тринадцати-четырнадцати — была весьма веселого нрава, и ей нравилось (осыпать меня похвалами, которые я принимал за чистую монету)*. Большинство учеников моего старшего

* Зачеркнуто в оригинале. *(Прим. датского издателя.)*

класса уже по нескольку раз влюблялись, вот и я подумал, что мне тоже пора полюбить. Я восторгался Эленшлегером и полагал, что чувство преклонения перед ним я смогу перенести и на его дочь. Я находил некий поэтический символ в моей любви к его дочери и решил полюбить ее. Я не отрывал от нее глаз, так искренне хотел влюбиться, но не мог. И все же мои взгляды не остались незамеченными, и я услышал голоса: «Он влюблен в Лотту». Тогда я и сам в это поверил, хотя прекрасно помню, как удивлялся тому, что можно влюбиться по собственному желанию! (Я оставался еще ребенком, так что речь не шла о настоящей любви!) И что же? Я думал, что люблю Лотту, а на самом деле любил ее отца.

В один из вечеров Вульфы давали большой бал, на который она пришла вместе с отцом. Я страстно хотел танцевать, но когда на представлении королю кадетов увидел, как они танцуют, совсем потерял уверенность в себе: я, конечно, знал кое-какие па, но на их фоне выглядел бы весьма бледно. Я приоделся как мог, но лучшего костюма, чем сшитый на Рождество в Слагельсе длинный голубой сюртук, у меня не нашлось. В нем-то я и спустился в зал. Все люстры в зале были зажжены. Принцы находились в небольшой комнате. Военные мундиры произвели на меня сильнейшее впечатление, и я застеснялся своего сюртука, которым так гордился в Слагельсе. Стали собираться гости, сердце у меня колотилось, и тут я увидел, как командор шепнул что-то на ухо своей супруге, и решил, что речь идет о моем сюртуке, что он не подходит для сего торжества. Я подошел к хозяйке дома и попросил ее честно все мне сказать. «Если у вас есть фрак, то лучше наденьте его», — ответила она. Я помчался к себе в комнату: фрак-то у меня был, но какой — из грубого серого сукна, в нем я ходил в Слагельсе на занятия. Я переоделся, почистил фрак с такой силой, что чуть не порвал его, и вернулся в зал. Но Боже мой, что же я там увидел — все мужчины с головы до ног были одеты в черное, и только я один щеголял в сером. Я совсем упал духом.

Никто со мной не заговорил, кроме Эленшлегера, он прошел сквозь толпу гостей и, подойдя ко мне, протянул руку, отчего я возгордился. Ингеборг Коллин, проходя мимо со своим женихом, тоже приветливо мне кивнула, но я пребывал в растерянных чувствах. «Тебя принимают за официанта, — подумалось мне. — И в таком виде ты красуешься перед Лоттой!» О, как я стыдился своего фрака, в девять часов незаметно выбрался из зала, взлетел к себе в комнату и расплакался. А внизу раздавался стук колес подъезжавших к подъезду и отъезжавших карет. «Господи, Боже милосердный, — молил я. — Сделай же так, чтобы у меня когда-нибудь появился фрак, чтобы я стал приличным человеком!» Я плакал долго, пока меня не сморил сон, а на следующий день объяснил свой уход еще до начала танцев головной болью.

На следующее утро я также обнаружил, что фрёкен Вульф (Ида) кажется мне гораздо красивее, нежели Лотта Эленшлегер, что она гораздо скромнее и что вчера вечером была намного приветливее со мною. Вот я и подумал, а не влюбиться ли мне лучше в нее, но нет, слава и имя Эленшлегера затмевали для меня все, и я не оставил мысли о Лотте. Впрочем, это чувство или то, что я называю им, вскоре само по себе улетучилось — ведь нужно было возвращаться в Слагельсе. Всего лишь восемь дней длилось мое пребывание в столице — Мейслинг хотел, чтобы вторую половину рождественских каникул я провел у него дома, занимаясь с детьми. Мне подвернулась возможность ехать с лейтенантом Транe, который отправлялся куда-то с государственным поручением через Слагельсе. За день до отъезда я зашел к М. за письмами и распоряжениями, которые он хотел передать со мной, однако дома его не застал, но зато обнаружил его письмо ко мне следующего содержания:

«Мне нечего сообщить Вам перед Вашим отъездом, желаю лишь передать настоятельнейшую просьбу, чтобы Вы по прибытии в Слагельсе употребили время не на писание рассказы-

ков и стишков, которые Вы стряпаете к Вашей вящей забаве и на потеху Вашему окружению, а на выполнение школьных заданий. О том, до какой степени Вы *разочаровываете* меня, растрачивая время таким образом, когда я полагаю, что Вы осваиваете школьную программу, я собираюсь рассказать в беседе с Вами и заодно сообщить Вам некоторые сведения, которые, возможно, остудят Вашу страсть к сочинительству.

Мейслинг».

Я прочитал письмо от начала и до конца несколько раз, оно потрясло меня до глубины души. Вульфы успокаивали меня, Коллин также меня подбодрил, посчитав, что я слишком уж близко к сердцу принял эту записку. Он написал М. сердечное, искреннее письмо, в котором сообщал, что слова М. меня сильно огорчили, что стихи и часть романа я написал, находясь на каникулах (что и было сущей правдой), что я не могу проявлять больше усердия, чем сейчас, и что я никогда не сверну с избранного пути. Таким вот печальным оказался весь этот последний день в Копенгагене, но вечером мне пришлось читать Вульфам новую пьесу Бойе «Уильям Шекспир», которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Мне казалось, это моя собственная душа изливается на страницах драмы, что в ней описывается история моей жизни, отчего я во время чтения расплакался, но в то же время и укрепился духом. В душе я твердо решил не сдаваться, что́ бы ни ждало меня впереди, я знал, что я действительно очень способный, и, надеясь на доброту Господа, спокойно заснул в последнюю ночь, проведенную в этом милом моему сердцу дворце.

Следующим утром я отправился в Слагельсе, и когда экипаж выезжал за пределы города, глаза у меня увлажнились, но офицер находился в бодром расположении духа, он напевал что-то и веселился, скоро у меня поднялось настроение, и мы помчались в путь.

VI

Сразу же по приезде я узнал от прислуги, что хозяйка получила письмо от М., который очень зол на меня, поскольку, по его сведениям, за восемь проведенных в Копенгагене дней я не прочел ни одного греческого или латинского слова. «Да, но, Господи Боже мой, — возразил я. — я ведь отдохнуть туда поехал!» Это известие страшно меня опечалило, но никто не утешил меня, нервы мои напряглись до предела, и я попросил Господа дать мне возможность умереть до возвращения М. домой. Новогодним вечером мы с детьми вовсе не играли, всем предписали лечь в постель уже в восемь часов. «Боже мой, — думал я, — Мейслинг передал ей, чтобы она запретила мне играть с детьми! Да, он и вправду сильно зол на меня». Я проплакал половину ночи. Утром со слов прислуги я понял, почему меня и детей так рано отправили в постель накануне. Начался первый день 1826 года, душу мою переполняли горечь и страх перед Мейслингом и тем, что́ мне предстояло пережить в этот длинный долгий год. В этот день я так много думал о своем будущем, так сильно мучил сам себя, что в конце концов в голове у меня созрела ужасная мысль о том, что смерть предпочтительнее [т]акой вот жизни. «Пока что твои благодетели верят в тебя, — думал я, — но если и дальше дела будут идти все хуже и хуже, тогда всему конец. Лучше уж сейчас умереть, чем

дожидаться, когда они откажутся от тебя!» Я бродил по дому, полностью предоставленный самому себе, лишенный любви и доброты, окружавших меня в Копенгагене, томимый страхом и сомнениями. Я и вправду стал готовиться к смерти, ибо внушил себе, что чаша страданий моих переполнена. Я с ужасом ожидал возвращения Мейслинга, его слова о том, что его рассказ охладит мою страсть к сочинительству, я истолковал как решение перевести меня обратно в третий класс.

В течение восьми дней я занимался самобичеванием, по прошествии их Мейслинг наконец-то возвратился. Он приехал ночью, я уже лег спать и не знал толком, выйти ли к нему и сейчас же узнать свою судьбу или подождать, но по его голосу я понял, что он слишком сердит, и не решился покинуть свою комнату. Однако ранним утром я первым делом отправился к нему. Он оказался в прекрасном расположении духа, заявил, что написал свое письмо в запальчивости, а чтобы «остудить мою страсть», должен рассказать о встрече с Эленшлегером. Тот поведал ему, что слышал в моем чтении кое-что из написанного мною, а еще сказал, будто я невероятно тщеславен и любую улыбку воспринимаю как знак одобрения! Вот это-то, как он надеялся, и должно остудить мою страсть к сочинительству. Кроме того, отныне я должен буду показывать ему (то есть Мейслингу) все, что я напишу, для оценки со стороны, ибо он сам тоже писатель! Вот так улетучились все самые жуткие мои страхи, но только мнение Эленшлегера обо мне меня удручило и огорчило до глубины души, и, видимо, он сказал правду, по крайней мере я знал, что они с Мейслингом знакомы.

Начались занятия в школе, отчего страданий мне только прибавилось, домашняя жизнь текла по-прежнему, я все больше времени проводил дома и по вечерам слушал, как прислуга, знавшая все обо всем и обо всех, загоняет хозяйку в угол. «Я пойду к Симону, — говорила она, — и пожалуюсь ему на вас». — «Ну и ступайте, — отвечали служанки — а мы пойдем вместе с вами и расскажем ему кое-что». — «Чудовища вы, а не люди! — вос-

кликнула хозяйка. — У меня спазма. Оо-ох!» — «Опять комедию ломает!» — был их ответ.

В гости мы ни к кому не ходили, а ведь, живя у Хеннебергов, я привык к этому. Семья священника Фулесанга была мне очень мила, и жену его я почитал как очень душевную женщину, но они не желали встречаться с фру М., стало быть, и мне возбранялось навещать их. Еще от одного знакомства, причем знакомства, повлиявшего на меня как на поэта, мне тоже пришлось теперь отказаться. Некий лейтенант Хаге женился на дочери генерала Сунта, но поскольку ему пришлось оставить службу, а отец невесты их брака не одобрил и отказал им в какой-либо помощи, они жили весьма скромной жизнью в небольшом крестьянском домике неподалеку от руин замка Антворсков. Так уютно было у них в маленькой крестьянской горнице — красивые занавески, новая мебель, а также фортепьяно и арфа, их дом сильно привлекал меня. Обычно я заходил к ним ненадолго по воскресеньям, давал им почитать имевшиеся у меня книги, а они угощали меня кофе или фруктами. Какие они добрые, замечательные люди! С тех пор дела у них пошли в гору! Так вот, теперь пришлось прекратить и эти визиты. Мне предстояло укорениться на мейслингской почве.

Блок Тёксен написал небольшую брошюру, в которой среди прочего выступил против Мейслинга, и как-то в воскресенье брошюра появилась в Слагельсе. Рассказывая мне об этом, хозяйка проявляла сильное беспокойство. «Он мог написать плохо обо мне! — сказала она. — Это опасный человек. Боюсь, дома будет ужасный скандал!» Я страшно испугался. Но тут пришел Мейслинг и заявил, что все это полная ерунда и сплошные небылицы. «Разве он ничего не написал обо мне?» — спросила хозяйка. «Нет, — ответил он, — кроме того, что я настолько жаден и искал мамону даже на дне самого грязного отстойника. Он имел в виду тебя!» — «Да-да, именно меня!» — сказала хозяйка и рассмеялась. Но потом все же шепнула мне: «Слава Богу, он больше ничего не написал обо мне, а то я так перепугалась».

VII

Близилась весна. Мейслинга назначили директором школы в Хельсингёре, что всех нас весьма обрадовало, в том числе, по-моему, и всех учителей, уж больно свысока он с ними обращался. Вещи отправили морем из Корсёра, сопровождать их выпало кухарке с поэтическими наклонностями. Та же судьба ждала и меня, но я разжалобил сердце хозяйки, и мне разрешили ехать вместе со всеми посуху. Экипаж подали вечер[ом], но задолго до того, как утром его запрягли, М. и дети заняли свои места — он всегда так поступал перед отъездом, такая у него была привычка, а когда он уезжал на рождественские каникулы, ему нередко даже утренний кофе подавали в экипаж.

По описаниям, Хельсингёр представлялся мне Царством Небесным, но мне было все едино, куда ехать, лишь бы путешествовать, ибо и сердцем, и умом я всегда рвался в путь. В миле от постоялого двора в Рингстеде проживал некий священник, у которого остановились на ночлег М., хозяйка и дети. Служанке же, мне и еще одному ученику (Йенсу Виду, которого Мейслинг взял с собой, чтобы подготовить его к сдаче экзаменов на аттестат зрелости) предстояло переночевать на постоялом дворе. Ради экономии они заставили нас отшагать целую милю, чтобы бесплатно поужинать в доме священника, а потом глухой ночью тащиться через темный лес обратно на постоялый двор.

Меня охватил жуткий страх, к тому же по пути нам встретился подвыпивший крестьянин, которого я сперва принял за разбойника. Он показал нам дорогу, но мы заблудились и добрались до постоялого двора уже после полуночи. На следующий день мы проехали через Роскилле, затем наш путь лежал вдоль красивейшего Иссе-фьорда, который совершенно пленил мое сердце. Я чувствовал себя, словно птица в небе. Мейслинг бывал весьма остроумен, когда находился в хорошем настроении, я попробовал подыграть ему, и не без успеха. Проехав через родной город Кинго (Слангеруп), мы около полуночи добрались до Фредериксборга. На рассвете нам предстояло продолжить путь, но я не мог не посмотреть замок, хотя бы со двора. Было уже двенадцать часов, стояла замечательная лунная ночь. Я приблизился к замку, вошел во двор, и эхо разнесло звук моих шагов. Мейслинги уже отправились спать, я прогуливался в полном одиночестве. Старое, выстроенное в готическом стиле здание, окруженное со всех сторон водой, изваяния великанов и отбрасываемые ими в лунном свете огромные тени — все это производило мощное впечатление. Лишь совсем далеко в одном из крыльев замка светило одинокое окошко в маленькой комнате, остальные были темны, вокруг стояла мертвая тишина. Эта картина захватила мое воображение, я представил себе Кристиана IV, всех, чьи портреты висят в большом рыцарском зале. «А вдруг они сойдут с портретов сюда?» — подумал я и заволновался, но тут вдруг меня посетила совершенно наивная мысль: «Мертвые ведь знают, что я не выношу их вида, что я умру от страха, так что они сюда не придут, иначе они совершат ужасно злой и неразумный поступок». Эта мысль придала мне мужества, и я целый час гулял по полутемному двору замка. На рассвете мы продолжили путешествие — лес стоял такой зеленый, и казалось, наступило настоящее лето. И вот мы увидели Зунд и шведский берег. Хельсингёр находился внизу под нами, но наконец мы добрались до цели нашего путешествия и вошли в красивое здание школы.

VIII

Вещи наши, однако, еще не прибыли, и мы были вынуждены несколько дней ночевать на постоялом дворе, где нам (Виду и мне) пришлось довольствоваться небольшой железной односпальной кроватью на двоих. М. досадовал: слишком уж дорого это ему обходилось! Тут как раз подоспело поэтическое письмо от прислуги, в котором она сообщала, что до сих пор вместе с вещами находится в Корсёре в ожидании попутного ветра, но никак не может его дождаться, полагая, что тем самым небо покарало директора и его супругу за их прегрешения. Ох, как они посмеялись над этим письмом! Но все-таки одолжили у кого-то постельное белье, и мы наконец-то поселились в здании школы. Это случилось в самый день помолвки принца Фритца и Вильхельмины. Вечером по всему городу зажгли иллюминацию, я наблюдал ее, гуляя со служанкой и детьми Мейслинга. Вскоре после этого в город прибыл король на своем пароходе. Главную улицу перетянули гирляндами, в окнах вывесили полотнища, а в саду Мариенлюст цирковая группа Форокса давала бесплатные конные номера, собирая огромное количество публики. Все это произвело на меня очень хорошее впечатление, и я написал своим друзьям в Слагельсе о путешествии и всем этом великолепии, но поскольку мои собственные описания в первом письме так понравились мне самому,

я разослал всем остальным его копии, не подумав о том, что в таком маленьком городишке, как Слагельсе, все жители наверняка показывают полученные ими письма друг другу. Более того, я и профессору Нюерупу, который очень любил меня, отослал тот же текст. Он, вероятно, нашел его весьма забавным, ибо опубликовал бо́льшую часть в «Копенгагенских зарисовках», где эти строки до сих пор и красуются. В общем, мои друзья из Слагельсе премного поблагодарили меня за весьма интересное письмо, которое они прочли дважды — в рукописном и печатном вариантах.

В первые дни пребывания в Хельсингёре мы много гуляли, заходили в Мариенлюст и Хаммермёлле, где М. оплатил нам билеты, и мы с детьми катались на деревянных лошадях (на карусели). В этот момент я, по-видимому, представлял собою весьма комичную фигуру. Дома хозяйка принимала местную знать. «Вы не можете себе представить, — рассказывала она собравшимся дамам, — как я рада, что мы перебрались сюда. Слагельсе — это такой ужасный город, там живут сплошь злобные сплетники, ни одной добропорядочной женщине прохода не дадут. Хотите знать, какие слухи там обо мне распускали?!» И тут она поведала о тех скандальных разговорах, что о ней и вправду вели в Слагельсе. Во время этой исповеди местные дамы краснели и конфузились, а я весь извертелся. Когда же гостьи ушли, я спросил хозяйку, зачем она говорила о таких непристойных вещах. «Лучше, — ответила она, — если я сама расскажу обо всем, а не кто-то другой! Услышав это от меня, они не поверят, что так было на самом деле».

Начались занятия в школе, и дело сразу пошло совсем поиному, нежели в Слагельсе. Мы занимались в больших светлых классных комнатах, и ребята здесь оказались более крепкие духом, не позволяли себя запугивать. Учителя одевались более элегантно, даже М. в первые дни ходил во фраке. Старший преподаватель Скёрринг, остроумец, обладавший

большим чувством юмора и умевший шутить беззлобно, читал нам историю и географию. Слушать его было весьма интересно, ранее он служил офицером, имел познания во всех областях знаний и к тому же был музыкален и играл на многих инструментах. Это он подобрал мелодию известной песни «Ян Пьет, Ян Пьет, Ян Пьеррельеррельет», в которой куплеты поются на разных языках. В значительной степени его заслуга в том, что настроение у меня поднялось. Впрочем, меня забавляло его решительное неприятие двух личностей, которых он ни на одном уроке, ни на одной лекции не забывал поминать недобрым словом, а именно Наполеона и Эленшлегера. Так, он говорил: «Наполеон был не просто честолюбив, он был невероятно тщеславен! На самом деле этот ваш Наполеон был малюсенький коротышка, карлик, но тщился показать, что он высок. Для коронации он велел выписать четырех самых низкорослых мужчин во всей империи. Им предписали стоять возле трона в черном одеянии, чтобы казаться намного ниже его ростом. Вот так он и короновался в стиле "je suis le grand"*, а ведь как был коротышкой, так им и остался». Еще он рассказывал, будто во время русской кампании Наполеон пристрастился к спиртному и пил ядреную настойку, которую генералы его на дух не переносили: им приходилось отворачиваться от стола в палатке и выливать это пойло. «О, — продолжал учитель, — Наполеон легко поддавался страстям, и это наложило отпечаток на его характер». Я сразу же начал возражать ему, прежде всего из-за его нападок на Эленшлегера, ибо в то время мои представления о Наполеоне еще не сложились, я помнил только, что в детстве он был для меня самой значительной личностью, ведь им восхищался мой отец, и в доме о нем всегда говорили, словно о божестве. Впрочем, Скёрринга забавляло то, с каким пылом я бросался на защиту этих двух людей, ко-

* «Я велик» *(фр.)*.

торых он сбрасывал с пьедестала, и потому он вовсе не злился на меня за это. Мейслинг тоже относился к Скёррингу с большим уважением, находил его забавным, так что в первое время он постоянно бывал у нас воскресными вечерами.

Двое учителей были военными. Один из офицеров (Андруп) вел математику в старшем классе, где учился и я. Здесь, в отличие от Слагельсе, где мы занимались под началом Андерсена, в математике особо никто не разбирался, здесь, в Хельсенгёре, даже не проходили ни одного из приложений к «Учебнику геометрии» Бьёрка. К счастью, у меня сохранились записи, сделанные во время занятий в Слагельсе, где я считался неспособным к математике, здесь же меня только хвалили, поскольку я оказался наравне с лучшими в классе, и, как всегда, это оказало на меня самое благотворное воздействие. Поэтому я и учился с желанием, стараясь во всем разобраться сам. Только теперь я догадался, что в математике нужна не зубрежка, как я думал раньше, а всего лишь навсего понимание. Я стал блистать на уроках и даже помогать одноклассникам, чем весьма гордился. Теперь по математике я почти каждый месяц получал отличные оценки. Этот и подобные случаи убедили меня в том, что похвала и поощрение оказывают на меня самое положительное влияние, тогда как порицание и равнодушие угнетают. А самая громкая похвала приводит меня в волнение, подвигает сделать все, чтобы доказать, что я ее достоин. Нет, она не льстит моему тщеславию, нет, в то время я как раз чувствовал, что словно бы снова возвращаюсь в детство, всем своим благодарным сердцем я обращался к Господу и ощущал себя совсем маленьким именно тогда, когда окружающие давали понять, что я уже большой. И напротив, несправедливая жестокая критика огорчает меня, вызывает приступы высокомерия и подавляет желание действовать. Так же я нередко воспринимал впоследствии и критику моих поэтических произведений. Если кто-то нелестно отзывался о моей еще не завершенной работе, я почти никогда не возвращался к ней.

Между тем вскоре жизнь в доме М. пошла по наезженной еще в Слагельсе колее, словно бы маленький домовой переселился вместе с нами. К М. вернулись его всегдашние раздражительность и недовольство всем и вся, хозяйка же на все его упреки отвечала словами из арии: «Не верь ему, он лжет тебе». Как-то в воскресенье мы собирались на прогулку к Холму Одина, это красивое место на берегу Зунда. По дороге у них произошла размолвка, и когда мы доехали до зарослей кустарника, закрывавших вид, М. вышел из экипажа, сердито сказал, что ничего видеть не желает, и улегся прямо на траву, заявив, будто хочет спать. Хозяйка же, напротив, осталась в экипаже, так что только я и дети сподобились сделать несколько шагов и обойти преграду. Моим глазам открылся вид, пожалуй, один из первых в моей жизни, который произвел на меня ошеломляющее впечатление. Мы стояли на краю утеса, внизу, на берегу, были разбросаны рыбацкие хижины с натянутыми для просушки сетями, а суда и суденышки сновали взад и вперед через пролив, волны которого обрушивались на берег с таким грохотом, будто мимо проезжала телега, груженная железными балками. Прямо перед нами, на шведском берегу, виднелась скалистая гора Куллен, над которой на фоне ясного чистого неба поднималась голубоватая дымка. Никогда больше ни одна картина природы не производила на меня более сильного впечатления, чем эта, правда, тут все сложилось — и день выдался замечательный, и на душе у меня было солнечно.

В новом доме хозяева проявляли даже еще больше неопрятности, чем раньше. Приведу парочку примеров. В столовой стоял диван с маленькими шкафчиками по бокам. Так вот, когда нам подавали на обед суп с фрикадельками, я несколько раз наблюдал, как хозяйка руками убирает оставшиеся фрикадельки в эти шкафчики, пряча их к ужину от прислуги. Мне и другому жильцу, Виду, нередко не меняли прибора, так что после каши или фруктового супа с крупой нам зачастую приходилось есть второе из той же тарелки, «ибо от постоянного мытья, —

говорил М., — посуда портится». Мы с Видом спали в помещении школьной библиотеки, где, ко всему прочему, хранились запасы на зиму — четверть масла, хотя там и было жарковато. И вот, сочтя, что в доме тратится слишком много масла, хозяйка поспорила с девушками, что сможет довольствоваться определенным количеством за месяц или за неделю. Но это у нее не получилось, и чтобы выиграть пари, она в одних носках пробиралась к нам в спальню и крала масло у самой себя. Во время этих ее экспедиций я всегда дрожал от страха, что вот сейчас войдет М. и застанет ее у нас. Но вообще-то она была весьма добра, иной раз чуть ли не в полночь будила меня, угощала кофе, я выпивал его и тут же засыпал снова. Дурная слава о ней начала распространяться и здесь, предметом пересудов стали ее вечные склоки с прислугой, но возобновились и слухи о прежних скандалах и [...] У М. тоже испортились отношения с учителями, а заодно досталось и мне, поскольку тех двухсот ригсдалеров в год, что я платил ему за проживание и стол, для Хельсингёра оказалось якобы маловато. Он даже гостям рассказывал об этом в моем присутствии. В еде меня тоже обделяли: если М. и гостям подавали на обед жаркое, то мне приносили вареное мясо, но и тут, когда я однажды отрезал себе слишком большой кусок, М. заметил: «Ого, а вы, оказывается, любите набить живот!»

Настроение у меня падало день ото дня, положение мое становилось намного хуже, нежели в Слагельсе! О, как мне были противны вся эта неопрятность, все эти ветреные поступки, свидетелем которых я являлся; я все больше и больше терял присутствие духа и стал законченным меланхоликом, ибо чувствовал, что жизнь в этом доме мне совсем чужда. Случались, конечно, и весьма забавные, даже очень забавные эпизоды, но и они нагоняли на меня лишь страх и ужас. Както раз, когда кухарка, та, что с поэтической жилкой, еще служила и у нее с хозяйкой в очередной раз произошла размолвка, мы обедали в небольшом садике при кухне. Кухарка мыла

посуду и вдруг начала импровизировать песенку о ветреном поведении хозяйки на мелодию песни «Датская нива». М. заинтересовался, но не расслышал текста так хорошо, как я, и потому спросил хозяйку: «Что это она там поет? По-моему, она упомянула наши имена!» — «О, — отвечала хозяйка, — не стоит тебе и слушать, она просто злобная тварь!» Нередко, когда у хозяйки бывали денежные затруднения, она просила работавшую у нас служанку — шведку, прекрасно владевшую искусством предсказания, погадать ей. Так та почти никогда не предсказывала ничего хорошего, если хозяйка не угощала ее пуншем или кофе. Эта баба вызывала у меня неприязнь, но хозяйка уверила меня, что все они одного поля ягоды, и подивилась, что я столь наивен в мои-то годы.

Но Бог с ним, со всем этим и многим другим! «Я поэт, из меня кое-что получится!» — лишь эта мысль ободряла и поддерживала меня, но только в тот миг, когда она меня посещала. М., возможно, из лучших побуждений всеми силами старался выбить ее у меня из головы, мои копенгагенские друзья, боявшиеся, что стихотворчество повредит моему усердию в овладении науками, тоже настаивали на своем, и именно это оказывало самое тяжелое воздействие на меня в продолжении всего этого действительно несчастного периода моей жизни. К примеру, фру Вульф, на самом деле относившаяся ко мне по-матерински, но, разумеется, не имевшая полного представления о моем истинном положении в дом[е] М., ибо я не решался писать ей о том, тоже предполагала, что желание стать великим поэтом, о чем я рассказывал ей в каждом своем письме, может помешать мне в учебе, весьма рьяно старалась отвратить меня от этой мысли, что стоило мне немалых слез. Так, она писала в одном из своих доброжелательных писем: «Проснитесь же, ради Бога, проснитесь, дорогой Андерсен! Перестаньте мечтать о том, чтобы обессмертить свое имя и попасть в сонм великих! Благодарите Господа за то, что о Вас заботятся, что

Вам предоставлена возможность учиться, что Вы обогащаете свой ум знаниями и в конце концов сможете понять и даже рассудить, что в жизни есть величие и красота!» И далее:

«Вы постоянно заняты только самим собой и только лелеете мечту стать великим поэтом! Дорогой Андерсен! Вы же наверняка сами понимаете, что эти Ваши желания не сбудутся, что Вы встали на ложный путь. Если бы я вдруг захотела стать императрицей Бразильской и обнаружила бы, что все попытки осуществить мое желание тщетны и никто не поддерживает меня в них, разве в таком случае не следовало бы мне постараться, призвав на помощь разум и здравый смысл, осознать, что я *фру Вульф*, и только, что мне нужно исполнять свой долг и не забивать голову глупостями». И все же нередко я получал от нее душевные письма со словами искреннего участия и утешения, которые укрепляли мой дух. Так, услышав от третьих лиц более подробный рассказ о моем положении, она писала:

«Как странно, дорогой Андерсен, несколько дней назад Вы приснились мне, и мне кажется, это был вещий сон, почему я сейчас и пишу Вам эти строки. Мне представилось во сне, будто я приехала в Хельсингёр, а Вы встретили меня с торжествующей улыбкой на устах, говорившей: директор жестоко обращается со мной, но я твердо иду к своей цели до конца, как и мой Спаситель Христос! Мне показалось, что Вы очень горды и довольны этой победой над собой — ведь Вы не впали в уныние, несмотря на то что он был так несправедлив к Вам, и сразу же, едва проснувшись, я решила выразить свое восхищение Вами! Я и не предполагала, что между вами пробежала черная кошка, Вы, правда, постоянно сообщали мне об этом, но ведь я не знала всего, не знала *подробностей* и полагала, что Вы просто все это внушили себе. Но зато эта история закалила Ваш характер, милый Андерсен! Не равнодушно, но со смирением Вы терпели его оскорбления, и я от всего сердца поздравляю Вас и всех Ваших друзей — вот увидите, теперь все у Вас наладится и пойдет как по маслу. Вам ведь известен характер

этого человека, и Вы знаете, что он желает Вам добра, раз Вы сами говорите об этом. Считайте, что вспышки гнева необходимы ему для того, чтобы прочистить легкие, то есть полезны для его здоровья. Ибо я твердо уверена, что его поведение объясняется каким-то физическим недомоганием. Так ищите утешение в том, что Вы способствуете поддержанию его в здоровом состоянии — верно, Вам это все в высшей степени неприятно, но в неблагоприятных обстоятельствах следует искать любые средства для утешения. Первое явилось мне во сне, и я советую Вам обратиться к милости Иисуса Христа, ведь его не просто величают Спасителем нашим, он таковым является и на деле! Но в жизни есть и другие примеры, ищите их и следуйте им! Призовите на помощь воображение, вспомните маленькую Золушку, как ее ненавидели и преследовали отец и сестры, а ведь они *должны* были любить ее. Вспомните, с каким терпением она сносила все, что выпало ей на долю, и как она была вознаграждена за это! Вот так всегда и бывает, но Вы ведь такой отзывчивый человек, дорогой Андерсен, Вы так благодарны Вашим покровителям — вспомните, что среди них и наш добрый король! — и вполне сможете терпеливо пережить несколько лет страданий, чтобы не огорчать тех, кто дорог Вам, и тех, кому дороги Вы, и не сворачивать с проложенного для Вас пути. Не вижу пока для Вас другого выхода и, кроме учения, никакого иного поприща, на котором Вы могли бы приложить свои силы, но мне кажется, что, пойдя этим путем, Вы наилучшим образом сможете проявить свои способности!»

И все же ее слова утешили и ободрили меня лишь на короткое время. М. совсем разошелся, ему доставляло удовольствие насмехаться над учениками, а так как от его издевательств больше других страдал я, он чаще всего и выбирал меня мишенью для своего остроумия. Мое хорошее настроение совсем сошло на нет, и ничто не способствовало его улучшению. Я почти никогда не выходил из дому, за исключением полуденного часа, когда вместе с директором и детьми отправлялся на ко-

роткую прогулку по городу. Ворота закрывались в шесть часов вечера, а в девять он уже ложился спать. Каждый день он говорил мне, что из меня ничего не выйдет, что я тупица и ни на что не годен. Мысль о том, что я, в таком случае, не заслуживаю поддержки моих покровителей, угнетала меня. Я несколько раз писал об этом Коллину, просил его забрать меня из школы, раз от меня никакого толка не будет, но он лишь ласково утешал меня, да ведь и оценки-то у всех других учителей я получал хорошие, мне почти всегда ставили «отлично» по Закону Божьему, датскому и геометрии, и только у М. и еще нового учителя Тортсена (который преподавал латинскую грамматику) я имел «неуды». Я искренне желал смерти, с этой мыслью я укладывался в постель по вечерам, и она же будила меня по утрам, когда, весь дрожа от страха в ожидании двух первых уроков с М., я начинал свой рабочий день. Он всегда высказывал [...] и старался выставить меня посмешищем в глазах одноклассников. В конце концов я решил, что он прав, и, полностью разуверившись в себе, продолжал учиться лишь потому, что этого желали Коллин и мои друзья. Находясь в таком настроении, выплакав все свое сердце и искренне веря, что Господь все же позволит мне умереть, я описал свои тогдашние чувства в небольшом стихотворении «*Умирающее* дитя», стихотворении, привлекшем к себе наибольшее внимание из прочих моих прежних работ, ему посчастливилось быть переведенным на несколько языков. Закончив его, я испытал ужаснейшие угрызения совести, ведь я занялся сочинительством в учебное время, что мне строжайше воспрещалось. На душе стало немножко легче, когда я вставил его в текст письма к Коллину, заверив адресата, что просто ничего с собой не мог поделать, дескать, стихотворение написалось как бы само собой и что я не потратил на него ни минуты времени, отведенного для занятий. Я даже Мейслингу его показал, ибо мне действительно представлялось, что я согрешил, поскольку нарушил запрет и данное мною обеща-

ние. Чем хуже М. обращался со мной, тем больше я впадал в уныние, он часто вызывал меня к себе в кабинет, называл ослом, говорил, что мне не дано закончить школу и — касательно моего поэтического таланта — что он ни грамма его во мне не находит. «Поверьте мне, — говорил он. — Если б в вас была хотя бы малюсенькая искорка таланта, я бы не мог не разглядеть ее, я ведь сам пишу и знаю, что это такое. Но вы демонстрируете всего лишь полный разброд мыслей, глупость и сумасбродство! Если б вы обладали поэтическим даром, видит Бог, я поощрил бы вас, простил бы вам, что вы полный осел во всех школьных предметах и в грамматике, но вами движет идея фикс, которая доведет вас до сумасшедшего дома. Даже если когда-нибудь ваши вирши опубликуют, готов поклясться своим здоровьем, публика станет читать их, как «Мешок стихотворений» звонаря Хеегора, смеяться над ними, и все ваши стишки будут продаваться в качестве макулатуры у Сольдина».

Вот так он говорил со мной. О, я отчетливо помню каждое сказанное им слово, а еще его гневный взгляд, мне никогда не забыть эти странные, зеленые огоньки в его глазах. Я дрожал каждым нервом, я готов был провалиться сквозь землю. «Покажите мне хотя бы единственное достойное стихотворение, хотя бы одну истинно поэтическую строчку, сотворенную вашим пустым сердцем. Вы не умеете чувствовать, а только хнычете по поводу и без оного, у вас нет воображения, а лишенных его поэтов я могу считать кандидатами в пациенты больницы для душевнобольных. Попробуйте выдавить из себя хоть каплю поэзии!» Я плакал, я ничего не мог произнести в ответ. Так, значит, мое стихотворение «Умирающее дитя» — «всего лишь сентиментальный стишок, какой в силах настрочить любой стихоплет»?! Я уже и сам стал сомневаться в своих поэтических способностях, но это сомнение и было единственным, что еще поддерживало меня на плаву. Все мои письма того времени полны жалоб и стенаний,

а фру Вульф я даже написал, что собираюсь эмигрировать в Америку, за что получил от [нее] форменный нагоняй. Да, я находился в таком отчаянии, что мне представилось, будто в обстоятельствах, когда я, будучи ни на что не годным, обманываю государство, находясь у него на иждивении, мысль о самоубийстве позволительна.

Тем временем мои одноклассники и учителя проявляли ко мне все больше и больше дружелюбия, а Коллин написал М. суровое письмо о моем положении, которое привело его в ярость. Он ворвался ко мне, стал допытываться, как же это я осмелился обвинять его, писать на него жалобы, и наконец заявил, чтобы я немедля упаковал свои вещи и выматывался из его дома и из школы. Я принял его слова всерьез и стал собираться, но тут он внезапно смягчился, сказал, что желает мне добра, что он немного переборщил, что я обязательно закончу школу, а для этого он поможет мне, занимаясь со мною отдельно и, кроме того, уговорит Тортсена давать мне по воскресеньям бесплатные уроки латинской грамматики. В тот раз он поставил мне хорошую оценку, ибо имел обыкновение опрашивать нас в последний день месяца, и если мы знали урок, а он оказывался в благодушном настроении, выводил на основании этого опроса месячную оценку.

IX

Случилось так, что сам Эленшлегер прислал мне свой роман «Остров в Южном море», он уже был известен моим одноклассникам, которые брали его у одного из соучеников (сына знаменитого Ларса Баке). Мать его сдавала жилье секретарю шведского консульства Людольфу Шлею, который перевел на немецкий «Фритьофа» и «Акселя». Шлей прочитал мой экземпляр «Острова в Южном море», и когда я как-то зашел к Баке за книгой, поблагодарил меня и сказал, что наслышан о моих литературных способностях. Я помнил свое «Умирающее дитя» наизусть, прочел его, и он выразил свое восхищение стихотворением, отчего я было обрадовался, но тут же подумал, что он говорит неискренне, ведь М. знает меня лучше да и в поэзии разбирается. Однажды, когда я находился у себя, раздался стук в дверь, и в комнату вошел Шлей. Я страшно испугался, ибо М. не терпел, чтобы кто-либо наносил мне визит. Я честно сказал гостю, что не могу принять его, поскольку М. это не по нраву, и попросил его больше ко мне не наведываться. Он же сказал, что ему понравилась моя наивная откровенность, и пригласил меня навестить его, на что я решился как-то воскресным утром. Он предложил мне позавтракать с ним, угостил вином, подарил мне своего «Фритьофа», сказал, что [я] очень понравился ему, хотя он и не может объяснить почему, и предложил

заходить к нему почаще. Его предложение вновь напугало меня, и я написал ему, что не могу больше наносить ему визиты без позволения директора и не осмеливаюсь просить М. об этом. Но тут вдруг я получил от него письмо, в котором он желал мне всего хорошего, поскольку его переводят в Курляндию, в Либаву, сообщал о своем скором отъезде и просил написать что-нибудь на прощание в его альбом, в котором я потом обнаружил записи Аттербума, Тегнера и Гейера и многих других шведских поэтов, и, кроме того, просил встретиться на прощание либо у меня, либо у него. Я остановился на последнем варианте, но написать что-либо в стихотворной форме не осмелился, боясь, что это дойдет до ушей М. Несколько слов в прозе, короткое пожелание всего наилучшего — вот и все, чем я решился одарить его, правда, я передал ему копию «Умирающего дитя». При расставании он сердечно пожал мне руку и сказал, что нам следует подружиться и лучше узнать друг друга, чему может способствовать переписка. Так мы и договорились, и до сего момента продолжается наша романтическая дружба, хотя с тех пор мы ни разу не встречались — море разделяет нас и еще воспоминания о том многом, что изменило нас, по крайней мере перевернуло все мое существо.

Наш учитель древнееврейского получил приход на Борнхольме, и его сменил новый (Верлин), кандидат теологии, бывший ученик М., о назначении которого к нам директор сам и хлопотал. Молодому человеку пришлось каждое воскресенье бывать у нас, поскольку так гласило не писаное, но жесткое правило, и понемногу он стал получать представление об обстановке в доме. М. обращался со мной, как и прежде, даже еще хуже, например, на дровах для моей печки стал экономить. Он заставлял меня учить уроки в школе, где уже никого не оставалось, но было еще тепло, и мне приходилось дышать спертым воздухом. И еще он жаловался, что у меня слишком хороший аппетит. Общество хозяйки тоже было мне противно, ибо она ради забавы в компании с при-

слугой постоянно выставляла меня наивным простодушным младенцем, ее гнусные шуточки действовали на меня угнетающе, доводили до отчаяния и парализовали волю, так что я даже предпочитал этому терпеть издевки М. и его скверное обращение со мной. Я получил еще одно письмо от Коллина, но оно приободрило меня всего лишь на несколько дней, а потом все опять пошло по-прежнему. Верлин видел, что со мной происходит, какие страдания мне приходится претерпевать, и как-то раз посоветовал мне в очень осторожных выражениях рассказать обо всем Коллину. Сам же он собирался на предстоявших пасхальных каникулах нанести ему визит и подробно доложить, в каком я нахожусь положении. Он так тепло со мной говорил, утешал, сказал, что у меня светлая голова, что из меня обязательно выйдет толк, и его похвала настолько воспламенила меня, что я даже по древнееврейскому получил несколько отличных оценок.

Наступили каникулы, и мы, М., Верлин и я, отправились в Копенгаген, где меня ожидали либо возрождение к духовной жизни, либо смерть.

X

Как тепло принимали меня Вульфы во все время моего пребывания у них! Их доброжелательность, которую я почувствовал в первый же вечер, вечер приезда, возродила во мне прежние надежды и укрепила мой дух, ко мне вернулись доверчивость и вера в лучшее, и, проснувшись наутро, я, полный светлых ожиданий, отправился к Коллину. Он как мог старался приободрить меня, но посоветовал при этом проявить выдержку и потерпеть, ибо обстоятельства моей нынешней жизни изменить невозможно. Тем временем к Коллину пришел с визитом Верлин, и — я не знаю подробностей их беседы, но Коллин тут же передумал и решил, что мне следует оставить дом М. и переехать в Копенгаген, где мне будут давать частные уроки. Верлин рекомендовал для занятий (по древнееврейскому) со мной Мюллера, по-моему, за шестнадцать ригсдалеров в месяц. А закончить школьную программу и сдать экзамены мне предстояло через год. О, как я был счастлив! Я словно заново родился и зажил новой жизнью! Я снова пребывал в привычном мне в прежние времена прекрасном настроении, следующей ночью я почти не сомкнул глаз и ранним утром, лежа в постели в доме Вульфов, карандашом набросал свое первое ироническое стихотворение «Вечер», которое опубликовано в моем сборнике «Стихотворения». Оно же, кстати,

первым из моих произведений понравилось милой отзывчивой Йетте, которая с той поры стала мне верной защитницей и заступницей, а потом — да будет мне позволено сказать это — и сестрой, хотя я частенько подтрунивал над нею и мучил ее, правда, только в шутку. Это ее похвала, ее доброе отношение окрылили меня, это ее заслуга, что я написал множество комических стихотворений, благодаря ей я почувствовал вкус к этому жанру и стал отходить от сентиментальной поэзии. Даже «Умирающее дитя» она не пощадила и вместе с Лоттой Эленшлегер всласть посмеялась, когда я читал им это стихотворение и еще монолог Эльфа из «Хагбарта и Сигне». Правда, во многом такая их реакция объясняется моим фюнским выговором — так, когда я читал «Умирающее дитя», в моем произношении щеки матери оказались не «мокрые», а «мо́кры».

Между тем Коллин отправил М. (который находился в Копенгагене) письмо с уведомлением, что он полагает более полезным для меня пройти программу последнего класса с частными учителями и по этой причине забирает (меня) из школы, а мне посоветовал отправиться домой пароходом, дождаться возвращения М. и тепло попрощаться с ним, чтобы не вызывать его недовольства. Я, разумеется, предполагал, какой разгорится скандал, но подчинился его требованию. Итак, в воскресенье в полдень я прибыл пароходом в Хельсингёр. Хозяйка немало подивилась, но истинную причину моего преждевременного возвращения я ей открыть не решился, резонно полагая, что она тоже может дать волю чувствам, особенно когда услышит, что лишается столь желанных денег за мое проживание у них, которые я всегда платил ей за месяц вперед. Поэтому тем вечером я ей ничего не сказал. Однако, как выяснилось, мое нежданное появление в доме весьма нарушило ее планы. «А мы все съестные запасы подчистили, — сказала она, пытаясь обратить все в шутку. — Так что придется вам пойти к кому-нибудь в гости

и там поужинать. Я и прислугу отпустила до завтрашнего утра». До тех пор я еще не выходил в город вечером, а потому обрадовался возможности посетить кого-нибудь из учителей. Хозяйка дала мне ключ от ворот, и я с легкой душой отправился восвояси, но, вернувшись в десять часов, открыть ворота не смог. Не поддался замок и сторожу, которого я призвал на помощь, — ключ оказался не тот! Пришлось звонить в колокольчик и разбудить всех в соседних домах, но из нашего так никто и не вышел и не открыл мне ворот. Что же, мне ничего другого не оставалось, как снова отправиться к учителю, у которого я гостил вечером, но у него тоже все уже легли спать, и вот я оказался на улице без гроша в кармане. В конце концов я заметил горящее окошко в доме, где жил мой одноклассник, позвонил, и он позволил мне переночевать у него.

Наутро хозяйка от души посмеялась надо мной за ночные скитания, сообщив, что перепутала и дала мне ключ от дровяного сарая вместо ключа от ворот, но прислуга не преминула весьма прозрачно намекнуть мне, по какой причине нас не хотели видеть и заперли двери в ту ночь.

Когда же я рассказал хозяйке, что покидаю их, она сперва расстроилась, но огорчалась недолго и вскоре предложила мне прогуляться с нею по городу — хотела показать всем, что расстаемся мы не врагами. В среду вечером мы ожидали возвращения М., сердце у меня колотилось от страха, наконец он приехал, да не один, а с сыном актера Хегера, который должен был занять мое место жильца в доме (но который, как впоследствии выяснилось, провел там всего лишь несколько недель). «А, так вы еще здесь? — спросил он меня. — Когда же вы уезжаете?» — «Завтра, с почтовым экипажем», — ответил я, помогая ему выйти из коляски. Он не произнес больше ни слова. Когда я улегся, началось паломничество прислуги ко мне. Не забывая попросить прощения, они забирали у меня то перину, то подушку для юного Хеге-

ра, так что в конце концов мне пришлось почивать чуть ли не на голой кровати. Когда М. наутро спустился в библиотеку, я подошел к нему и сказал: «Я хочу попрощаться с вами и поблагодарить вас за все хорошее, что вы для меня сделали!» — «Отправляйтесь ко всем чертям!» — таков был его ответ, таковы были его прощальные слова, обращенные ко мне. Хозяйка же немало растрогалась при расставании, да и я, впрочем, тоже, одноклассники пожелали мне всего доброго, и я тронулся в путь, покидая место, где я пролил столько слез и чувствовал себя несчастнейшим из несчастных, и стремясь поскорее начать новый этап в своей жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Телом и душой стал я теперь словно вольная птица в небе, все горести, все пустые мечтания были забыты, и от этого моя истинная сущность, до сих пор тщательно скрываемая, прорвалась наружу чересчур бурно. Все вокруг я воспринимал в каком-то чудно́м и чудесном свете и даже посчитал, что зря так болезненно страдал от насмешек и издевательств М. Ведь жизнь была так прекрасна! Преображению моему способствовала и Йетте Вульф со своим тонким юмором и беззлобными шуточками. Она словно бы заряжала меня своей энергий, и благодаря ей я вновь обрел спокойствие в душе, веселый нрав и умение шутить, обращая иронию в первую очередь на себя. При всем при этом я оставался наивным ребенком, что было удивительно, ведь мне уже стукнуло двадцать один год. Мое доверие к людям еще не покачнулось, я не питал злобы даже к М. Ибо думал лишь о своей свободе, о своем счастье.

Отныне мне предстояло соблюдать режим строжайшей экономии. У одной вдовы, фру Шварц, на Вингорстрэде я снял мансардную каморку с красиво выкрашенными стенами, правда, такую маленькую, что в ней едва могли разместиться три-четыре человека. Потолок был наклонный, а окно располагалось так, как и обычно в мансардах, но из него открывался красивый вид на застроенное пространство

вплоть до Хольменсгаде и Слагтербодерне, а в центре этой панорамы возвышалась башня Св. Николая, которую я мог обозревать от подножия до верхушки шпиля. Какие замечательные закаты я наблюдал здесь летними вечерами, облака представлялись мне горными вершинами, и я погружался в сладкие мечты, слушая игравшего на улице шарманщика. В каморке у меня был встроенный шкафчик, где я хранил хлеб, масло и колбасу, то есть о завтраке и ужине я заботился сам. А что до обедов, то я быстро и легко договорился насчет этого с друзьями, и вся неделя оказалась у меня расписана. По понедельникам я обедал у командора Вульфа, по вторникам — у конференц-советника Коллина, по средам — у статского советника Ольсена, по четвергам меня ждали у фру Мюффельманн, по пятницам — у статского советника Эрстеда, а суббота была зарезервирована за управляющим Баллингом. Воскресенье я специально [не] стал занимать и оставил его свободным, потому что меня нередко приглашали в гости, и, как правило, именно в этот день недели.

Повсюду меня принимали, словно члена семьи, правда, поначалу я от этого смущался, что не касалось только дома Вульфов, где я давно уже чувствовал себя своим. Впрочем, вскоре я поневоле освоился и в других домах, но позднее других — в доме Коллинов. Перед главой семьи я испытывал своего рода страх, хотя и любил его всей душою, ведь я понимал, что счастье моей жизни, да что там, просто мое существование зависит от него. Старшая его дочь к тому времени уже вышла замуж и жила своим домом, она-то и уделяла мне больше всего внимания, чего не скажешь о других детях. К примеру, Эдвард, казалось, смотрел на меня таким холодным и неприязненным взглядом, что я решил, будто он и вправду терпеть меня не может, и посчитал его высокомерным задавакой и даже своим врагом! Вот так я думал о человеке, который впоследствии стал мне бесконечно дорог, это мой первый испытанный друг, добрая душа!

С кандидатом Людвигом Мюллером (сыном д-ра Мюллера) мне предстояло заниматься всем, кроме математики, ибо он посчитал, что с подготовкой по этому предмету я справлюсь самостоятельно (я ведь осилил весь курс в Хельсингёре, и мне оставалось только повторить материал, а на уроках арифметики в тамошней школе я так блистал, что мне вменили в обязанность в конце каждого месяца подсчитывать оценки всех учеников, а от суммы баллов зависел перевод на более высокую или более низкую ступень). Мюллер был большим знатоком восточных языков, за что и получил прозвище «Мюллер Иудейский». Еще он хорошо говорил по-исландски, а вообще был просто замечательный человек: после смерти матери он взял на себя заботу о двух своих братьях, зарабатывал на хлеб насущный уроками. Со мной он занимался невероятно много и добросовестно, был всегда весел и доброжелателен, короче говоря, являл собою полную противоположность Мейслингу.

Мюллер имел лишь один, но весьма существенный для меня недостаток — он принадлежал к *святым*. Грундтвиг, Руддельбак и Линдберг — вот кто составлял круг его дружеского общения. И поскольку он очень любил меня, то почел своим святым долгом приложить максимум усилий, чтобы я воспринял его ортодоксальные идеи, короче говоря, он желал обратить меня в свою веру и тем самым спасти мою душу. На всех занятиях у нас царила замечательная атмосфера, исключая уроки по Закону Божьему. Квистгор в Слагельсе заложил для меня разумную основу по этому предмету, да и собственная природа отвращала меня от строгого следования букве Священного Писания. Мне показалось чем-то несерьезным, чем-то принижающим Господа Бога представлять его вопреки слову Христа строгим властелином, карающим человека вечным огнем без надежды на спасение за то, что он не смог побороть в себе присущее ему от природы. В душе моей бурлило пьянящее ощущение свободы, и вот это

ощущение, а еще появившаяся у меня привычка подтрунивать над всем высоким заставляли меня спорить с учителем. Он искренне желал мне добра, но предлагал слепо верить всем священным догматам, даже тем, против которых восставал мой рассудок. Нередко я приводил разумные контраргументы, на мгновение они сбивали его с толку, но если он не находил, что сказать в ответ, то говорил: «Что ж, это звучит убедительно и, пожалуй, верно, но не думаете ли вы, что вашими устами говорит носитель зла, он ведь всегда приходит на помощь своим». — «Нет, — возражал я, — я убежден, что дьявола не существует и присутствует он лишь в образных выражениях. Разве можно представить себе, чтобы наш всемилостивейший Господь создал ад, где грешник обречен на вечные мучения? Я-то всего лишь человек, и, как вы соблаговолили заметить, человек грешный, но я никогда бы не смог обречь на вечные муки своего врага. Неужели вы полагаете, что Господь на это способен?!» — «Об этом говорится в Писании, — отвечал он, — и говорится самим Господом, а Господь не может лгать!»

Вот так проходили у нас с ним уроки, а когда я однажды поведал ему о своем желании изучать теологию, Мюллер честно сказал, что если я не изменю своих воззрений, то, когда меня будут посвящать в сан, а он в это время окажется в городе, он выступит публично с заявлением о том, что я недостоин рукоположения. Его по-настоящему огорчало, что я, человек такой положительный, никак не хочу обратиться в его веру. Как-то он затащил меня к Грундтвигу, но тот остался ко мне равнодушен и, кроме того, так зло отзывался о Байроне, словно о безбожнике. Изредка приходил на урок Линдберг, однажды он захотел послушать мой ответ, но я отказался, собрал свои книги и отправился домой.

Я был у Мюллера первым учеником, которого он готовил к экзамену на аттестат зрелости, и он чувствовал себя несколько неуверенно, потому и было решено, что эту миссию

возьмет на себя Руддельбак, но того перевели в Саксонию, и выпускать меня пришлось все же Мюллеру.

В школе я учился очень прилежно, не меньше усердия проявлял и теперь, ведь это было делом моей совести, но все же, когда я попал в такие благоприятные обстоятельства и воспрял духом, дело пошло куда веселее, и у меня появилось время для развлечений. Я много гулял, ходил по гостям, а дома написал несколько небольших комических стихотворений. Впрочем, как личность я не слишком изменился по сравнению с прошлыми временами. Я верил каждому хвалебному слову в мой адрес, страстно желал показаться окружающим интересным и, чтобы привлечь внимание к своей персоне, старался играть главную роль в любой компании.

И теперь, когда я ощутил вкус свободы, мною снова, как в старые добрые времена, овладела страсть к декламации. Моя тощая долговязая фигура, моя удивительная наивность и невероятный интерес ко всему, что связано с театром, вызывали на редкость комический эффект, чего я в силу своей восторженности просто не замечал, считая на самом деле, что, как однажды высказался Эленшлегер, любая улыбка есть знак одобрения. Надо мной часто потешались, но я не понимал этого, имея о своих способностях весьма высокое мнение.

Профессор Тиле, который всегда охотно встречался со мной, а потом стал мне верным другом, впоследствии рассказывал о том, как однажды мы вместе были в гостях в одном богатом доме, где некоторые дамы демонстрировали свои вокальные данные, молодой Герсон исполнял на фортепьяно свои импровизации, а потом меня попросили прочесть одно из моих стихотворений, но только сделано это было с целью выставить меня на посмешище. Уговаривать меня не пришлось. «Но, — продолжил Тиле, — стихотворение оказалось таким поэтичным, и вы прочитали его с таким чувством, что желавшие посмеяться сконфузились, ведь им пришлось признать, что вместо ожидаемого стихоплета им довелось ус-

лышать настоящего поэта». Коллин тоже обратил мое внимание на то, что я перебарщиваю с публичной читкой своих стихов, и его замечание глубоко ранило меня; я попытался бороться с этой страстью, но если меня просили — тут уж я не мог сдержать свою натуру. С Мюллером дела у меня шли преотлично, дома я занимался до глубокой ночи, но в самый разгар занятий меня начинали одолевать поэтические замыслы и образы. Словно бы и вправду ко мне являлся воспетый мною «поэтический бес» и начинал меня мучить, я вел с ним борьбу не на жизнь, а на смерть и нередко готов был швырнуть в его рожу чернильницу, но ему так и не удалось совратить меня и оторвать от занятий.

II

Примерно в то же время я свел знакомство с человеком, который впоследствии стал мне несказанно дорог и который каким-то едва ли не волшебным образом завоевал мое сердце и мое доверие, впрочем, за свою душевность он того вполне заслуживает. Вот как было дело. Однажды я разглядывал вывешенные в витрине художественной лавки портреты, среди которых находился и портрет Карла Марии Вебера. Внезапно рядом со мной остановился некий молодой господин с поразительно открытым, наивным, одухотворенным и задумчивым лицом. Именно такие лица более всего привлекают меня. Сперва я не обратил на него особого внимания, но потом заметил нечто странное в его поведении: он все время переводил взгляд с меня на портрет Карла Вебера и обратно. Впрочем, вскоре я и думать забыл об этом молодом человеке, но по прошествии короткого времени снова увидел его в театре и вновь заметил, что он внимательно меня разглядывает. Наконец, в другой раз я встретил его в доме у моего репетитора, где нас и представили друг другу. Он попросил прощения за свое назойливое внимание к моей персоне и объяснил его тем, что в первую же нашу встречу нашел столь по[ра]зительное сходство между мною и Карлом Марией Вебером и просто не мог ничего с собой поделать; он

назвал мне свой адрес, а также сказал, что он сын нашего зеландского епископа и зовут его Людвиг Мюллер, точно так же, как и моего репетитора, с которым, впрочем, он даже в дальнем родстве не состоял. Итак, мы познакомились, но только четыре года спустя (в 1832 году) наше знакомство переросло в крепкую, верную и, надеюсь, долгую дружбу.

В то время у меня вообще не было друзей, я жил в прямом смысле этого слова только для себя самого, но все же чувствовал, что мне нужен человек, которому я смог бы доверить свое самое сокровенное. Тем временем Карл Баггер, с которым я познакомился в Сорё и который так любил меня, сдал вступительный экзамен в университет и приехал в Копенгаген. Он навестил меня, а потом уже я стал частенько захаживать к нему.

Он обладал гораздо бо́льшими знаниями, нежели я, за что я проникся к нему уважением. Он поразил меня своим здоровым мировоззрением, его красноречие и живость нрава вызывали интерес к нему, он тоже потешался над сентиментальщиной и способствовал развитию у меня тяги к комическому. Мы читали друг другу свои стихи, и он со свойственной ему скромностью всегда ставил мои произведения выше своих и завидовал моему воображению. Фриц Пети, воспитывавшийся вместе с Баггером в Сорё, тоже часто заглядывал к нему, он также писал стихи и недавно издал свои «Стихотворения первокурсника», которые, правда, меня совсем не вдохновили, впрочем, в первую голову потому, что были чересчур слезливы и сентиментальны. Я был очень восприимчив ко всему, что меня окружало, и общение с ними весьма способствовало моему духовному развитию. Они смотрели на жизнь веселыми глазами, их забавляло, что я невинен, словно дитя. Баггер находил это по меньшей мере романтичным и оригинальным и поэтому однажды сказал: «Грешно соблазнять его». Впрочем, и моя собственная натура помогла мне безболезненно преодолеть столь опасные по-

роги и не впасть в порок, лишь в сознании отложилось, что, в сущности, беспутство простительно, если оно не входит в противоречие с исполнением высшего долга и не навлекает несчастья на невиновного. Прошедшему школу жизни у фру М. подобные взгляды должны представляться вполне естественными, и потому я счел, что поведение молодых людей в этом отношении не подлежит осуждению и — более того — простительно, но в то же время я настолько проникся презрением к женскому полу, что, скорее всего, именно *это* и позволило мне остаться неиспорченным и невинным. Но в основном мы с Баггером, который очень любил меня и благодаря своему светлому уму и знаниям во многих отношениях оказал на меня благотворное влияние, говорили не об этом, а о серьезных вещах, полностью доверяя друг другу. Более года мы общались очень тесно, но потом у него появилось много новых друзей, интересы которых, мягко говоря, не совсем совпадали с моими, и так получилось, что он переехал куда-то ближе к центру города, мы стали меньше встречаться и последние годы разговаривали, только случайно встретившись на улице.

III

Между тем Людольф Шлей, с которым я состоял в переписке и которому все больше и больше доверял, перевел на немецкий мое стихотворение «Умирающее дитя», и его опубликовали в одной из местных газет в Либаве без ссылки на то, что это перевод. Статский советник Ольсен узнал об этом и возмутился, он считал, что, поскольку авторство стихотворения принадлежит мне, то есть датчанину, его следует немедленно опубликовать у нас, чтобы впоследствии никто не мог назвать его переведенным с другого языка. (А ведь в дальнейшем так и случилось: когда меня критиковали все кому не лень, «Новейшие зарисовки», охарактеризовав стихотворение как образец настоящей высокой поэзии, сообщили, что вроде бы где-то оно публиковалось на немецком языке, хотя речь шла лишь о великолепном переводе.)

Так вот, статский советник Ольсен поместил мое стихотворение в «Копенгагенской почте», причем как датский оригинал, так и немецкий перевод, и оно завоевало сердца широкой публике. Вряд ли какое-либо еще мое стихотворение (за исключением, быть может, «Музыкант, ударь по струнам!»), удостоилось такого восторженного приема. Это было первое мое опубликованное произведение. Как-то на обеде у статского советника Ольсена я встретился с писателем Хейбергом,

который в то время издавал «Летучую почту», а его пьеса «Царь Соломон» сделала его любимцем публики. В предвкушении предстоящей встречи я позаботился о том, чтобы сидеть за столом рядом с ним. Затея моя удалась, и за обедом мы разговорились; он, как оказалось, слышал обо мне, пригласил навестить его и попросил посмотреть несколько моих стихотворений. Я сразу же показал ему две свои работы — «Вечер» и «Ужасный час», которые он нашел весьма оригинальными и напечатал в «Летучей почте». Я, правда, не подписал их полным именем, а, как и в случае с «Умирающим дитя», поставил значок — маленькую «х», заменявшую мои инициалы — Х.К.А. Эти два стихотворения по-настоящему привлекли внимание читателей, и я праздновал триумф. В доме командора Вульфа я чувствовал себя настоящим членом семьи, ко мне относились с необычайной теплотой, вот только когда речь заходила о моих поэтических талантах, командор, особых надежд в отношении них не питавший, всегда замечал, что сочинительство слишком отвлекает меня от учебы. Частенько он порицал меня за это, что меня сильно огорчало. Именно поэтому он редко слушал, когда я читал свои стихи, и те две вещи в «Летучей почте» не знал до появления их в печати. Прочитав их и не разгадав, чье имя скрывает буковка «х», он вошел в гостиную и сказал: «В сегодняшнем номере "Летучей почты" есть два замечательных стихотворения!» И тут фрёкен Йетте торжествующе воскликнула: «Да ведь это стихи Андерсена!»

Тем временем мой репетитор Мюллер переехал в Кристиансхавн, нередко я дважды в день приходил к нему на занятия и частенько возвращался домой поздним вечером. На пути к нему я думал только о предстоящих уроках, а по дороге домой давал волю своему воображению, и постепенно у меня созрел замысел «Прогулки на Амагер». Я записал сперва всего лишь несколько фрагментов, и почти вся вещь сложилась у меня в голове.

Моя хозяйка, фру Шварц, женщина совсем простая, тем не менее с удовольствием прочитала два моих стихотворения,

напечатанных в «Летучей почте». Однажды она вошла ко мне и сказала: «Вы так хорошо складываете стихи, не могли бы вы написать стихотворную эпитафию? Умерла моя подруга, это была замечательная женщина, она так помогала беднякам. У нее есть сын, но он человек никудышный, из него никогда ничего путного не выйдет, он попал в дурную компанию и ведет себя развязно, меня вот называет старой ведьмой. Сколько горя он доставил своей матери, этой славной женщине. Вы напишите так, как сочтете нужным!» Я написал две коротенькие строфы, разумеется, ни словом не упомянув о сыне. Хозяйке текст понравился, правда, она сочла, что двух строф маловато, еще, дескать, скажут, она поскупилась, и попросила меня написать еще одну строфу. Что я и сделал, однако, когда горничная, посланная с текстом в редакцию газеты, вернулась домой, я услышал вопль старушки: «Как? Семь монет за такую ерунду?!» В общем, не оставалось ничего иного, как убрать-таки третью строфу, чтобы немного сэкономить. Мне также пришлось вместо подписи поставить лишь первую букву ее имени, а вместо остальных — точки, чтобы родственники покойной могли догадаться, кто заказал эпитафию. Зато теперь каждое воскресенье меня угощали кофе с сухариками.

Но наконец приблизился судьбоносный октябрь.

IV

Поскольку я был первым учеником у моего репетитора, который готовил нас к экзаменам на аттестат зрелости, мое волнение передалось и ему. Я читал только книги, входившие в список обязательной литературы, учитель же решил, что этого недостаточно, и дал мне еще дополнительно одного латинского и одного греческого автора, книги, которых я до тех пор в глаза не видел, однако он сказал, что я легко их одолею и в таком случае Господь позаботится о том, чтобы я успешно выдержал экзамен.

В тот год пост ректора занимал Эленшлегер. Когда я передавал ему тетрадь для сочинений и метрику, он дружески пожал мне руку, пожелал мне удачи и выразил радость по поводу того, что я так далеко продвинулся в учебе. В первый день предстоял письменный экзамен, и я до того разволновался, что у двери в аудиторию у меня носом пошла кровь, что со мной случилось впервые в жизни. Я сидел за одним столом с двумя другими экзаменующимися. Одного звали Баггесен, а другого — Арнесен, чей водевиль «Интрига в театре забав», который он написал, еще учась в школе, как раз в те дни ставили в театре. Оба они были веселы, я же полагал, что настал судный день, и молил Господа помочь мне как следует написать сочинение по латыни. Многие получили «посредственно», некоторые и вовсе провалились, и потому

столь велика была моя радость, когда я узнал, что у меня всего две мелкие ошибки и мне поставили «удовлетворительно» (а больше я и не мог получить — такова была шкала оценок на экзаменах по древним языкам).

Экзамен по математике я надеялся сдать блестяще, но когда время уже подходило к концу, я обнаружил, что неверно понял задание и надо искать другой способ решения. Я пришел в такой ужас, что на мгновение лишился способности что-либо соображать, но, правда, быстро пришел в себя, нашел правильное решение и стал второпях записывать его. Я уже приближался к концу, как вдруг раздался бой часов, возвещавший, что время экзамена вышло. Это так сильно подействовало на меня, что с последним ударом я без чувств откинулся на спинку скамьи, поскольку решил, будто у меня тотчас же отберут незавершенное задание и поставят нулевую оценку. Меня привели в чувство, и кто-то в своем усердии плеснул мне в лицо из флакона с одеколоном. Я ушел с экзамена с красными, точно у кролика, глазами, и когда проходил мимо дома Эленшлегера, где как раз находился Вульф, и меня позвали зайти, все присутствующие решили, что я провалился.

А между тем все шло хорошо, и из устных экзаменов мне не повезло только на латинском, где я получил «посредственно». Зато я ожидал, что блесну сочинением на письменном датском, да и все вокруг твердили, что я получу «отлично», но... проклятая орфография! Профессор сказал, что за моим номером числится «удовлетворительно», чем просто-напросто поразил меня. Возвратившись домой, я подумал, что это ошибка, вернулся обратно, назвал свое имя, но нет, ничего не изменилось — я получил «удовлетворительно». Устный экзамен по математике у меня принимал фон Шмидтен, с которым мы встречались у Эрстеда. Это был очень скромный и тихий человек, человек добрейшей души и исключительного ума. Узнав друг друга, мы оба

смутились, и чтобы ободрить меня, он шепотом задал мне [т]акой первый вопрос: «И что же вы напишете после окончания экзаменов? Вы ведь наверняка пойдете избранным путем?» Я немножко приободрился и ответил: «О, Господи, может быть, вы начнете экзаменовать меня, чтобы побыстрее все закончилось? Я так боюсь!» И он начал спрашивать. В аудитории посмеялись, но я отвечал правильно и сплоховал только в одном: так сильно размахивал рукой, в которой держал перо, что забрызгал экзаменатору все лицо чернилами. Но он был столь великодушен, что не сделал мне никакого замечания, а просто спокойным жестом вытер лицо. Наконец экзамены закончились! Я сдал их со средней оценкой «удовлетворительно», получил аттестат зрелости и был на седьмом небе от счастья. Мои покровители и друзья сердечно поздравили меня. Да, теперь я мог полностью отдаться сочинительству, и я засел за «Прогулку».

V

Первое подписанное моим именем стихотворение «Поэтический бес», напечатали в «Летучей почте», где появился и [отрывок] из «Прогулки», которые вызвали огромный интерес. Первое издание «Прогулки» вышло тиражом пятьсот экземпляров, и почти столько набралось у меня и подписчиков. Но еще до этого я предложил книгу Рейцелю за сто ригсдалеров, но он, ссылаясь на мою молодость и неизвестность, снизил цену до семидесяти ригсдалеров. Хейберг посоветовал мне тогда самому [и]здать книгу, и в результате я сильно выиграл: книга имела большой успех, первый тираж разошелся за несколько дней, и Рейцель теперь предложил мне сто ригсдалеров за право на второе издание. В этой маленькой книжке я дал волю своей фантазии и своим чувствам и завоевал благосклонность многочисленных читателей. Однако кое-кому пришлось не по сердцу то огромное внимание, которым одарила меня читающая публика, и мне стали указывать на то, что в книжке слишком много легковесных мест. Таким образом, некоторые критики ополчились на меня, но многие полностью приняли мою сторону.

В «Литературном вестнике» появилась положительная рецензия, а в «Ежемесячнике» Хейберг опубликовал своего рода предисловие, вернее сказать, он просто показал читате-

лям, под каким углом зрения надо рассматривать юмористическое произведение. Гульдберг прислал мне из Оденсе письмо, в котором выражал восхищение и радость в связи с моим удачным дебютом в качестве прозаика.

Мои друзья поздравляли меня, и многие из тех лиц, что раньше и вовсе не замечали меня, теперь стремились вступить со мной в беседу, короче говоря, все вокруг окрасилось в праздничные цвета. Правда, Эленшлегер отнесся ко мне суровее, он упрекал меня за пристрастие к шутовству и насмехательству над лучшими чувствами, указывал мне на многочисленные ошибки. Это его мнение, столь отличное от других, обидело меня, ибо я купался в море невинной радости. Профессор Хаух был из числа тех немногих, кто весьма резко отозвался о моей книге, он просто-напросто отказал мне в таланте. Я не питал к нему такого уважения, как к Эленшлегеру, и потому не на шутку рассердился. Поскольку его недавно вышедший «Дон Жуан» мне сильно не понравился, а тут еще многие стали подзуживать меня, я включил в новое издание «Прогулок» несколько колких выпадов против него, чего мне ни в коем случае делать не следовало. Что ж, во всем виновата молодая горячая кровь, бросившаяся в голову обиженному поэту.

При подготовке этой маленькой книжки к изданию я впервые вошел в более или менее близкий контакт с ныне моим верным другом Эдвардом Коллином. Как уже говорилось, раньше я считал, что он холоден и равнодушен ко мне, но тут он пошел мне навстречу и оказал огромную помощь в чтении корректуры и устройстве практических дел, прежде всего денежных. Он оказал мне услугу, но пока я еще не испытывал дружеских чувств и относился к нему просто как к знакомому (ко всему прочему, в последнее время перед экзаменами он готовил меня к латинскому сочинению, а мой характер не позволял мне вступить в доверительные отношения с человеком, перед которым я продемонстрировал свое невежество). Те-

перь же я стал уважать его, но еще и представить себе не мог, что наше знакомство когда-нибудь перерастет в дружбу. К тому же мне казалось, что мы с ним совсем разные люди.

Успех моей первой литературной работы прибавил мне смелости, теперь во всем я старался отыскать смешное, мне хотелось пародировать все трагическое и любые сентиментальные выверты души, и многие из моего окружения поощряли меня в этом моем стремлении. Я перечитал одну из своих старых трагедий, «Лесная часовня», нашел, что это настоящая пародия, мысль моя заработала под стать моему веселому настроению, и в результате родился замысел героического водевиля «Любовь на башне Св.Николая, или Что скажет партер», который я написал рифмованными стихами примерно за восемь дней. Это была шалость, шутка, не лишенная, впрочем, оригинальности. Я представил пьесу в театр, но поскольку вложил в уста героини реплику из «Акселя и Вальборг», производившую в данном контексте комический эффект, Рабек рассердился и предложил отклонить ее. Ольсену же, проявлявшему ко мне значительный интерес, понравилась эта забавная вещица, написанная, как он выразился, великолепными стихами. Коллин тоже счел пьесу приемлемой, и ее решили ставить на сцене. Я был вне себя от блаженства! И больше всего меня тронул тот факт, что мою пьесу собираются ставить в театре, перед закрытыми дверями которого я несколько лет назад стоял бедный и никому не нужный.

Тем временем я готовился к вступительному экзамену в университет, так называемому *философско-филологическому*, причем обе части я решил сдавать одновременно, в октябре (ровно через год после экзамена на аттестат зрелости). Но так как мне хотелось летом ненадолго съездить в Оденсе, и к тому же я чувствовал уверенность в своих силах, я передумал и осмелился сдавать первую часть уже в апреле, то есть после всего лишь месяца подготовк[и]. Латынь я сдал довольно хорошо, а вот с древнееврейским вышла замин-

ка — я получил «посредственно» и, испугавшись, что не вытяну на хороший балл, решил вернуться к первоначальном плану и сдавать обе части одновременно в октябре, к тому же заменив древнееврейский на естественную историю. Так что в сроках я все равно не проиграл, если б, конечно, выдержал обе части экзамена. Тем не менее эта заработанная мною низкая оценка доставила мне немало мучений. Я присутствовал на одной репетиции моего водевиля, в конце которого д-р Рюге дополнил сюжет, рассказав историю о моем экзамене, и при этом *домыслив*, что я провалился, чего на самом деле не случилось. Я сидел в партере и, слушая его, изнывал всем сердцем от обиды и огорчения.

Премьера водевиля состоялась в апреле 1829 года, зал был набит битком, и все молодые люди, вместе с которыми я сдавал выпускной экзамен, пришли поспособствовать успеху пьесы своего товарища. Они хлопали так, что от их аплодисментов едва не развалилось здание театра, а по окончании спектакля раздались даже крики: «Да здравствует автор!» Возможно, именно поэтому кое-кто отнесся ко мне и к пьесе не по-доброму. Меня упрекали в шутовстве и ругали за вставленные — видит Бог! — без всякой задней мысли слова из пьесы Эленшлегера. Я сидел с колотящимся сердцем и слезами на глазах в углу за кулисами, и вдруг в громе оваций раздалось два свистка. Я тут же выскочил из театра на улицу и помчался к Вульфам, которые вскоре вернулись с представления и принялись поздравлять меня с успехом спектакля, полагая, что те два свистка не имеют никакого значения. Некоторые злопыхатели заявляли, что пьеса в какой-то степени направлена против Эленшлегера, хотя я искренне его любил и восхищался его поэтическим талантом. Но что делать — если что-то представлялось мне материалом для юмористического изображения, я отбрасывал все прочие соображения, я ведь верил тогда, что автор, пародируя блестящее произведение и используя какие-то действительно трогательные эпизоды, имеет пра-

во обратить их в шутку и вовсе не обязательно преследует при этом злой умысел. Мое восхищение игрой г-жи Вексхаль привело меня к ошибочному решению: именно ее я видел в роли главной героини. Ей, игравшей первые роли в трагедиях, предстояло спародировать себя саму, что оказалось для нее сложной задачей. Она построила роль неправильно, слишком упростила ее, и многим ее игра не понравилась. В результате я приобрел недругов из числа ее поклонников, что, похоже, усилило мощь критического залпа, выпущенного вскоре в меня профессором Давидом на страницах «Литературного ежемесячника». Впрочем, актриса выступила в этой роли лишь один-единственный раз. На втором представлении главную героиню играла девица Вульф (ныне фру Хольстейн). Снова был аншлаг, и снова мнения публики разделились. Тогда уже началась последняя неделя театрального сезона, и спектакль поэтому не мог идти каждый день, но все же его сыграли еще раз, и теперь уже под овации всего зала. Эта пьеса была своеобразным каприччио, плодом веселого юношеского настроения; многие чересчур громко аплодировали ей, другие же оценивали слишком жестко и безжалостно. Эленшлегер был самым суровым среди последних, что меня искренне огорчало. Тем временем наступила весна, я засиделся дома, нуждался в небольшом путешествии и потому вскоре отправился в путь.

VI

Я до сих пор посетил не так много мест на Фюне и на Зеландии, а на других островах вообще не бывал. «Путешествие» Мольбека вдохновило меня на поездку на Мён, я отправился туда пароходом, путь занимал от силы полдня, но мы попали в шторм и провели на борту целую ночь, а меня так замучила морская болезнь, что я совсем выбился из сил. Так что до острова я добрался только утром следующего дня. Как выяснилось, Мольбек сильно приукрасил здешнюю природу, что доставило мне немало огорчений — Мёнский утес, к примеру, не произвел на меня никакого впечатления, и лишь Трон королевы оправдал мои ожидания. Только вечером, когда луна уже осветила совершенно неподвижное море, далеко вдали, словно сквозь марево, я увидел меловые горы Арконы и пришел в восхищение от здешних красот. На обратном пути я навестил сестру фрёкен Тёндерлунд, бывшую замужем за местным священником. Встретил и короля в момент его прибытия на остров, участвовал в деревенских торжествах, устроенных по этому поводу, совершил пешую прогулку в Вордингборг, побывал на башне короля Вальдемара, побродил по пляжу, полюбовался красивыми окрестностями, а потом через Нэствед отправился в Слагельсе, где не бывал с тех пор, как учился в тамошней школе, и ощущал гордость в душе, потому что сумел-таки столького добиться.

По приезде в Оденсе все наперебой старались выказать мне свое восхищение. Постаревшая моя матушка была вне себя от радости, а я жалел лишь о том, что моя старая бабушка уже не живет на белом свете и не может ни увидеть меня, ни услышать похвалы в мой адрес, ни разделить со мной это счастье! В городе я провел всего лишь одну-две недели, ибо не мог надолго оторваться от учебы, да и к тому же советник Банг пригласил меня погостить у него в Норагере на Зеландии. Там меня окружали красивые пейзажи на берегу озера Тиссё и замечательные, добрые люди. Я застал у них сыновей Коллина. В доме царило веселье. Я провел там несколько запоминающихся дней и несколько раз выбирался в Сэбю к старому священнику Лассену, которого знал еще со времени учебы в Слагельсе и который был юным студентом, когда казнили Струенсе и Брандта, и много чего мог рассказать. В усадьбе у него было так уютно, особенно меня привлекала зала, увешанная старыми семейными портретами и гравюрами на меди. Я прочитал ему несколько своих стихотворений, и он со спокойствием пророка предсказал, что все мои гордые мечты сбудутся. Тогда я еще продолжал верить всему, что говорят люди, да и не испытал я еще настоящего горя, а если и садилась когда на меня черная муха, то тут же улетала. Я находился в таком веселом настроении, что иной раз даже перебарщивал с шутками, оборачивавшимися насмешкой.

В конце августа я снова вернулся в Копенгаген, да уже и пора было приниматься за учебу, ведь я хотел получить наилучшие оценки. Я записался у Торлакиуса сдавать экзамен по филологической части в первый день месяца, а по философской — в последний. Но Торлакиус умер, и его место занял Эленшлегер, и — вот незадача — к моему ужасу, мне назначили экзамены по обеим частям на первые два дня месяца. Но это было просто невозможно, и скрепя сердце я отправился к Эленшлегеру, сказал, что произошла ошибка

и что я буду сдавать экзамены в соответствии с первоначальным расписанием. Он обошелся со мной весьма неласково и заявил, что не видит причины помогать мне в чем-либо, тем более что я осмеял его в своем водевиле. Я ничего не сказал в ответ, но почувствовал, что еще больше отдаляюсь от него, и решил вовсе не ходить на экзамены, если мне их не разведут и у меня не будет времени для подготовки. Я совсем упал духом и отправился восвояси, но на следующий день его добрая натура и детское сердце все-таки победили, и он послал сообщение Коллинам и Эрстедам о том, что я могу сдавать экзамен, когда пожелаю. Я очень хорошо сдал экзамены по филологической части, что меня весьма приободрило, а по всем предметам философской части мне и вовсе поставили «отлично». Так что всем моим критикам пришлось заткнуть рот: я получил наивысшие оценки!

Коллины и Вульфы разделили со мной мою радость, а с Эдвардом мы еще более сблизились, я ценил в нем светлый ум, знания и практическую хватку, он же помогал мне во всем, в чем только мог. Вот так медленно, но верно создавался крепкий фундамент нашей дружбы. О том, чем мне заниматься в будущем, продолжать ли учебу или вступить на стезю, к которой более всего лежала моя душа, я поговорил с его отцом, и Коллин сказал: «Во имя Господа идите тем путем, который вам, по всей видимости, предназначен, наверное, это лучше всего для вас!» Сердце мое тоже подсказывало поступить именно так, и поэтому я вдвойне обрадовался, что мнения наши совпали, и принял теперь уже окончательное решение.

VII

Между тем моя хозяйка сменила квартиру, и, расставшись с нею, я перебрался к одной ее знакомой, тоже вдове, фру Скрёдер, которая вместе со своей старухой матерью (шведкой по происхождению) проживала на Большой Королевской улице, где я снял маленькую, но гораздо больших размеров, чем прежнее, жилье, комнату с мебелью, обитой тканью в небесно-голубых тонах и со звездами. А на нынешней моей кровати в свое время спал знаменитый... когда во время пребывания в Копенгагене останавливался у моих новых хозяек. Обе они оказались замечательными, по каждому удобному и неудобному для меня поводу старались оказать мне услугу, докучали своим вниманием даже в мелочах и все время говорили, что им будет жаль со мной расстаться, почему я, собственно, и не отказывался от этого жилья, хотя чувствовал себя в нем так, словно находился под надзором.

В конце 1829 года я издал томик «Стихотворений», среди которых большинство было юмористических. За них я удостоился сугубо положительной рецензии Мольбека в «Литературном ежемесячнике», она вдвойне обрадовала и ободрила меня, поскольку в недавно вышедшей «Вавилонской башне», которой одарил нас профессор Хаух, автор обрушился с гневными нападками на жанр водевиля вообще и на Хей-

берга в частности, а меня смешал с грязью, намекнув, что я глуп и бесталанен, и назвал «Прогулку» домом для умалишенных, а меня выставил в образе Пьеро. Я возмутился и сразу же опубликовал в «Летучей почте» ответную реплику, последняя часть которой прекрасно характеризует мое тогдашнее душевное состояние:

Коли слаб я, ничтожен, рискую
В ночь забвенья уйти без следа,
Зачем на поганку такую
Ты столько потратил труда?
Вреда от поганки немного,
Ей жизни всего на два дня.
Но если в груди моей пламень от Бога,
Никто не затопчет меня!

Со старшим браниться негоже,
А я ведь еще молодой,
Но то, что от Бога, то все же
Не зальешь вавилонской водой.
Коль горит во мне пламень поэта,
Попробуй, еще его тронь!
А тронешь, гляди, получишь за это —
Подпечет тебе пятки огонь!

Хаух излил гнев на меня, полагая, что борется со мною, как с противником Эленшлегера. Что ж, я ответил и — успокоился. Случай свел нас впоследствии, и так как при встрече он был вежлив и дружелюбен, а его нападки на меня не возымели воздействия на общественное мнение, больше я зла на него не держу. Так всегда и бывает, время — лучший миротворец. Впрочем, тогда же я обрел еще одного антагониста, правда, выступавшего против меня только, так сказать, в семейном кругу, не выносившего сор из избы, в лице лиценци-

ата Халля, с которым я каждую пятницу встречался у Эрстедов. Как личность я был ему интересен, но его менторский тон и неверные, с моей точки зрения, взгляды зачастую вынуждали меня спорить с ним. Он тоже вступил на стезю сочинительства, написал два водевиля, которые быстро сошли со сцены, и теперь в основном выступал в роли рецензента. Мои водевили ему сильно не нравились, он считал, что заложенная в них ирония слишком жестока, и даже подозревал меня в сознательном насмехательстве над всем и вся, хотя на самом деле мои пародии доказывали обратное. И тем не менее в спорах с ним я словно бы приобретал бо́льшую самостоятельность в суждениях, ведь он все-таки открывал передо мной свое истинное лицо, хотя и разбирал каждую мою работу по косточкам и цеплялся к любой мелочи, чтобы высказать свою неприязнь ко мне. Да, он говорил мне все это в глаза, но сказанное нередко становилось доступным для слишком многих ушей.

В это же время я повстречался с человеком, знакомство с которым оказало определенное влияние на мое творчество. А познакомился я с фру Лэссё (дочерью Абрахамсена, написавшего шуточную песенку «Мой сын, коль хочешь ты пробиться в люди, то голову умей склонять»). Это была женщина с великой душой и чутким сердцем, кроме того, она знала толк в юморе и иронии. Ей и ее мужу пришлась по вкусу моя непосредственность, от которой я к тому времени все еще не избавился, и вскоре я стал у них частым гостем. Многие хвалили меня и восхищались моими способностями, в этом же доме, я заметил, меня еще и уважали за это, считая мой талант высоким даром, благодаря чему во мне всколыхнулись чувства, которым я, собственно, и обязан тем, что меня захватила стихия поэзии, это чувство присуще мне от рождения, и я берегу его как зеницу ока, ибо только оно дает мне возможность жить. Я проводил у них многие вечера и всякий раз ощущал себя ребенком, а вел я себя так естественно по-

тому, что мне не от чего было смущаться, ибо я знал, что они простят мне ошибки и нелепые в этой обстановке высказывания, порой слетавшие с моего языка, потому что они всегда отзывались обо мне по-доброму. В то время как все остальные пытались помочь мне адаптироваться к внешнему миру, [они] холили мою непосредственность.

Вот так прошла зима, я все в большей мере ощущал поддержку семьи Коллинов, Эдварду я уже полностью доверял и считал его другом, умным и разумным другом, хотя не мог быть полностью искренним с ним, то есть не мог сказать ему что-то, не подумав прежде, а стоит ли это делать, хотя никаких тайн, и уж тем более сердечных, у меня не было.

VIII

У меня вновь возник интерес к работе над романом, который я начал писать в школе в Слагельсе, я проработал ряд исторических источников в библиотеке, но чувствовал, что мне необходимо посетить те места, где разворачивается его действие. Поскольку я скопил в сберегательной кассе четыреста ригсдалеров, полученных за мои литературные труды, я решил весну и лето посвятить поездке на Ютландию и на Фюн. Старший Коллин одобрил мою идею и снабдил меня рекомендательными письмами к тамошним городским чиновникам, чтобы я мог рассчитывать на их помощь во время путешествия. Я находился в радостном предвкушении этой поездки, мне так хотелось увидеть ютландские вересковые пустоши и встретиться с так называемыми бродягами, жизнь которых впоследствии столь характерно описал в своих рассказах Стин Бликер. Я запланировал отъезд на конец апреля, и хотя у меня поднялась температура, я все же отважился отправиться в путь на пароходе «Дания», даже не подозревая, какая меня на этом пути ожидает жизненная катастрофа, которая, как ничто иное, коренным образом изменит мое внутреннее «Я», мои литературные взгляды и мироощущение вообще.

Когда мы поднялись на борт, стояла великолепная погода, и казалось, что нам предстоит всего лишь увлекательная мор-

ская прогулка до Хельсингёра, но вскоре поднялся ветер едва ли не штормовой силы, и судно почти что на двое суток застряло в проливе Каттегат, волны перехлестывали через борт, и я все время думал, что вот-вот настанет конец. Но все-таки мы добрались до Орхуса, где меня сразу же навестили Эльмквист и Гульдберг и где меня ожидали самый теплый прием и внимание, прежде всего со стороны друзей «Прогулки», из-за чего мне показалось, что книгу читают по всей стране. Но тут мне придется рассказать связанную с этим фактом характерную историю, хотя сделать это следовало бы раньше.

«Прогулка» появилась и на Фальстере, где на хуторе Рифсбьерг жил богатый крестьянин Расмус Хансен, один из «святых», который повредился в уме, пытаясь постичь смысл «откровений Иоанна Богослова». Он прочитал «Прогулку» и пришел к выводу, что человек, написавший их, мудрец, который может помочь ему разобраться во всем и прояснить темные места. В книжке я написал, что желающие получить разъяснения по тому или иному вопросу могут обращаться ко мне с восьми до девяти утра. И вот однажды утром в мою комнату в Копенгагене входит этот крестьянин, спрашивает, не я ли Андерсен, и, получив утвердительный ответ, достает из кармана книгу и просит сперва прояснить смысл заключительной главы, а потом спрашивает, как я мог сказать, что «Дьявол искусил меня, и я стал писать», если в другом месте я отрицаю его существование. Я сперва решил, что меня разыгрывает кто-то из моих знакомых, однако посетитель вел себя вполне серьезно, требовал объяснить ему всякие разные недоступные его пониманию вещи, но когда он в конце поинтересовался, не антихрист ли я, я пришел в ужас и только тут понял, что имею дело с сумасбродом и фантазером. Тем не менее было бы слишком рисковать жизнью, пусть даже и за «Прогулку», и потому я призвал хозяйку и служанку и с помощью этих вспомогательных сил попытался проводить его до двери, продолжая уверять, что я всего лишь издал книгу,

а написал ее совсем другой человек, а так как я знал, что этот человек в настоящий момент находится за городом, сообщил, что только статский советник Коллин способен дать все необходимые разъяснения. Крестьянин спросил, где тот проживает, и я назвал адрес. Коллина он не застал, и многие решили, что это розыгрыш, придуманный, чтобы подшутить надо мной. Но по прошествии трех недель с почтой и вправду пришло письмо с Фальстера, адресованное Коллину, где добрый человек Расмус Хансен сообщал, что безуспешно пытался разыскать в столице умного человека, которого можно было бы расспросить о «тысячелетнем царстве, явлении антихриста» и т.д., и т.п. Во время этого летнего путешествия по Ютландии я встретил многих, кому был знаком этот крестьянин, и, по словам Веделя Симонсена, он тоже получал от него подобные письма. И все они были написаны одним человеком, об этом говорили и стиль, и почерк.

Температура, поднявшаяся у меня перед самым отъездом, упала, но в борьбе с нею я был совсем обессилен, тем не менее желание увидеть вересковые пустоши и величавое Северное море подвигло меня продолжить путь. Эльмквист любезно предоставил в мое распоряжение свою коляску до Раннерса, и я отправился в путь, повсюду отмечая свойственные ютландцам гостеприимство и дружелюбие. Вместе с художником Рёрбю я проехал через пустоши до Виборга. Это была замечательная поездка, я бы сказал, выдержанная в духе романтизма. Вокруг простиралась черная, словно выжженная равнина с одиноко высившимися холмами, проросшими кустарником, на склонах которых, как правило, дети пасли несколько овец, совершенно нагая земля, в некоторых местах отсвечивающая красной коркой, а в других — представляющаяся подкрашенной индиго, так что на расстоянии кажется, что там растут фиалки. По дороге мы побывали в старом поместье, с зеленым садом, который показался мне оазисом в пустыне. Когда мы подъезжали к Виборгу, разразился ливень, и как раз в этот мо-

мент мы повстречали в ложбине семью бродяг; жена несла на спине грудного ребенка, другого же, постарше, вела за руку, а муж согнулся под тяжестью огромного мешка за плечами. Они поздоровались и сразу проследовали дальше, ведь им негде было укрываться от дождя. Когда мой кучер объяснил мне, кто они такие, я почувствовал себя на верху блаженства — ну как же, ведь это самый романтичный народ у нас в Дании, цыгане, у них свой язык, свои обычаи, они ведут кочевую жизнь, а невест и женихов выбирают только среди своих, и браки заключают без участия церкви.

Вместе с амтманом я посетил Асмильский монастырь, побывал также в старинном поместье Халь, расположенном [в] по-настоящему романтической местности на берегу озера, вокруг которого высятся одиночные черные, поросшие вереском холмы да изредка попадаются чахоточные дубовые рощицы, где деревья, кажется, тянутся вниз, к покрытой белесоватым мхом земле, а дальше... а дальше болота, над которыми, словно дымка над вересковой пустошью, клубятся сиреневые туманы.

Все так, но чувствовал я себя прескверно, да и погода не баловала, пасмурная и холодная. Мне советовали отказаться от поездки к Северному морю, к тому же я чувствовал себя все хуже и хуже, и я отказался от путешествия, о котором так мечтал, и довольствовался описаниями тех мест теми, кому там посчастливилось побывать, хотя решение об этом я принимал с болью в сердце. Впрочем, я так живо представлял эти картины в своем воображении, что многие стихотворения в «Фантазиях и набросках» именно им обязаны своим существованием.

Итак, я не увидел Северного моря, зато посмотрел парад войск в Орхусе, где в последний раз встретился со стариком епископом Блоком, с которым познакомился в Виборге. Он был невероятно рассеян, и на прощание я получил от него письмо, в котором он величал меня «Вашим Величеством». Впрочем, эта описка простительна, ведь все его мысли были заняты предстоящим визитом короля, которому он должен

был выразить свое почтение. Я провел еще несколько дней в Скандерборге и ежедневно совершал прогулки по озеру, тому самому, на котором Кристиан IV начал обучаться морскому делу. Потом я через Вайле перебрался в Кольдинг и довольно внимательно ознакомился с теми местами, в которых, по моему замыслу, должно было разворачиваться действие романа. Я ознакомился также с местными народными сказаниями и почерпнул в них много оригинального и интересного.

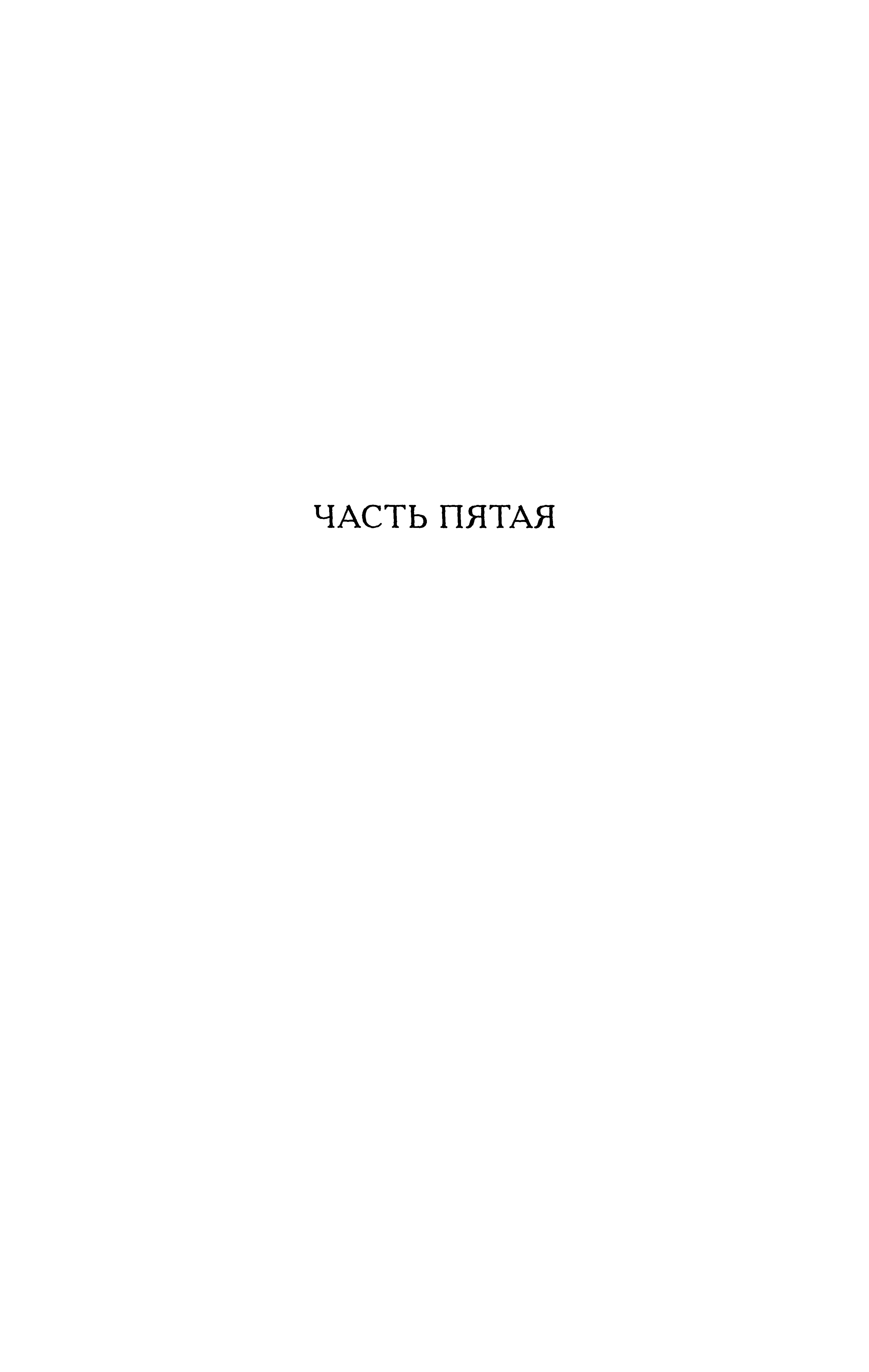
Тем временем наступило лето, вот и я воспрянул духом, и здоровье мое поправилось. Вдова Иверсена, которая, как и вся ее семья, очень любила меня, прислала мне приглашение провести лето у нее, в красивой усадьбе Тольдерлунд, и я поспешил откликнуться на ее приглашение, которое привлекало меня еще и потому, что усадьба находилась неподалеку от Нэсбюховедбакке, где стояла крепость, в которой развивались некоторые события с участием главного героя романа. Выходило, что я мог ходить туда каждый день и сочинять свою историю. Ну, конечно, в этой усадьбе неподалеку от Оденсе, с садом на берегу судоходного канала, в кругу юных веселых девушек, чем же еще мне было заниматься, как не сочинительством! А еще при мне оставались юношеский задор, удовлетворение достигнутым и в отсутствие каких-либо забот, какое замечательное время провел я там в течение нескольких недель! Все местные помещики присылали мне приглашения погостить у них несколько дней, вот и летал я, что твой мотылек с еще не обожженными крылышками, с места на место вокруг светоча радости.

Но тут возникла необходимость побывать во всех фюнских городах, ибо я задумал включить в роман эпизоды, связанные с графской распрей. Я разослал уведомления об этом во все города, кроме одного, поскольку не знал, к кому мне следует там обратиться, зато мне был известен один студент, проживавший в этом городе, который вместе со мной сдавал экзамены на аттестат зрелости. [Я] изредка навещал его и вообще

хорошо к нему относился, как к добропорядочному человеку. Прослышав, что я уезжаю, он устроил мне визит к своему отцу, одному из самых богатых горожан. Незадолго до отъезда туда я слышал от одной ютландской дамы, побывавшей в этом городе, весьма хвалебные отзывы о тамошних жителях — и что же?! — я вместе с юными барышнями, бывавшими у Инверсенов, высмеял их, даже эпиграмму сочинил в адрес этого ни в чем не повинного городка, который я собирался просто мельком обозреть, не вдаваясь в подробности уклада тамошней жизни. Да я просто предположить не мог, какую значительную роль сыграет этот город во всей моей жизни. Отъезд мой тоже вышел из разряда занимательных. Почтовый экипаж, с которым я собирался ехать, не прибыл, можно было, разумеется, нанять извозчика, и я готов был заплатить довольно большую сумму, но тут выяснилось, что ни один извозчик не осмеливается выезжать из города до почтового экипажа, а застать его можно было только за городом. Это было весьма неприятное известие, однако делать тоже было нечего, ведь вещи я уже упаковал, вот и пришлось мне отправиться в путь пешком. Я прошел почти целую милю и уселся на краю придорожной канавы в ожидании экипажа. Дилижанс прибыл-таки, но уже заполненный до отказа. Спереди были пристроены сиденья, на которых расположились кучер и некая дама с тремя детьми, а позади — еще две дамы и господин! «А мое-то где место?» — вопросил я, и мне указали на место наверху всей пирамиды, куда я едва взобрался и вынужден был все время держаться за веревки, связывавшие всю эту конструкцию. Но ветер гнал пыль, и я решился все-таки открыть зонт, который держал свободной рукой. Вид у меня был, разумеется, тот еще! Но тут дама с детьми, которая, по моему разумению, расположилась куда как роскошно, вежливо попросила меня взять к себе одного из детей, которого она мне и передала, не дожидаясь ответа. Не мог же я допустить, чтобы несчастное дитя сверзилось под колеса, вот

и пришлось мне, сложив зонтик, выступать в роли няньки, сидя на вершине движущейся пирамиды. Целых восемь дней провел я в Свендборге и его красивых окрестностях, побывал и в Тосинге, где в начальнике телеграфной станции узнал своего первого школьного учителя.

Нет, пора закончить рассказ о моем путешествии, потому что мы приближаемся к самому важному его пункту — маленькому провинциальному городишку, к которому я заранее относился с большой иронией и где должен был встретиться с моим знакомым студентом. Почтовый служащий, которого я попросил рассказать о семье, куда собирался с визитом, поведал мне о том, что ее глава владеет морскими судами, в семье замечательные дети, а дом у них полная чаша. Я остановился на постоялом дворе и в тот же вечер отослал студенту свою визитную карточку — слишком уж устал, чтобы самому идти к ним. Он тут же явился с приглашением от родителей провести у них следующий день — а дольше я, собственно, и не собирался здесь оставаться. Мы быстро расстались, ибо я устал и сразу лег спать, чтобы проснуться накануне наступления нового и очень значимого для меня периода моей жизни.

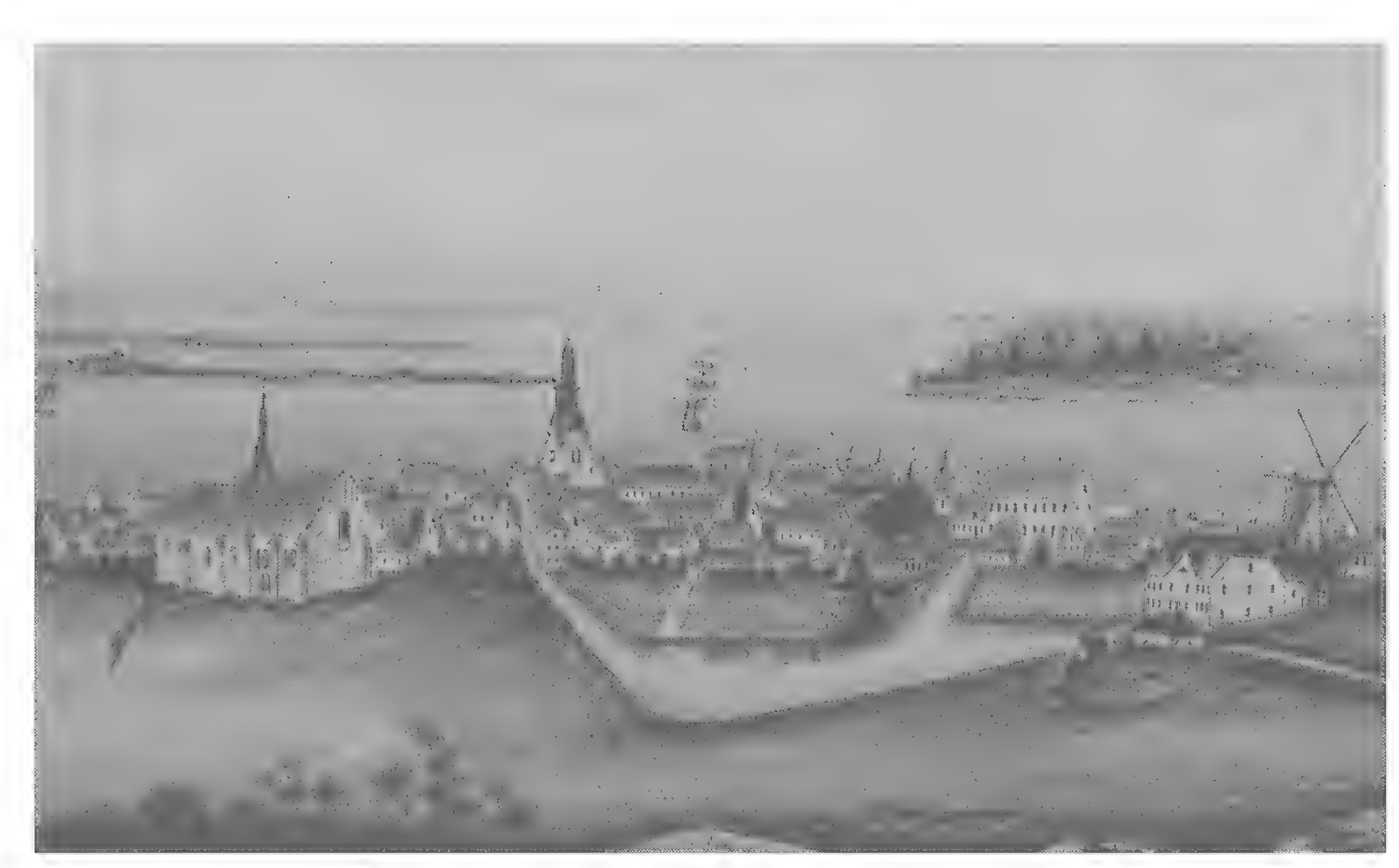
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Утром, готовясь к визиту, я надел выходной костюм и вышел довольно рано. Я знал, что в том роскошном доме, куда я направлялся, меня ждут с нетерпением, в особенности это касалось старшей дочери, девушки лет двадцати, которой очень нравились мои стихи и «Прогулка». Мой молодой друг еще спал, и меня провели в гостиную, где было очень уютно — красивые медные гравюры, фортепьяно, ноты и книги. В гостиной находилась одна только старшая дочь, она предложила мне чаю и вообще приняла меня очень тепло, при этом в разговоре со мной постоянно краснела, хотя в целом производила впечатление живого и веселого человека. У нее было изумительно красивое кроткое лицо с несколько детским выражением, но умными, вдумчивыми, живыми карими глазами. На ней было простенькое утреннее платье серого цвета, которое очень ей шло. Да и вообще этот простой стиль очень гармонировал с выражением ее лица, и, наверное, именно поэтому она сразу же очаровала меня. Ну а то что, судя по всему, она испытывала ко мне уважение, любила мои стихи, льстило моему самолюбию и вызывало интерес к ней. Она шутила по адресу своего заспавшегося брата и вела беседу столь живо и непринужденно, что и мне захотелось вызвать у нее интерес к моей персоне. Не знаю даже почему, но у меня с самого начала создалось впечатление, будто мы очень долго знакомы, и мне весь день доставляло удо-

вольствие развлекать эту молодую девушку. Пришли еще какие-то барышни, которых я видел впервые, они были очень любезны, красивы, говорили мне комплименты, но не трогали моего сердца так, как она. Оно и понятно, ведь она была самая красивая, самая умная и с таким по-детски кротким выражением лица. Как раз в это утро в город вернулось небольшое судно из принадлежавших отцу семейства, и он разрешил нам во второй половине дня совершить прогулку. Мы высадились на берег возле небольшой рощицы, молодые дамы задарили меня букетами цветов, а *она* сплела венок из дубовых листьев и попросила брата передать его мне. Вечером я находился в необыкновенно приподнятом настроении, на меня снизошло вдохновение, и молодежь, и старики внимали мне с интересом и удовольствием. Никогда больше я не был столь одухотворен, как в тот вечер, так раскован. В течение всего вечера *она* отвечала мне радостной и, если можно так выразиться, сестринской улыбкой.

Я вернулся в гостиницу поздним вечером в совершенно возбужденном состоянии. Горничная спросила меня, как мне понравился город и не был ли я в гостях у... Я воспользовался случаем и, в свою очередь, попросил ее рассказать мне о дочерях и, сам не знаю, как это у меня вырвалось, спросил, с кем они помолвлены. Ибо я был уверен, что все они невесты. Однако она сказала, что жених есть только у *старшей* дочери, но о помолвке и речи не идет. «Такие девушки редко встречаются, — продолжила она, — но она влюблена в сына аптекаря, он лесовод, а сады их родителей граничат друг с другом, так что они с детских лет знакомы. Он же знает, что она девушка из богатой семьи, вот и добивается своего, а ее родители против, отец считает, что он никчемный человек, и вообще запретил ей с ним встречаться, но, может, как раз поэтому она еще сильней его любит. Бог его знает, чем все это закончится. Но я бы желала ей другого, хорошего мужа!» — «Бедняжка», — подумал я. Выходит, у нее на сердце печаль. Весь вечер я думал только о ней и об этом выдавшемся таким счастливым для меня дне, который уже пролетел... да, пролетел.

Город Фоборг

Риборг Войт, первая любовь писателя

II

Хозяева просили меня погостить у них хотя бы немного, и я решил поэтому остаться здесь еще на несколько дней. Разумеется, следующим утром я первым делом отправился к ним. Мы выехали на прогулку, всего набралось, по-моему, девять экипажей, в которых нас сопровождали наиболее уважаемые в городе семейства. Во второй половине дня мы остановились в старом поместье, которое теперь арендовало одно из этих семейств. Мы пели и веселились, я был необычайно возбужден, а дамы хвалили мои стихи, но более других интересовала меня *она*, ей я и уделил больше всего внимания. Одно из бывших вместе с нами семейств пригласило меня вместе с нею и ее отцом на вечеринку, которая закончилась грандиозным балом. Она, как говорили, танцевала превосходно, и меня огорчило, что того же нельзя сказать и обо мне. Она спросила, почему я не танцую, и мне пришлось ответить, что я скорее актер, нежели танцор. Тогда она присела рядом со мной, мы разговорились, и поскольку она подряд отказывала всем, приглашавшим ее на танец, я почувствовал себя польщенным и постарался сделать все, [что] в моих силах, чтобы понравиться ей. Она была очень начитанна, умна, обладала необыкновенным умением поддержать разговор, но при этом держалась очень скромно. Она попросила меня при прощании записать ей

в альбом одно из моих стихотворений. Время пролетело незаметно, но зато я почувствовал, что изменился, изменился всем своим существом. Правда, когда я вечером в гостиничном номере стал размышлять об этом, то ни к какому выводу не пришел, более того, странное чувство страха пронизало меня. Я чувствовал себя здесь замечательно, и все же меня охватило желание уехать отсюда. Я должен был — или хотел — уехать и решил назначить отъезд на полдень следующего дня. Когда же я утром сообщил о своем решении, меня принялись уговаривать отложить отъезд, но я стоял на своем, потому что ощущал душевное беспокойство, причину которого понять не мог. Я *желал* уехать, и они не смогли меня уговорить остаться, тогда хозяин дома предложил подвезти меня до следующей станции, поскольку собирался вместе с сыновьями посетить одну из своих усадеб, располагавшуюся примерно на половине моего пути. После завтрака мы пили кофе в саду. За два с половиной дня я стал считаться своим в этой семье, мы прогуливались по саду с нею и ее сестрой, и я сказал в шутку, что назову одну из героинь моего романа — любовницу короля *ее* именем, потому что оно такое красивое и очень подходит образу персонажа. Она зарделась и сделала вид, что это всего лишь шутка. Когда же настало время записать ей в альбом стихотворение, я ничего подходящего не вспомнил, а сымпровизировать несколько строк не получилось. Тогда я решил записать «К читательницам», а также «Ненастную погоду» и предложил ей выбрать одно из них, ибо второе предназначалось ее сестре. Ее выбор пал на первое. На прощание она снова подарила мне букет, в который сестра вставила один цветок от себя. В момент отъезда я пребывал в чрезвычайно унылом настроении, а она нигде не показывалась. И только, когда я уже сидел в экипаже, [и] он тронулся, я увидел ее милое лицо в окне, к которому она подошла, чтобы кивнуть мне на прощание!

III

Я вернулся в Оденсе, а потом к Иверсенам в Тольдерлунд, впечатления от поездки не отпускали меня первые несколько дней. Я бродил, погруженный в свои грезы, и написал за это время множество стихов, а среди прочих «Похитителя сердец» и «Газетенку». Мои воспоминания о семье... и о *ней* заинтересовали юных девушек, и они стали подтрунивать надо мной, утверждая, что я влюбился. Когда я услышал это в первый раз, меня словно огнем обожгло, я перевел все в шутку, но не переставал думать обо всем происшедшем. Меня и самого удивляло, какие чувства я испытывал и как вел себя в те дни, ведь прежде я был совсем другим. Я затосковал, надо мной стали подшучивать, что меня огорчало, и я решил выбросить из головы эти глупые мысли. Да мне и самому представлялось забавным, что я, я, который насмехался над любовью и страстью, поддался ей. И все больше и больше ощущал, что оказался в дурацком положении, выход из которого могу найти только я сам. Чем же все это закончится?! Наконец я в большей или меньшей степени вновь обрел душевное равновесие, чему способствовало хорошее настроение, и у меня остались воспоминания лишь о приятных днях, проведенных в кругу дружески расположенных ко мне людей, среди которых я считал *ее* самой красивой. Мне шел тогда двадцать пятый год, до этого я никогда не

влюблялся, занимался только своей собственной судьбой и вовсе не думал о других, тех, кто меня окружал. Да и сейчас речь шла не о страсти. Просто мне было приятно вызывать в памяти наши немногие встречи с нею и наши беседы.

К началу августа я возвратился в Копенгаген. Перед отъездом я написал оперное либретто по мотивам «Во́рона» Гоцци и, будучи наслышан у Вульфов о том, что Хартманн — многообещающий молодой талант, предложил ему этот сюжет, который, по-моему, весьма годился для сцены, причем в постановке Бредаля, но тот не набрался мужества взяться за эту работу ввиду ее огромного объема. По моему возвращению выяснилось, что Хартманн уже сочинил значительную часть музыки, актеры начали репетиции, и я тоже подключился к работе. Кроме того, я собирался издать новый сборник стихов, так что мне было чем заняться.

Ее брата я теперь навещал гораздо чаще, нежели ранее, и он всякий раз передавал мне приветы от своих домашних и прежде всего от *нее*. И вот однажды я услышал от него, что некая юная барышня из ближайших знакомых собирается приехать в Копенгаген, где ей предстоит операция на глазах, а с нею приедут ее сестра и *она*. *Она* так соскучилась по Копенгагену и так радуется возможности встретиться и побеседовать со мной! В общем, мне было сделано предложение почаще навещать его. Наконец больная приехала вместе со своей старшей сестрой — и *Риборг* вместе с ними! Я помчался к ним, позвонил, и — *она* открыла мне дверь. Я растерялся, стоял как дурак и начал что-то мямлить, спрашивать, не живет ли, дескать, здесь фрёкен (я назвал имя больной). Она покраснела (наверное, от стыда за меня), попросила меня пройти в гостиную, где я только и пришел в себя, да и то по прошествии некоторого времени. Визиты мои на этом не закончились, и я всякий раз начинал ожидать следующего в тот момент, когда заканчивался предыдущий. Встречался я с нею несколько раз и у ее брата, который сообщил мне, что она просит меня приходить к нему,

когда сама у него бывает. Как-то раз она обратилась ко мне с просьбой: прочитать ей и больной барышне «Ворона». Я прочитал и, к моему удивлению, на этот раз обнаружил, как много в сюжете совпадений с нашей историей, мне даже показалось, что чуть ли не каждая реплика обращена к ней. Я не мог оторвать от нее взгляда! И тут наши глаза встретились — и лицо ее залилось краской, но потом она вновь углубилась в свое шитье. Когда я уходил, она протянула мне руку в знак благодарности за чтение, и я прижал ее к своим губам, чувствуя, что грудь моя готова разорваться. И я осознал, что люблю ее — люблю всем сердцем и душою! Все отношения, обстоятельства, препятствия и Бог его знает, как еще называется то, что связывает нас, людей, здесь, на земле, для меня больше не существовали. Все свои ощущения я высказал в молитве Господу и почувствовал, что во мне достаточно сил и мужества, чтобы преодолеть любые преграды, но только завоевать ее. Я не сомневался в ее любви ко мне, об этом говори[ло] все ее поведение, но как мне узнать это от нее самой? Воодушевленный любовью, я сочинил несколько небольших стихотворений, среди прочих и «Сына пустыни», переписал их и подарил ей эти свои новейшие произведения, а двум другим дамам преподнес старые стихи, которые не были опубликованы. Как-то раз я осмелился подарить ей небольшое стихотворение «Фюн», включенное в «Фантазии и наброски», а еще приписал следующие четыре строчки, которые затем вложил в уста Эдгара в «Ламмермурской невесте».

Одна лишь мысль всегда владеет мной,
Где, где ты, первая моя любовь!
Люблю тебя, и нет любви иной,
Люблю сейчас и вечно, вновь и вновь.

Я написал его на отдельном листе и снабдил заголовком — «К *ней*», а на другом передал ей еще несколько стихов. На следующий день я узнал, что ее приятельницы не видели стиха на

первом листе, она показала им лишь те, что были на втором. Когда мы встретились в следующий раз, она была так мила, но в то же время выглядела несколько смущенной. Все говорило о том, что она ничуть не обижена на меня за эти маленькие стихи и понимает, почему я их ей преподнес. В случайном разговоре с несколькими молодыми студентами из ее родного города я, будто невзначай, поинтересовался, что это за человек, с которым она помолвлена. «О, — был ответ, — ничего особенного он из себя не представляет. Жаль, что такая девушка идет замуж за него, ведь она во всех отношениях его превосходит, но он настаивает на женитьбе, потому что она богата, и я почти уверен, она не отказывается от него только потому, что родители чинят препятствия их браку». И брат, и родители, и друзья, все настроены на то, чтобы прекратить эти отношения, и я полагал, будто она тоже склоняется к такому решению. Но как мне в этом удостовериться? Я должен был с кем-то посоветоваться, ибо мой разум вообще не подавал признаков жизни. Ну, а к кому же мне обратиться, как не к ее брату, с которым, ко всему прочему, я был на дружеской ноге?!

IV

Однажды вечером я застал его дома в одиночестве! Он был доброжелателен, искренне ко мне привязан и даже, можно сказать, восхищался мною как поэтом. У меня с собой были «Стихотворения Уланда», и мы решили вместе почитать что-нибудь из них. Я прочитал «Проклятие певца», а после этого мы заговорили о том, как любовь влияет на поэта. По ходу беседы, поскольку касалась она близкой темы, я открыл ему тайну своего сердца. Возникла долгая, тягучая пауза, после чего он пожал мне руку и сказал, что догадывался об этом. Что же касается сестры, он знал только, что она относится ко мне с симпатией и благосклонностью. Но я хотел знать больше и просил его устроить мне встречу с нею, чтобы убедиться, действительно ли она влюблена в другого, ибо в противном случае я смету любое препятствие, мешающее нам быть вместе. Я сдам государственный экзамен и стану чиновником, я сделаю все, что она и ее родители потребуют от меня, я буду счастлив, если у меня останется хотя бы далекая надежда. Я так разволновался, что дрожал всем телом. Но тут, в разгар нашей беседы, домой пришел младший брат, да еще не один, а с компанией развеселых друзей, и мне пришлось перейти на шутливый тон, свойственный мне в не столь уж давние времена, ибо я испугался, что они что-нибудь заподозрят. О, какая это была мука! Я просидел у них еще несколько часов, а потом отправился домой, но когда вышел на улицу, на холодный воздух, меня

жутко затрясло, слезы полились из глаз, и чтобы не упасть, мне пришлось опереться о стену дома. Мне показалось, что сейчас я упаду в обморок, и эта мысль вселила в меня такой ужас и так возбудила мое воображение, что я до сих пор боюсь пускаться в дальнюю дорогу по вечерам, ибо всегда при воспоминании о случившемся со мной тогда, перед глазами встает картина, как я, весь дрожа, стою, прислонившись к стене, и мне становится плохо и всего меня снова охватывает дрожь. (Вот причина, по которой я всегда старался не выходить из Нюгора, когда на улице темно и холодно.) Все дело в слабости нервной системы и силе самовнушения, которая, правда, убывает с годами. Вернувшись домой, я лишился чувств, уже лежа в постели, в которую забрался сразу по возвращении. Сколько продолжался обморок, мне неведомо, но помню, что, очнувшись, я зажег свечу и тут же, ощущая громадную усталость, заснул и проспал едва ли не до полудня. Да, моя попытка встретиться с нею, встретиться наедине, потерпела провал, да и время летело, срок ее пребывания в столице истек, и вскоре за нею должны были приехать отец и сестра. Я впал в отчаяние и, не находя другого средства, решил написать письмо. Брат обещал передать его ей, а потом вернуть его мне. Я сохранил это письмо, тон которого не представляется мне убедительным, но тогда оно, точно пламя из печки, вырвалось у меня из груди.

«Копенгаген, 30 октября 1830 г.

У меня нет возможности встретиться с Вами и устно передать то, что необходимо сказать Вам, а Вам, полагаю, необходимо узнать еще до Вашего отъезда. Менее всего мне бы хотелось поверить эти слова бумаге, но для меня это единственное, последнее средство, и я всей душой уверен, что Вы, как чистая сердцем женщина, не подвергнете насмешке мои искренние чувства преданности Вам и сделаете все, чтобы чужой глаз не увидел этих строк. Прошу Вас не откладывать это письмо в сторону, пока не прочтете его до конца, и по крайней мере отнеститесь к нему, как к письму брата, ибо Вы первый человек в моей жизни, кому я открываю свое сердце.

Вы стали близки мне с первой нашей встречи, и мне представляется, хотя, возможно, я и ошибаюсь, что и Вы испытывали ко мне некоторую симпатию и выказывали мне нечто большее, нежели то, что в мире называется светской вежливостью. *Тогда* я не знал, что Вы *помолвлены*, в противном случае я сразу же попытался бы погасить в себе это чувство, которое со временем только росло и росло. *Теперь*, когда Ваш брат рассказал мне о Вашей помолвке, мне следовало бы, покорившись судьбе, отойти в сторону, но... Вы имели возможность понять мои чувства к Вам — я не бог весть как умудрен опытом скрывать то, что лежит у меня на сердце, и я все еще лелею надежду, без которой моя жизнь кончена. *Действительно ли Вы любите другого?* Я совсем не знаю его, ничего против него сказать не могу, возможно, у него есть какие-то преимущества передо мной, раз Вы предпочитаете его, но... любите ли вы и вправду друг друга? Может быть, просто годы общения в детстве повлияли и Вы приняли привязанность за любовь? Ведь если на пути к цели возникает препятствие, цель становится еще желаннее. Любите ли Вы его больше всех на свете? Тогда помоги вам Господь обоим! Тогда мне хотелось бы, чтобы вы были счастливы, я пожелал бы вам этого от самого чистого сердца. Не думайте в таком случае о том, что написано в этих строках, считайте просто, что я из братских чувств прислал Вам лирическое стихотворение. Но любите ли Вы его такой высокой любовью, как Господа и вечное блаженство? Вы уверены в этом? Дайте же мне надежду, не пугайте меня! Я все для Вас сделаю, стану работать, сделаю все, чего потребуете от меня Вы и Ваши родители. Я думаю только об этом, эта мысль занимает все мое существо, и помните, что сердце поэта бьется сильнее! Это первое и единственное, что я хотел Вам сказать, в Ваших руках выставить меня на посмешище перед всем миром, но я знаю, что Вы этого не сделаете! Мне представляется, я умею читать в Вашем сердце, и это придает мне такую храбрость, какой я никогда за собою не знал. Если Вы действительно любите другого, то простите меня! Простите за то, что я осмелился послать Вам это письмо, что в та-

Х.К.Андерсен.
Портрет работы Адама Мюллера. 1833

ком случае было бы с моей стороны наглостью. Будьте же оба счастливы! И забудьте существо, которое никогда — никогда не забудет Вас. Если мое письмо не оскорбило Вас, прошу дать мне возможность увидеть Вас еще один, один-единственный раз, тогда я сумею прочесть свою судьбу на Вашем лице, даже если Вы не произнесете ни слова. Само же письмо я оставляю на суд Вашего женского сердца — сожгите его либо верните автору. Теперь Вам известно все! Прощайте! И может быть, навсегда!»

Приписка:

«Ради всего святого, не подумайте, что все это лишь моя поэтическая греза. Целых три месяца мое сердце и ум в смятении, но больше я не могу жить в состоянии неопределенности, мне надо знать свою судьбу. Но... простите меня! Простите! Я не мог поступить по-иному! Прощайте!»

Прочитав мое письмо, она, я знаю, расплакалась, почувствовала себя несчастной. Она ведь сама несколько лет плакала и горевала из-за того, что родители были против ее любви, а... нет, у меня нет слов. Она сказала: «Но что же А. подумает обо мне, если я, даже ради него, нарушу данное мною обещание? Не решит ли он, что и его, может, ожидает такая участь?» Она сказала, что это ее долг — быть верной другому, что она не может сделать его несчастным и что он любит ее всею душою и всем сердцем!

Тем же вечером, когда я об этом узнал, в Копенгаген прибыли ее отец и сестра, я видел их в театре, ее взгляд искал меня, она была смертельно бледна и в то же время так красива, неописуемо красива! Играли «Кристен и Кристине», и мне почудилось, что на сцене разыгрывали историю нашей любви, я, разумеется, представил себя в роли благородного Станислава — от горя, что ли, проснулось во мне тщеславие?! Я хотел переговорить с нею перед расставанием, она тоже, по словам брата, желала этого — чтобы попрощаться. Мы пытались договориться, но все никак не складывалось... мы встретились в отеле «Роял», где остановились ее отец и сестра. Она на меня даже не взглянула, родственники обмолвились, что она нехорошо себя чувствует. Уходя, я за-

метил слезы у нее на глазах. Господи, как я страдал, в каком находился отчаянии, а ведь мне еще приходилось скрывать свои чувства от знакомых. И только фру Лэссё смогла тогда все прочитать в моем сердце — от нее ничего не укроешь. А остальные ничего и не подозревали.

И вот настал последний день, день нашего последнего свидания, но и тут нам помешали непредвиденные обстоятельства. Вечером накануне отъезда ей пришлось пойти с отцом и другими родственниками в театр. Давали оперу «Два дня». По окончании спектакля я расположился у выхода — чтобы пожелать им счастливого пути. Отец пригласил меня погостить у них следующим летом, сестра тепло и сердечно попрощалась со мной за руку, которую ей я протянул в последнюю очередь. Я сжал ее руку в своей, ощутил ответное рукопожатие и увидел, что глаза ее, смотревшие мне в лицо, полны слез. Она прошептала мне слова прощания — и я бросился прочь. Больше мы никогда не встречались. Они уехали ранним утром, брат передал мне сердечный привет от нее и вот эту записку:

«Прощайте, прощайте! Хотелось бы как можно скорее услышать от Кристиана, что Вы спокойны и веселы, как раньше.

Ваш искренний друг

Риборг».

По словам брата, она просила у меня прощения и передавала слова утешения и чуть ли не велела любить меня, потому что я этого заслуживаю. Да-да, я так и чувствовал — в этом доказательство, что она любила меня. В первом же после возвращения домой письме к брату она рассказывала, что по дороге ей пришлось притвориться спящей, чтобы попутчики не увидели ее слез. Дома родители доставили ей нежданную радость: уступив ее мольбам, они разрешили ей выйти замуж за своего избранника. *Он* был так счастлив, так мил, и, наверное, именно из-за этого она отчаялась, считая себя не достойной ни его, ни меня. Вся эта история так сильно подействовала на нее, что она жутко заболела глазами — так мне рассказывали, а я все еще мечтал и лелеял робкую надежду.

V

Тем временем вышел мой сборник стихов «Фантазии и наброски», они в точности отражают мое тогдашнее душевное состояние, даже непосвященные могли догадаться об этом. Да, я действительно согрешил против *нее*, слишком уж ясно указав на источник моего вдохновения. Но вот в чем дело, моя поэтическая манера кардинально изменилась, как изменился и я сам. Поэт и писатель Ингеманн, регулярно радовавший меня своими посланиями, по прочтении этих стихотворений написал мне письмо, в котором, по-моему, лучше любого критика описал тогдашнее мое душевное состояние. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о том, как болезненно я пережил крах моей первой любви, я хочу процитировать это письмо:

«Сорё, 9 янв. 1831 г.

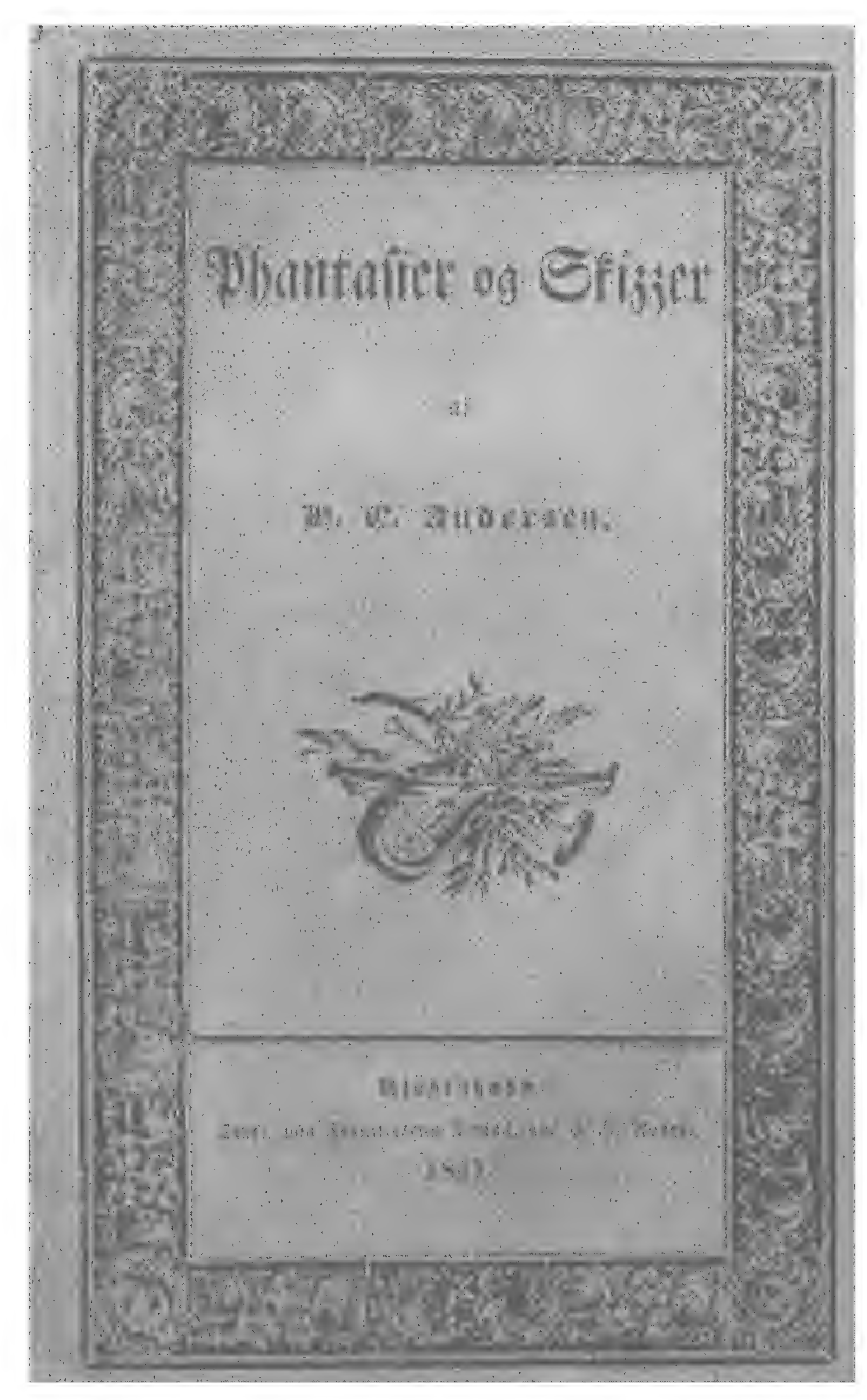
Дорогой А...!

Моя благодарность за присланный мне новый сборник стихотворений, а также за проявляемые Вами ко мне преданность и доверие выражена — как Вы, по моему суждению, и сами желаете — в самом откровенном и непредвзятом послании, текст коего продиктован неизменным участием в Вашей судьбе. Как из книги, так и из Вашего письма видно, что Вы пребываете в болезненном состоянии души, и это меня на-

сторaживает, поскольку, боюсь, это может привести к потере Вами точки опоры как в жизни, так и в творчестве. Чувство, которое Вы столь легкомысленно высмеивали, судя по всему, отомстило Вам, лишив Вас душевной раскованности и рассудительности, каковые требуются в любой творческой деятельности, тем паче когда речь идет о том, чтобы облечь личное глубокое переживание в художественную форму и ясно выразить его. Если стихотворение «Жизнь есть сон» — как представляется — является точной копией пережитого лично Вами, то могу предположить, что жизнь подвергла Вас суровому испытанию. Быть может, к этому примешивается и разочарование в самом себе. Но как бы то ни было, не надо полагать жизнь сном, а тем более нерадостным сном, и пусть Ваше восставшее ото сна сердце подскажет Вам, что даже в самой глубокой печали, таится зародыш высокого счастья и что истинная жизнь духа — Царство Божие, которого все *мы* взыскуем, действительно существует и может открыться *нам здесь*. Тем не менее те перемены, которые, как Вы сами чувствуете, произошли с Вами и о которых в некоторой степени свидетельствуют Ваши стихи, приблизят Вас к пониманию истины и красоты и в жизни, и в искусстве, если только Вы научитесь сохранять равновесие духа как при взлете на вершину, так и при падении в пропасть, ведь именно то, отчего у Вас сейчас кружится голова и что прежде принимали за фантом, и создает в своей истинности и величии прекраснейшие и самобытнейшие картины жизни. Одно сомнение, впрочем, закрадывается мне в душу, и я прошу Вас подумать, обоснованно ли оно: мне представляется, будто Вы торопитесь излить в поэтической форме любое чувство, не дожидаясь, пока оно станет ясным и понятным Вам самому, ведь порой Вы словно бы согреваете своим дыханием цветочный бутон Вашей души, чтобы он раскрылся раньше времени. Не поэтизируйте несчастья, помните, что они, прежде чем вы осознаете это, могут постигнуть Вас в реальной жизни. В Вашем желании подражать байроновской

поэзии отчаяния мне видится стремление омрачить и отяготить душу, и в отдельных Ваших небольших поэтических зарисовках чувствуется порыв показать мрачные стороны бытия, что чужды человеческой природе, я имею в виду прежде всего «Пейзаж западного побережья Ютландии». Из трех стихотворений, которые Вы считаете лучшими, мне тоже [о]чень нравятся «Сын пустыни» и «Жизнь есть сон». Первое подобно прекрасному поэтическому вздоху, а в последнем так много жизненной правды и сердечности, что я, как уже упоминал, начал беспокоиться о душевном покое автора. «Дух воздуха» представляется мне реминисценцией, и я не понимаю, как вы могли обнаружить гармоничную музыку высших сфер в жалобах изгнанного духа на бесконечную дисгармонию и мнимую бессердечность мира. Пассаж с латинской грамматикой, мне кажется, не удался. Несколько эротических стихов, как и другие небольшие фрагменты, которые представляются вырванными из контекста, не объединенными общим замыслом, я бы предпочел не включать в сборник. Бóльшая строгость формы и бóльшая же точность в выражении мыслей тоже были бы желательны. Впрочем, я в отличие от нового призрака далек от того, чтобы ставить форму выше содержания. Больше всего из Ваших стихотворений, несмотря на то что начало напоминает «Альфов» Тика, нравится мне «Чужая птица», в котором я чувствую полет детской фантазии и в котором так красиво описаны жизнь и смерть человеческая. В «Корабле поэта» я также нахожу немало прекрасного, хотя его элегический конец удручает, поскольку в нем говорится о неудовлетворенности жизнью, тогда как задача корабля поэта именно в том и состоит, чтобы спасти нас от гибели в пучине. В «Музыканте» Вы представили весьма поэтическую и трагическую ситуацию, однако пожелал бы Вам бóльшей определенности и ясности в изложении.

Как видите, я далек от того, чтобы отрицать наличие у Вас поэтической жилки, которая бьется живо и горячо, и, я наде-

Phantasier og Skizzer

af

H. C. Andersen.

«Фантазии и наброски», 1831

юсь, Вы в еще большей степени разовьете Ваши способности, если только Вам удастся поддерживать равновесие духа как в реальной жизни, так и в искусстве, стремиться достичь идеала прекрасного и высокого и не...

Приводим окончание письма Ингеманна*

[не] сворачивать со своего пути, будь то осыпают Вас похвалами или незаслуженными ругательствами или сбивают с толку тысячи демонов нашего беспокойного времени. Да благословит Вас Господь! Желаю Вам всего наилучшего! Удачи Вашим новым трудам! Мне было бы приятно услышать, что Вы снова обрели мир и покой в душе — в бурном море звезды не отражаются, — впрочем, *post nubile Phoebus***.

Дружески Вам преданный
Ингеманн».

---

* Примечание датского издателя.
** После дождя будет солнце (*латинская поговорка*).

ПРИМЕЧАНИЯ
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
ХАНСА КРИСТИАНА
АНДЕРСЕНА

ПОДГОТОВЛЕНЫ

А.СЕРГЕЕВЫМ

В настоящем издании публикуются сказки и истории, а также автобиографические сочинения Х.К.Андерсена. В творческом наследии писателя они дополняют друг друга. «Жизнь моя — это настоящая сказка, богатая событиями, удивительно прекрасная! (...) История моей жизни скажет целому миру то же, что говорит и мне: Всемилостивый Господь Бог наш все направляет к лучшему». Так писатель на первой же странице «Сказки моей жизни» формулирует одну из своих излюбленных идей, одновременно как бы устанавливая линию связи между сказками, раскрывающими социальное и духовное содержание жизни, каким он его себе представлял, и автобиографиями, которые считал необходимым комментарием ко всему, что он пережил и выразил в своем творчестве.

Сказки и истории Х.К.Андерсена издавались в России неоднократно. Лучшими до сих пор считаются переводы его сказок и историй, выполненные основателями русской переводческой школы в области скандинавских языков А.В.Ганзен (1869—1942) и П.Г.Ганзеном (1846—1930). Они перевели на русский язык с языка оригинала почти все опубликованные к тому времени в Дании в сборниках и собраниях сочинений сказки и истории Андерсена, объединив их во втором и третьем томах четырехтомного «Собрания сочинений Андерсена». (С.-Пб, 1894—1895). С небольшими редакционными изменениями эти переводы легли в основу всех последующих изданий, в том числе и двух наиболее значительных в научном отношении, подготовленных Л.Ю.Брауде и И.П.Стребловой в серии «Литературные памятники»: Х.К.Андерсен. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука,

1983; Х.К.Андерсен. Сказки. Истории. Новые сказки и истории. М.: Наука, 1995. В то же время переводы А.В. и П.Г.Ганзенов, выполненные более ста лет назад, при всех своих достоинствах в значительной степени устарели; к тому же в силу ряда причин они не отличались точностью и не передавали в полной мере языковых и стилистических особенностей сказочной прозы датского писателя. Именно поэтому издательство «Вагриус» приняло решение представить в настоящем сборнике сказки и истории в новых переводах.

В отличие от сказок и историй автобиографии значительно реже привлекали к себе внимание издателей. Из трех автобиографий писателя — «Жизнеописание» (H.C.Andersens Levnedsbog) (написана в 1832, издана в 1926), «Сказка моей жизни без вымысла» (издана в Германии в 1847 г. под названием Das Marchen meines Lebens ohne Dichtung и в Дании в 1942 г. под названием Mit eget Eventyr uden Digtning) и «Сказка моей жизни» (Mit Livs Eventyr, 1855) вместе с «Добавлением» (Supplement, 1877) к ней — на русском языке публиковались «Сказка моей жизни» (1895) в переводе А.В. и П.Г.Ганзенов и «Сказка моей жизни без вымысла» (1899) в переводе А.Грекова. При этом самая поздняя версия автобиографии («Сказка моей жизни») появилась в печати со значительными сокращениями, а самая ранняя («Жизнеописание») — наиболее точное описание его детства и юности — на русском языке до сих пор не издавалась. Между тем каждое из этих сочинений обладает несомненным историко-культурным значением. Их публикация призвана восполнить существенный пробел в освоении литературного наследия Х.К.Андерсена.

Том первый
СКАЗКИ И ИСТОРИИ
EVENTYR OG HISTORIER

В настоящем издании читателям предлагаются новые переводы сказок и историй Андерсена. Почти все они выполнены по комментированному научному изданию: Х.Брикс и А.Йенсен «Сказки и истории Х.К.Андерсена в 5 тт.» (H.C.Andersen. Eventyr og Historier. Kritisk Udg. med Kommentar ved Hans Briks og Anker Jensen. Kobenhavn, 1931. Bd. 1—5). Помимо собственных комментариев, составители включили в него «Примечания к "Сказкам и историям" Андерсена (H.C.Andersen. Bemaerkninger til «Eventyr og historier»), опубликованные им в 1862 (1 ч.) и в 1874 (2 ч.) гг. Произведения в издании Брикса и Йенсена расположены строго в хронологическом порядке, что позволяет шаг за шагом проследить эволюцию сказочного творчества писателя. Подобный порядок размещения сказок и историй был представлен в последнем отредактированном Андерсеном и вышедшем в свет посмертно втором издании его «Собрания сочинений» (H.C.Andersen. Samlede skrifter. 2. Udg. Kobenhavn. 1876—1880. Bd. 1—15). Именно оно легло в основу «Собрания сочинений Х.К.Андерсена в 4-х тт.», подготовленного А.В. и П.Г.Ганзенами. «Смею надеяться, что всякий, кто прочтет мои сказки в том порядке, в каком они написаны, заметит в них постепенное развитие и совершенствование как в смысле ясности выражения основной идеи, умения пользоваться материалом, так и в жизненной правдивости и свежести», — писал Андерсен в «Сказке моей жизни». Перевод сказок и историй, не включенных автором в состав данного «Собрания сочинений» и не представленных в издании Брикса и Йенсена, осуществлен по комментированному научному изданию

Э.Даля и Э.Ниельсена «Сказки Х.К.Андерсена» (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5. Kobenhavn, 1963—1967). Примечания к этим произведениям Андерсена даны в разделе «Дополнения».

«Огниво» (Fyrtøjet) — впервые опубликовано в 1835 г. в первом выпуске первого тома сборника «Сказки, рассказанные детям» (1835—1837) вместе со сказками «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине», «Цветы маленькой Иды». «В тоне сказок должна слышаться речь рассказчика. Поэтому язык этих произведений приближается к устному рассказу, рассчитанному на детей, но также и на взрослых слушателей». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier» // H.C.Andersen. Eventyr og Historier. Kritisk Udg. med Kommentar ved Hans Briks og Anker Jensen. Kobenhavn. Bd. 5, s. 384. Далее цит. по этому изданию.) Источником сказки «Огниво» послужила датская народная сказка «Дух свечи».

С. 59. *Круглая башня* — здание круглой формы в центре Копенгагена, построенное в 1637—1642 гг. в качестве астрономической обсерватории.

«Маленький Клаус и Большой Клаус» (Lille Claus og store Claus) — впервые опубликована в 1835 г. (См. примеч. к сказке «Огниво».) Источником сказки послужила датская народная сказка «Большой брат и маленький брат».

«Принцесса на горошине» (Prindsessen paa aerten) — впервые опубликована в 1835 г. (См. примеч. к сказке «Огниво».) Точный источник не установлен.

«Цветы маленькой Иды» (Den lille Idas blomster) — впервые опубликована в 1935 г. (См. примеч. к сказке «Огниво».) «Сказку "Цветы маленькой Иды" я придумал, когда однажды у писателя Тиле стал рассказывать его маленькой дочке о цветах в Ботаническом саду». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 385.)

«Дюймовочка» (Tommelise) — впервые опубликована в 1836 г. во втором выпуске первого тома «Сказок, рассказанных детям» вместе со сказками «Негодный мальчишка» и «Попутчик». "Цветы маленькой Иды", "Дюймовочка" и "Русалочка" — плод моей собственной фантазии. Они являются моими первыми оригинальными сказками». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historie», s. 385.)

С. 103. *«Майский жук, лети, лети»* и *«По лугам монах шагает»* — датские детские песенки.

С. 109. *Эльфы* — *здесь:* духи воздуха, маленькие человечки, в шапочках из цветков.

«Негодный мальчишка» (Den uartige dreng) — впервые опубликована в 1836 г. (См. примеч. к сказке «Дюймовочка».) «В основу сказки легло одно из стихотворений Анакреонта». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 385.)

«Попутчик» (Rejsekammeraten) — впервые опубликована в 1836 г. (См. примеч. к сказке «Дюймовочка».) В основу «Попутчика» был положен сюжет народной сказки «Помощь мертвеца». К этому сюжету Андерсен впервые обратился еще в 1829 г., сочинив сказку «Мертвец», которую в том же году опубликовал в поэтическом сборнике «Стихи». Г.Брандес в статье «Х.К.Андерсен как сказочник» (1870), сравнивая первую и последнюю редакцию сказки, отметил эволюцию сказочного стиля Андерсена от литературного к живому разговорному языку.

С. 113. *...как склонились перед ним солнце и луна...* — Аллюзия с ветхозаветным преданием об Иосифе Прекрасном: «И видел он еще другой сон, и рассказал его братьям своим, говоря: вот я видел еще сон: вот, солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне» (Быт. 37, 9).

С. 121. *...колокольни там, внизу, стали похожи на красные ягодки...* — Церкви и дома в Дании часто покрывают красной черепицей.

С. 122. *...прошли по горам много-много миль...* — Датская миля равна 7532 м.

С. 126. *Тролли* — в скандинавской мифологии чаще всего великаны, обычно враждебные людям.

С. 127 *...с блуждающими огоньками на колпаках...* — Блуждающие огоньки — сверхъестественные существа, персонажи датского фольклора.

«Русалочка» (Den lille havfrue) — впервые опубликована в 1837 г. в третьем выпуске первого тома «Сказок, рассказанных детям» вместе со сказкой «Новое платье короля». (См. примеч. к сказке «Дюймовочка».) По словам Андерсена, «Русалочка» — единственная из сказок, сочиняя которую, он был сам глубоко растроган ею.

«Новое платье короля» (Kejserens nye Klaeder) — впервые опубликована в 1837 г. (См. примеч. к сказке «Русалочка».) «Сказка “Новое платье короля” испанского происхождения. Ее забавной идеей мы обязаны принцу Дону Мануэлю, родившемуся в 1277, умершему в 1347». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 385.) Здесь Андерсен неточен. Испанский государственный деятель и писатель Хуан Мануэль родился в 1282 г.

«Калоши счастья» (Lykkens Kalosker) — впервые опубликована в 1838 г. в сборнике «Три произведения». “Русалочка” привлекла к себе внимание читателей, и это пробудило у меня желание продолжить в том же духе. Такой же придуманной мной сказкой являются “Калоши счастья”. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.)

С. 164. *Эрстед Х.К.* (1777—1851) — датский физик и философ, профессор Копенгагенского университета с 1806 г. Помимо точных наук и философии, занимался проблемами эстетики, проявлял интерес к литературе и искусству. Одним из первых предсказал Андерсену мировую славу. Оказал большое влияние на формирование мировоззрения и творчество Андерсена.

...статью Эрстеда в альманахе... — Речь идет о статье Х.К.Эрстеда «Старые и новые времена» в сборнике «Альманах» (1835).

Король Ханс — король Дании в 1481—1513 гг.

С. 167. *...вашего борнхольмского диалекта...* — Имеется в виду диалект датского языка, на котором говорят жители о-ва Борнхольм.

С. 170. *«Обыкновенные истории».* — Имеются в виду произведения датской писательницы Т.Гюллембург (1773—1856), оказавшей влияние на формирование в датской литературе жанра психологического романа.

...он даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными. — В примечаниях к «Калошам счастья» Андерсен пишет: «Хольберг в “Истории датского государства” рассказывает, что король Ханс по прочтении романа о рыцарях короля Артура как-то шутливо сказал своему любимцу, небезызвестному Отто Руду: “Замечательными рыцарями были господа Ифвен и Гаудиан, судя по тому, как они изображены в этой книге. Да что-то теперь таких не встретишь”. На что Отто Руд

заметил: “Можно б было встретить таких исполинов, как король Артур, так и рыцарей, подобных господам Ифвену и Гаудиану отыскалось бы немало”.

С. 170. *Хейберг Й.Л.* (1791—1860) — датский драматург, литературный и театральный критик, теоретик искусства, издатель и журналист.

Готфрид фон Гемен (Готфрид Геменский) — датский книгопечатник и издатель, прибывший в Данию из Германии в 1490 г.

...события 1801 года... — Речь идет о нападении эскадры адмирала Нельсона на датский флот 2 апреля 1801 г.

С. 171. *...на одной из них был двухцветный чепчик...* — В описываемое Андерсеном время девушки легкого поведения должны были носить двухцветные чепчики.

С. 175. *Мэдлер И.Г.* (1794—1874) — немецкий астроном, составивший одну из лучших для своего времени лунную карту.

С. 176. *«Утренняя звезда»* — здесь: название колотушки сторожа.

С. 186. *«Фру Сигбрита»* — очевидно, речь идет о пьесе, которую Андерсен собирался написать, но так и не осуществил своего замысла.

С. 193. *...где некогда Ганнибал разбил Фламиния...* — Имеется в виду битва при Тразименском озере в 217 г. до н.э., в ходе которой карфагенская армия Ганнибала (247 или 246—183 до н.э.) разбила войска римского консула Фламиния (?—217 до н.э..)

«Ромашка» (Gaaseurten) — впервые опубликована в 1838 г. в первом выпуске второго тома «Сказок, рассказанных детям» (1838—1842) вместе со сказками «Стойкий оловянный солдатик» и «Дикие лебеди». «“Ромашка” и “Стойкий оловянный солдатик” придуманы мной, “Дикие лебеди” — пересказ датской народной сказки». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.) Идея сказки «Ромашка» была навеяна стихотворением С.С.Бликера (1782—1848) «Жаворонок, погибающий в клетке».

«Стойкий оловянный солдатик» (Den standhaftige Tinsoldat) — впервые опубликована в 1838 г. (См примеч. к сказке «Ромашка».)

«Дикие лебеди» (De vilde Svaner) — впервые опубликована в 1838 г. (См. примеч. к сказке «Ромашка».) Ее источником по-

служила датская народная сказка «Дикие лебеди» из сборника М.Винтера «Датские народные сказки» (1823).

«Райские кущи» (Paradisets Have) — впервые опубликована в 1839 г. во втором выпуске второго тома «Сказок, рассказанных детям» вместе со сказками «Сундук-самолет» и «Аисты». «"Райские кущи" — это одна из сказок, которые я слышал еще в детстве. Она мне очень нравилась, и всякий раз я жалел, когда она кончалась. Мне казалось, что четыре ветра, летающие по белу свету, могли бы рассказать еще больше, а райские кущи могли быть описаны еще лучше. Вот я и попытался теперь сделать это». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.)

С. 229. *Готтентоты, кафры* — названия древнейших обитателей Южной Африки.

С. 235. *Птица Феникс.* — Сказочная птица, которая, по преданию, в старости сжигала себя и возрождалось из пепла молодой и обновленной; символ вечного возрождения.

...увидел сон Иакова. — Согласно ветхозаветному преданию, иудейский патриарх Иаков увидел вещий сон: перед ним была лестница до самого неба, и по ней поднимались и спускались ангелы бога Яхве. Бог предрек Иакову обилие потомства и обещал свое покровительство (Бытие 28, 12—19).

С. 236. *Новая Голландия* — первое название Австралии, открытой в 1606 г. голландцем В.Янсоном.

С. 239. *Утренняя звезда* — старинное название планеты Венера.

«Сундук-самолет» (Den flyvende kuffert) — впервые опубликована в 1839 г. (См. примеч. к сказке «Райские кущи».) «Сюжет сказки "Сундук-самолет" взят из "Тысячи и одной ночи". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.)

«Аисты» (Storkene) — впервые опубликована в 1839 г. (См. примеч. к сказке «Райские кущи».) «Сказка "Аисты" возникла из народного поверья и детской песенки об аистах». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.)

«Бронзовый вепрь» (Metalsvinet) — впервые опубликована в 1842 г. в книге путевых очерков «Базар поэта». «В 1840—1841 гг., после путешествия в Грецию и Константинополь, появился "Базар поэта", из которого были взяты для немецкого издания "Сказок", иллюстрированного В.Педерсеном, "Бронзовый вепрь", "Побратимство" и "Роза с могилы Гомера". Теперь они заняли

и в датском издании место, соответствующее времени их выхода в свет». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 386.)

С. 254. *«Персей»* (1553) — статуя скульптора Б.Челлини (1500—1571).

«Похищение сабинянок» (1583) — скульптурная группа Джамболоньи (наст имя. Жан де Болонь, 1529—1608).

Палаццо дельи Уффици — картинная галерея во Флоренции, являющаяся крупнейшим собранием итальянского искусства эпохи Возрождения.

С. 255. *Венера Медицейская* — копия с греческой скульптуры, восходящей к статуе Праксителя «Афродита Книдская».

...какой видел ее в своем сердце Тициан. — Речь идет о полотне В.Тициана «Венера Урбинская», созданном в середине 1530-х гг.

С. 256. *Бронзино А.* (1503—1572) — итальянский художник, представитель маньеризма.

«Побратимство» (Venskabs-Pagten) — впервые опубликована в 1842 г. (См. примеч. к сказке «Бронзовый вепрь.)

С. 267. *Дельфы* — древнегреческий город, религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.

«Роза с могилы Гомера» (En Rose fra Homers Grav) — впервые опубликована в 1842 г. (См. примеч. к сказке «Бронзовый вепрь».) По одному из преданий, легендарный древнегреческий поэт Гомер был погребен неподалеку от Смирны, став там предметом священного почитания.

«Оле Лукойе» (Ole Lukøie) — впервые опубликована в 1842 г. в третьем выпуске второго тома «Сказок, рассказанных детям» вместе со сказками «Эльф розы», «Свинопас» и «Гречиха». «Представление о существе, вызывающем у детей сон (Оле Лукойе — букв. Оле Закрой глаза. — *А.С.*), послужило единственным источником этой сказки». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 387.)

«Эльф розы» (Rosen-Alfen) — впервые опубликована в 1839 г. в газете «Кюбенхавнс Моргенблад». «Идея этой сказки взята из итальянской народной песни». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 387.)

«Свинопас» (Svinedrengen) — впервые опубликована в 1842 г. (См. примеч. к сказке «Оле Лукойе».) «У “Свинопаса” есть несколько общих черт со старой датской народной сказкой, которую

я слышал в детстве». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 387.) В основу «Свинопаса» была положена датская сказка «Гордая девушка». Воспользовавшись ее сюжетной схемой, Андерсен смягчил элементы грубости, свойственной народной сказке.

«Гречиха» (Boghveden) — впервые опубликована в 1842 г. (См. примеч. к сказке «Оле Лукойе».) «Сказка “Гречиха” основана на народном поверье, будто удар молнии опаляет гречиху дочерна». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 387.)

«Ангел» (Engelen) — впервые опубликована в 1844 г. в первом выпуске первого тома «Новых сказок» (1844—1845) вместе со сказками «Соловей», «Влюбленная парочка», «Гадкий утенок». «С этого выпуска успех моих сказок все возрастает», — пишет Андерсен. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 388.)

С. 308. *...был день переезда.* — Имеется в виду день переезда на другую квартиру или в другой дом, происходивший в Дании, как правило, в определенные дни года, первого сентября или первого марта.

«Соловей» (Nattergalen) — впервые опубликована в 1844 г. (См. примеч. к сказке «Ангел».) Поводом к ее написанию послужило знакомство Андерсена со шведской певицей Йенни Линд (1820—1887).

«Влюбленная парочка» (Kjaerestefolkene) — впервые опубликована в 1844 г. (См. примеч. к сказке «Ангел».)

«Гадкий утенок» (Den grimme Ælling) — впервые опубликована в 1844 г. (См. примеч. к сказке «Ангел».) В судьбе Гадкого утенка в аллегорической форме воплощена история жизни самого Андерсена.

«Ель» (Grantraeet) — впервые опубликована во втором выпуске первого тома «Новых сказок» вместе со сказкой «Снежная королева».

С. 340. *«Иведе-Аведе»... «Клумпе-Думпе»* — названия сказок, задуманных, но не написанных Андерсеном. Отрывок из рукописи сказки «Иведе-Аведе» хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене.

«Снежная королева» (Sneedronningen) — впервые опубликована в 1845 г. (См. примеч. к сказке «Ель».) «Первая глава “Снежной королевы” была написана в Максене под Дрезденом, остальные — на родине в Дании». (См. Bemaerkninger til «Eventyr

og historier», s. 389.) В «Снежной королеве» нашли отражение детские воспоминания Андерсена.

С. 348. *«Уж розы в долинах цветут...»* — цитата из псалма (1739) датского поэта и священника Х.А.Брорсона (1694—1764).

С. 379 *«...не войдете в Царствие Небесное!»* — Неточная цитата из Библии. «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». (Евангелие от Марка 10, 15.)

«Бузинная матушка» (Hyldemoer) — впервые опубликована в 1845 г. в журнале «Гея». «Зерно сказки заключено в пересказанной Тиле народной легенде: в бузине обитает существо ("Бузинная матушка" или "Бузинная дева"), которое мстит за всякое насилие над деревом. Еще живо предание о том, как один человек, срубивший бузину, вскоре внезапно умер. Бузинная матушка превратилась в сказке в датскую дриаду, в само воспоминание; в таком же виде она выведена и в моей сказочной пьесе». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 387.)

«Штопальная игла» (Stoppenaalen) — впервые опубликована в 1846 г. в журнале «Гея». «Лето 1846 г. я провел в Нюсё вместе с Торвальдсеном, которому очень нравились сказки "Влюбленная парочка" и "Гадкий утенок". Однажды он сказал мне: "Ну, напишите нам новую забавную сказку. Вы ведь можете написать обо всем, даже о штопальной игле". И я написал "Штопальную иглу". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 388.) Это воспоминание Андерсена относится, очевидно, к более раннему периоду, поскольку Торвальдсена не стало 24 марта 1844 г.

«Колокол» (Klokken) — впервые опубликована в 1845 г. в журнале «Maanedsskrift for Born». «Как эта, так и почти все последующие сказки и истории — мои собственные сочинения. Словно семена, они лежали в моей душе, и довольно было определенного настроения, солнечного луча, капли горечи, чтобы они превратились в цветы». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 388.)

«Бабушка» (Bedstemoder) — впервые опубликована в 1845 г. в журнале «Фрейя» под названием «Одна история». «Почти одновременно (со «Штопальной иглой») была написана "Бабушка". Мне заметили, что она имеет сходство с одним из стихотворений Ленау. Когда я прочитал его, то нашел то же самое и поэтому поставил стихотворение Ленау эпиграфом к сказке... Этим я хотел

сказать, что знаю о сходстве, но не считаю, будто из-за этого стоит пренебречь написанным мной». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 388—389.) Впоследствии история «Бабушка» печаталась без эпиграфа.

«Волшебный холм» (Elverhøi) — впервые опубликована в 1845 г. в третьем выпуске первого тома «Новых сказок» вместе со сказками «Красные башмачки», «Прыгуны», «Пастушка и трубочист», «Хольгер Датчанин». Фольклорные персонажи, упоминаемые в сказке (болотные духи-огоньки, козодой, могильная свинья, адский конь, церковное страшило и некоторые другие) заимствованы Андерсеном из «Датских народных преданий» Тиле.

С. 404. *Козодой* — призрак, заколдованный и превращенный в птицу. Могильная Свинья — предвещающий беду призрак свиньи, которую в старину, согласно преданию, живьем закапывали в землю при строительстве церкви.

Адский Конь — трехногий конь, вестник смерти.

Церковное Страшило — сверхъестественное существо, следящее за порядком в церкви.

С. 405. *Доврский Дед* — тролль, живущий в норвежских горах Довре.

С. 407. *Халлинг* — норвежский народный танец, вид польки.

С. 409. *Хульдра* — широко распространенный образ скандинавского фольклора, сверхъестественное существо женского пола с прекрасной внешностью и коровьим хвостом. Очаровывает людей своим пением. У поэтов-романтиков — олицетворение природы.

Золотые рога — украшение шлема древнескандинавских воинов, викингов.

«Красные башмачки» (De røde Skoe) — впервые опубликована в 1845 г. (См. примеч. к сказке «Волшебный холм».) «В “Сказке моей жизни” я рассказал, как в день моей конфирмации впервые надел сапоги. Они скрипели, когда я шагал по церковному полу. В глубине души я необычайно радовался, что прихожане могли по этому скрипу понять, что сапоги новые. Но мое благоговейное настроение было нарушено. Я чувствовал это и испытывал ужасные угрызения совести оттого, что думал о сапогах не меньше, чем о самом Господе Боге. Воспоминание об этом и послужило толчком к созданию сказки “Красные башмачки”. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 389.)

«Прыгуны» (Springfyrene) — впервые опубликована в 1845 г. (См. примеч. к сказке «Волшебный холм».) “Прыгуны” возникли экспромтом в ответ на просьбу нескольких малышей рассказать им какую-нибудь историю». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 389.)

С. 419. *Скакунок* — игрушка из грудной кости гуся.

«Пастушка и трубочист» (Hyrdinden og Skorstensfeieren) — впервые опубликована в 1845 г. (См. примеч. к сказке «Волшебный холм».)

«Хольгер Датчанин» (Holger Danske) — впервые опубликована в 1845 г. (См. примеч. к сказке «Волшебный холм».) «В основе “Хольгера Датчанина” — предание о народном герое, сходное с преданием о Фридрихе Барбароссе, сидящем в горе Кюфгейзер, облокотившись на каменный стол, в который вросла его борода». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 389.) С преданием о «Хольгере Датчанине» Андерсен познакомился, вероятнее всего, по сборнику «Датских народных преданий» Тиле.

С. 430. *Кнуд (Кнут) I Великий* (ок. 995—1035) — король Дании с 1018 г., из династии Горма; король Англии — с 1016 г. и Норвегии — с 1028 г.; на время его правления приходится расцвет эпохи викингов.

Вальдемар I Великий (1131—1882) — король Дании с 1157 г.

Венды — древнейшее наименование западных славянских племен.

Маргрете I (Маргарита Датская, 1353—1412) — королева Дании, Норвегии (1376—1412) и Швеции (1389—1412); создала союз Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции (с Финляндией) под верховной властью датских королей — Кальмарскую унию.

С. 430. *Кристиан IV* (1577—1648) — датский король с 1588 г. из Ольденбургской династии. Годы его правления — время культурного и художественного расцвета; вместе с тем он вел неудачные войны со Швецией и столь же неудачно участвовал в Тридцатилетней войне (1618—1684).

Ульфельдт Э.К. (1621—1698) — дочь короля Кристиана IV, первая дама датского двора, жена влиятельного сановника Корфица Ульфельдта (1606—1664), обвиненного в государственной измене. По решению суда была заключена в тюрьму и провела там более двадцати лет. В тюрьме Ульфельдт вела дневник. Рукопись

ее мемуаров «Скорбные воспоминания» была обнаружена в 1868-м и опубликована в 1869 г.

Витфельдт И. (1665—1710) — морской офицер, герой сражения со шведами в бухте Кёге 4 октября 1719 г.

Эгеде Х. (1686—1758) — датский священник и миссионер в Гренландии, начал перевод Нового Завета на эскимосский язык (эту работу закончил его сын Пауль, 1708—1789).

Фредерик VI (1768—1839) — король Дании (1808—1839) и Норвегии (1808—1814), осуществивший ряд важных реформ, в том числе переход от полукрепостнической системы к свободному крестьянскому хозяйству фермерского типа (крестьяне получили землю в собственность).

С. 431. *...в памятный день второго апреля...* — См. примеч. к сказке «Калоши счастья», с. 167.

...в эскадре Стена Билле... — Речь идет о морском офицере Стене Билле Андерсене (1751—1833), отказавшемся подписать капитуляцию после морского сражения 2 апреля 1801 г., закончившегося поражением датчан.

Хольберг Л. (1684—1754) — датский драматург, историк и философ, крупнейший деятель скандинавского Просвещения, родоначальник датской национальной драматургии, оказавший заметное влияние на европейскую, в том числе и русскую, драму.

С. 432. *Браге Т.* (1546—1601) — великий датский астроном, создавший первую в Европе обсерваторию.

...кого мы видели седовласым богатырем, знаменитым на весь мир... — Имеется в виду Б.Торвальдсен (1768 или 1770—1844) — датский скульптор мировой величины, один из основоположников классицизма.

«Девочка со спичками» (Den lille Pige med Svovlstikkerne) — впервые опубликована в 1846 г. в альманахе «Данск Фолькекалендер», затем включена во второй выпуск второго тома «Новых сказок» (1847—1848.) «“Девочка со спичками” написана в замке Гростен, где я, собираясь за границу, провел несколько дней. Там я получил от г-на Флинка письмо с предложением написать к одному из трех прилагаемых рисунков какую-нибудь сказку для его Альманаха. Я выбрал рисунок, изображавший бедную маленькую девочку со спичками». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 390.)

«С крепостного вала» (Et Billede fra Castelsvolden) — впервые опубликована в 1847 г. в журнале «Гея».

«Взгляд из окна "Вартоу" (Fra et Vindue i Vartou) — впервые опубликована в 1847 г. в журнале «Гея».

С. 439. *«Вартоу»* — здание близ Ратушной площади в Копенгагене, возведенное в 1726—1744 гг. Во времена Андерсена там находилась богадельня.

...и поклялся, что умрет в отчем гнезде... — Речь идет о датском короле Фредерике III (1609—1670). Описанный Андерсеном случай произошел во время войны Дании со Швецией в 1658—1659 гг.

«Старый уличный фонарь» (Den gamle Gadelygte) — впервые опубликована в 1847 г. в первом выпуске второго тома «Новых сказок» вместе со сказками «Соседи», «Штопальная игла», «Маленький Тук» и «Тень».

С. 445. *...изображавшая «Венский конгресс»...* — Имеется в виду конгресс европейских государств в Вене (1814—1815), подведший черту под наполеоновскими войнами и установивший в Европе новый порядок.

«Соседи» (Nabofamilierne) — впервые опубликована в 1847 г. (См. примеч. к сказке «Старый уличный фонарь».)

С. 461. *...неподалеку от дворца...* — Имеется в виду дворец Кристианборг, ныне резиденция парламента.

Это был музей Торвальдсена. — Музей Торвальдсена, в котором представлены его работы, был построен еще при жизни скульптора и открыт для всеобщего обозрения в 1848 г. Автор проекта — архитектор М.Г.Бинессбёлль (1800—1856).

«Маленький Тук» (Lille Tuk) — впервые опубликована в 1847 г. (См. примеч. к сказке «Старый уличный фонарь».) «Содержание сказки "Маленький Тук" составили некоторые воспоминания детства». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 390.)

С. 465. *...король Вальдемар...* — Имеется в виду Вальдемар IV Аттердаг — датский король, правивший с 1340 по 1375 г.

С. 466. *...король Роар...* — Согласно преданию, король Роар (Хроар), правитель данов, живший в V в., был основателем современного г. Роскилле — древней столицы Дании.

С. 466. *Не забудь о сословиях!* — Под влиянием европейских революционных событий 1830-х гг. в Дании были созданы

сословно-представительные собрания с совещательными функциями. Одно из них собиралось в Роскилле. Очевидно, на это и намекает Андерсен.

С. 467. *Абсалон* (ок. 1128—1201) — датский государственный и церковный деятель, основатель Копенгагена.

«Тень» (Skyggen) — впервые опубликована в 1847 г. (См. примеч. к сказке «Старый уличный фонарь».) «Замысел “Тени” возник во время летнего пребывания в Неаполе (1846 г.), но записана она была лишь в Копенгагене». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 390.)

С. 472. *...есть одна история про человека без тени...* — Речь идет о новелле-сказке немецкого романтика А.Шамиссо (1781—1838) «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814.)

«Старый дом» (Det gamle Huus) — опубликована в 1848 г. во втором выпуске второго тома «Новых сказок» вместе со сказками «Капля воды», «Девочка со спичками», «Счастливое семейство», «История матери» и «Воротничок». Поводом для ее создания послужило пребывание Андерсена в Германии. «В “Сказке моей жизни” я привожу два эпизода, вошедшие потом в сказку “Старый дом”. Маленький сын поэта Мозена подарил мне перед моим отъездом из Ольденбурга одного из своих оловянных солдатиков, чтобы я не чувствовал себя “таким ужасно одиноким”. Двухлетняя дочь композитора Хартманна Мария принималась танцевать, как только заслышит музыку или пение. Однажды она зашла в комнату, где пели псалмы ее старшие братья и сестры. Она тотчас же стала танцевать, и ее чувство ритма помогало ей попадать в такт, поэтому она становилась то на одну ножку, то на другую, невольно выдерживая такт псалмов». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 390.)

«Капля воды» (Vanddraaben) — впервые опубликована в 1848 г. (См. примеч. к сказке «Старый дом».) «“Капля воды” возникла благодаря Х.К.Эрстеду». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 390.)

«Счастливое семейство» (Den Lykkelige Familie) — впервые опубликована в 1848 г. (См. примеч. к сказке «Старый дом».) «В Глорупе, на острове Фюн, где я часто проводил летом по несколько недель, одна часть сада была совсем запущена и заросла белокопытниками, которые выращивали на корм для больших бе-

лых улиток, считавшихся тогда деликатесом. Белокопытники и улитки подали мне идею сказки "Счастливое семейство". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s.390—391.)

«История матери» (Historien om en Moder) — впервые опубликована в 1848 г. (См. примеч. к сказке «Старый дом».) «"История матери" сложилась сама собой, без всякого повода. Как-то во время прогулки у меня возникла мысль, которую я развил, изложив на бумаге». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 391.)

«Воротничок» (Flipperne) — впервые опубликована в 1848 г. (См. примеч. к сказке «Старый дом».)

«Лен» (Horren) — впервые опубликована в 1848 г. в журнале «Den nye Borneven».

«Птица Феникс» (Fugl Phønix) — впервые опубликована в 1850 г. в журнале «Den nye Borneven».

С. 515. *Феспид...* — Согласно преданию, является отцом античной трагедии. Наряду с хором использовал актеров-декламаторов. Разъезжал по стране во главе странствующей труппы.

Ворон Одина — Согласно скандинавской мифологии, верховного бога Одина сопровождают две вещие птицы — вороны Хугин и Мунин.

...на состязании певцов в Вартбурге... — Речь идет о состязании поэтов-певцов мейстерзингеров в замке Вартбург в средневековой Германии.

«Одна история» (En Historie) — впервые опубликована в 1851 г. в книге путевых очерков «По Швеции».

С. 516. *«Воистину Господь всем нам благоволит!»* — Неточная цитата из Псалтири (Пс. 144, 9).

«Немая книга» (Den stumme Bog) — впервые опубликована в 1851 г. в книге путевых очерков «По Швеции».

«Разница, и большая» (Der er Forskjel) — впервые опубликована в 1852 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «Замысел сказки "Разница, и большая" возник у меня во время посещения Кристинелунда близ Прэстё. У канавы росла цветущая яблоня, живое воплощение самой весны. Деревце это так прочно запечатлелось у меня в памяти, что я никак не мог освободиться от него, пока не пересадил в свою сказку». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 393.)

«Старый надгробный камень» (Den gamle Gravsteen) — впервые опубликована в 1852 г. в журнале «Сколен ог Йеммет». "Старый надгробный камень" — это настоящая мозаика воспоминаний. Замысел этой сказки возник у меня в Свендборге. Мне часто приходил на память старый могильный камень, служивший первой ступенькой лестницы перед дверьми дома Коллина на Бредгаде. Прототипом старого Пребена, рассказывавшего в день смерти жены о ее юности, об их помолвке и помолодевшего от этих воспоминаний, послужил старый отец композитора Хартманна, рассказывавший о смерти своей дорогой супруги». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 393.)

«Прекраснейшая из роз» (Verdens deiligste Rose) — впервые опубликована в 1852 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 536. *Вальборг* — имя героини старинной любовной баллады об Аслаге Тордсёне и Прекрасной Вальборг, ставшее символом любви и верности.

Винкельрид Арнольд (Эрни) — швейцарский народный герой, по преданию, в битве 1386 г. при Земпахе ценою жизни обеспечивший победу швейцарцев над войсками австрийского герцога.

«История года» (Aarets Historie) — впервые опубликована в 1852 г. в первом выпуске «Историй» вместе с историями «Прекраснейшая из роз», «В наипоследний день», «Сущая правда», «Лебединое гнездо», «Хорошее настроение», «С крепостного вала».

С. 547. *...как Моисей на горе...* — Согласно ветхозаветному преданию, на горе Синае пророк Моисей получил от бога Яхве скрижали с «десятью заповедями».

«В наипоследний день» (Paa den yderste Dag) — впервые опубликована в 1852 г. (См. примеч. к истории «История года».)

С. 550. *«Не судите, и не судимы будете!»* — Цитата из Евенгелия от Матфея (7, 1—2).

С. 551. *«Взявший меч, от меча и погибнет...»* — Неточная цитата из Евангелия от Матфея (26, 52).

«Око за око, зуб за зуб!» — Ветхозаветная цитата (Левит 24, 20).

«Сущая правда» (Det er ganske vist!) — впервые опубликована в 1852 г. (См. примеч. к «Истории года».)

«Лебединое гнездо» (Svanereden) — впервые опубликована 28 января 1852 г. в газете «Берлингске Тиренде». Содержит на-

меки на выдающихся деятелей датской истории (король Кнуд I Великий), культуры (Эленшлегер, Торвальдсен), науки (Х.К. Эрстед) и политические события (война между Данией и Германией 1848 г.).

С. 556. *Лангобарды, варяги, норманны* — названия народов, населявших в древние времена территорию Дании.

С. 557. *Тихо Браге.* — См. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 432.

«Хорошее настроение» (Et godt Humeur) — впервые опубликована в 1852 г. (См. примеч. к истории «История года».)

С. 561. *«Друг полицейского»* — датская газета, указывавшая на неполадки в городском хозяйстве и известная своими мелочными придирками.

С. 562. *Великий Гёте заканчивает своего Фауста словами: «...может иметь продолжение».* — Этих заключительных слов ни в первой, ни во второй частях «Фауста» нет.

«Сердечное горе» (Hjertesorg) — впервые опубликована в 1853 г. во втором выпуске «Историй» вместе с историями «Всему свое место», «Домовой у лавочника», «Через тысячу лет», «Под ивой».

«Всему свое место!» (Alt paa sin rette Plads!) — впервые опубликована в 1853 г. (См. примеч. к истории «Сердечное горе».) «Напишите, — сказал мне однажды писатель Тиле, — сказку о флейте, звуки которой все ставят на свое место». В этих словах уже была заключена идея, из которой и получилась настоящая сказка» (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 392.)

С. 567. *...настоящий шпицрутен-марш...* — имеется в виду марш, который играли во время наказания шпицрутенами, чтобы заглушить крики солдат, прогонявшихся сквозь строй.

С. 572. *«Лепта вдовицы»* — выражение, восходящее к евангельским преданиям (От Марка 12, 42—44; От Луки 21, 2—4) и означающее: бедный, но чистосердечный дар.

С. 573. *Феспид.* — См. примеч. к сказке «Птица Феникс», с. 515.

«Домовой у лавочника» (Nissen hos Spekhokeren) — впервые опубликована в 1853 г. (См. примеч. к истории «Сердечное горе».)

«Спустя тысячелетия» (Om Aartusinder) — впервые опубликована в 1852 г. в газете «Fedrelandet».

С. 582. *Кортес Эрнан* (1485—1547) — испанский конкистадор, установивший испанское господство в Мексике. В 1524 г. в поисках морского прохода из Тихого океана в Атлантический океан пересек Центральную Америку.

Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Бивар, ок. 1050—1099) — испанский рыцарь, прославившийся в сражениях с маврами и воспетый в художественной литературе.

Альгамбра — позднемавританский богато декорированный дворцовый комплекс (сер. 13 — к. 14 вв.) на восточной окраине Гранады (Испания).

С. 583. *Линней К.* (1707—1778) — шведский ученый, основатель новейшей ботаники. Создатель системы растений, названной его именем.

Гекла — вулкан на юге Исландии.

«Под ивою» (Under Piletraeet) — впервые опубликована в 1853 г. (См. примеч. к истории «Сердечное горе».)

«Пятеро из одного стручка» (Fem fra en Ærtebaelg) — впервые опубликована в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «История “Пятеро из одного стручка” выросла из воспоминаний о доме детства. Небольшой деревянный ящик, наполненный землей, в котором росли лук и горох, был моим единственным цветущим садом». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 393.)

С. 604. *...словно Иона во чреве кита.* — Согласно ветхозаветному преданию, пророк Иона, не исполнивший воли Божьей, провел три дня во чреве кита (Книга Пророка Ионы 1—2).

«Листок из рая» (Et Blad fra Himlen) — впервые опубликована в 1855 г. в третьем выпуске «Историй», в который вошли в основном истории из первых двух выпусков.

С. 606. *...вспомни историю про Иосифа...* — Согласно библейскому повествованию об Иосифе, любимый сын Иакова и Рахили, он был оставлен братьями умирать в колодце, откуда его извлекли купцы-измаильтяне и продали в рабство в Египет. После долгих злоключений стал фактическим правителем Египта (Бытие 37—41).

«Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят». — Цитата из Библии (От Луки 23, 34).

«Пропащая» (Hun duede ikke) — впервые опубликована в 1853 в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «История

возникла, собственно, из нескольких слов, услышанных мною в детстве от матери. Я увидел однажды на улице мальчика, спешившего к реке, где его мать, стоя в воде, стирала белье, и услышал, как известная своей строгостью дама крикнула из окна: "Ты опять несешь водку своей матери! Как это мерзко! Смотри, не стань таким же, как твоя мать. Пропащая она!" Я вернулся домой и рассказал обо всем, что услышал. Все сказали: "Да, прачка — пьяница. Она пропащая!" И только моя мать стала на ее защиту. "Не судите ее так строго! Бедняжка выбивается из сил. Вечно в холодной воде и часто целыми днями не ест ничего горячего. Надо же ей чем-нибудь подкрепиться. Конечно, она поступает нехорошо, но что же делать! Ей столько пришлось перенести! Она честная! Она так заботится о своем мальчике!" Сочувственные слова моей матери произвели на меня глубокое впечатление. Ведь я был уже готов вместе с другими осудить бедную прачку. Много лет спустя другое маленькое происшествие заставило меня подумать, как легко и строго люди часто осуждают своего ближнего, тогда как отнесись к нему мягче, и все дело предстанет совсем в ином свете. Так живо вспомнились мне тогда вся эта история и слова моей матери, что я написал "Пропащую". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 393—394.)

«Последний перл» (Den sidste Perle) — впервые опубликована в 1854 г. в альманахе «Альманак еллер Хускалендер».

«Две девицы» (To Jomfruer) — впервые опубликована в 1854 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

«На краю моря» (Ved det yderste Hav) — впервые опубликована в 1855 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 624. *«Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя!»* (Псалтирь 138, 9—10).

«Свинья-копилка» (Pengegrisen) — впервые опубликована в 1855 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

«Иб и Кристиночка» (Ib og lille Christine) — впервые опубликована в 1855 г. в третьем выпуске «Историй».

С. 638. *Мартинов день* — 11 ноября, церковный католический праздник в память о французском святом Мартине из Тура.

«Ханс Чурбан» (Klods-Hans) — впервые опубликована в 1856 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «"Ханс

Чурбан" — вольный пересказ датской народной сказки и стоит особняком от всех сочиненных мной самостоятельно поздних сказок». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 393.)

«*Тернистый путь славы*» (Ærens Tornevei) — впервые опубликована в 1856 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 648. *Аристофановы «Облака»* — Имеется в виду комедия Аристофана «Облака» (432), в которой Сократ изображен учителем ложной мудрости.

С. 649. *Алкивиад* (ок. 450 — ок. 404) — афинский государственный деятель, воспитанием которого одно время занимался Сократ.

Ксенофонт (430—425) — историк и писатель, ученик Сократа.

Фирдуоси Абулькасим (ок. 940—1020) — персидский и таджикский поэт.

С. 650. *Камоэнс Луиш ди* (1524 или 1525—1580) — португальский поэт и драматург. Служил солдатом в Марокко (1549—1551) и Индии (1553—1570). Автор эпической поэмы «Лузиады» (1571).

Саломон де Ко (1576—1626) — французский инженер, разработавший теорию получения водяного пара высокого давления

С. 651. *...сочинил «La pucelle»* (девственница. *фр.*) — Имеется в виду поэма Вольтера «Орлеанская девственница» (опубликована в 1755 г.).

Кристиан II — датский король, правивший с 1513 по 1523 г. Пытаясь установить господство датчан в Швеции, казнил в 1520 г. более восьмидесяти противников унии с Данией («Стокгольмская кровавая баня»), в числе которых были дворяне, представители духовенства и видные горожане. В результате заговора датской знати был низложен. Последние двадцать семь лет жизни провел в заточении.

Гриффенфельдт (Педер Шумахер) (1635—1699) — автор конституции Дании, названной «Королевским законом» (составлен к 1665 г., полностью обнародован в 1709 г.). В 1867 г. в результате интриг был арестован за «измену» и оставшиеся 23 года жизни провел в заключении на о. Мункхольм.

Фултон Р. (1765—1815) — американский изобретатель, построивший в 1807 г. первый в мире колесный пароход.

«*Еврейка*» (Jødepigen) — впервые опубликована в 1856 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «“Еврейка” — это пересказ одного венгерского предания». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 394.)

С. 654. «*Помни день субботний, чтобы святить его!*» — Неточная библейская цитата (Второзаконие 5, 12).

С. 656 «*Почитай отца твоего и матерь твою!*» — Библейская цитата (Второзаконие 5, 16).

С. 657. «*Он будет вождем нашим до самой смерти!*» — (Псалтирь 47, 15)

«*Он посещает землю, и утоляет жажду ее, обильно обогащает ее!*» (Псалтирь 64, 10)

«*Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым!*» — Неточная библейская цитата. «Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Евангелие от Марка 1, 8) — слова Иоанна Крестителя, которые Андерсен ошибочно приписывает Иисусу Христу.

«*Бутылочное горлышко*» (Flaskehalsen) — впервые опубликована в 1858 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «Мой друг, г-н статский советник Тиле, сказал мне однажды в шутку: “Надо бы вам написать историю одной бутылки от ее появления на свет и до того момента, когда от нее осталось одно горлышко, годное служить лишь стаканчиком для птицы. Так возникла сказка “Бутылочное горлышко”». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397.)

«*Камень мудрости*» (De Vises Steen) — впервые опубликована в 1859 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». Развивает мотивы сказок «Райские кущи» и «Снежная королева». «В течение этих лет я испытал свои силы, если можно так выразиться, во всех радиусах сказочного круга и поэтому нередко обращался к идеям или мотивам, которые звучали в моих произведениях и раньше, однако я в таких случаях либо совсем отказывался от них, либо пытался облечь их в новую форму. Так, “Камень мудрости” приобрел восточный колорит и ярко выраженные черты аллегории». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 402.)

С. 669. *Кристен Педерсен.* — Имеется в виду Кристьерн Педерсен (1475—1554) — выдающийся датский филолог, переводчик Библии и трудов Саксона Грамматика; предание о Хольге-

ре Датчанине в его свободном пересказе (1534) стало народной книгой в Дании.

С. 669. *...пресвитер Иоанн...* — Согласно преданию, Хольгер Датчанин вручил власть в стране Индийской пресвитеру Иоанну.

С. 686. *...когда Моисей и сыны Израилевы двинулись в землю Ханаанскую...* — Согласно ветхозаветному повествованию, в первую пасхальную ночь пророк Моисей начал вывод израильтян из фараоновского рабства (Исход. Гл. 12.)

«Суп из колбасной палочки» (Suppe paa en Pølsepind) — впервые опубликована в 1858 г. в первом выпуске первого цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками и историями «Бутылочное горлышко», «Ночной колпак холостяка», «Кое-что», «Последний сон старого дуба» и «Азбука». «В наших пословицах и поговорках часто заключено зерно целой истории. Я как-то высказал это, а потом подтвердил свою мысль, написав сказку "Суп из колбасной палочки"». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397.)

«Ночной колпак холостяка» (Pebersvendens Nathue) — впервые опубликована в 1858 г. (См. примеч. к сказке «Суп из колбасной палочки».) «Для создания сказки "Ночной колпак холостяка" я располагал лишь двумя данными: историей происхождения слов "перечный приказчик" и легендой о святой Елизавете». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397.)

С. 707. *Тангейзер* (ок. 1205—1270) — немецкий поэт-миннезингер, имя которого обросло множеством легенд.

С.708. *Святая Елизавета* (Елизавета Тюрингская) (до 1207—1231) — дочь короля Андрея II Венгерского, жена ландграфа Людовика I Тюрингского.

С. 709. *...историю о Тристане и Изольде...* — Речь идет об одном из самых распространенных произведений средневековой поэзии — сказании о Тристане и Изольде, имена которых стали синонимами истинно любящих.

Фогельвейде В. фон дер (ок. 1170—1230) — немецкий поэт-миннезингер, творческие достижения которого связаны прежде всего с освоением народной поэзии.

«Кое-что» (Noget) — впервые опубликована в 1858 г. (См. примеч. к сказке «Суп из колбасной палочки».) «История "Кое-

что" основана на предании, которое я слышал на западном побережье в Шлезвиге, о старушке, поджегшей свой дом, чтобы спасти множество людей, находившихся на льду во время морского прилива». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397.)

«Последний сон старого дуба» (Det gamle Egetraees sidste Drom) — впервые опубликована в 1858 г. (См. примеч. к сказке «Суп из колбасной палочки».) «Сказка "Последний сон старого дуба" возникла просто под влиянием минутного настроения». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397.)

С. 732. *«Гряньте громче, Божьи чада!»* — Строки из псалма Х.А.Брорсона «В светлый праздник Рождества» (1732).

Том второй
СКАЗКИ И ИСТОРИИ
EVENTYR OG HISTORIER

«Дочь болотного короля» (Dynd-Kongens Datter) — впервые опубликована в 1858 г. во втором выпуске первого цикла «Новых сказок и историй» вместе со «Скороходами» и «Колокольной бездной». “Дочь болотного короля” принадлежит к числу тех сказок, на которые я потратил больше всего сил и труда. (...) Я сочинил ее, как и все другие, мгновенно, будто вспомнил какую-то забытую мелодию или песню. Я сразу же рассказал ее одному из своих друзей, затем изложил ее на бумаге, исправил, переписал, еще раз исправил, но даже после троекратной переделки должен был признать, что не все в ней отличается должной ясностью и яркостью. Я перечитал некоторые из исландских саг, чтобы с их помощью лучше усвоить жизнь древних северян и изобразить ее с большей правдивостью. Я прочитал несколько современных описаний путешествий по Африке, чтобы с большей достоверностью изобразить ее тропический зной. Немалую пользу оказали мне также сочинения о жизни перелетных птиц. (...) Таким образом, в короткое время сказка была переписана шесть или семь раз, пока я не убедился, что лучше написать ее я не могу». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 397—398.)

С. 5. *...о Моисее, которого мать пустила в корзинке по волнам Нила, а дочь фараона нашла его и воспитала.* — Согласно ветхозаветному преданию, когда фараон приказал убить всех младенцев мужского пола, мать Моисея спрятала его в корзинке на берегу Нила, где дочь фараона, купаясь, нашла ребенка.

С. 11. *Один, Тор, Фрейя.* — В скандинавской мифологии Один — верховный бог, Тор — бог грома, бури и плодородия, Фрейя — богиня плодородия, любви и красоты.

С. 13. *Норманны* (букв. «северные люди»), *викинги.* — Участники торговых и завоевательных походов в конце VIII — сер. XI в. в страны Европы. На Руси их называли варягами (См. примеч. к истории «Лебединое гнездо», 556.)

С. 14. *«Скот мрет, сродник мрет, не умрет только славное имя!»* — Слова из «Речей Высокого», составляющих одну из частей древнескандинавского литературного памятника «Старшая Эдда» (13 в.).

С. 23. *Св. Ансгарий* (Ансгар) (801—865) — один из первых христианских миссионеров в Дании и Швеции.

Белый Христос. — Так называли Иисуса Христа язычники севера, предположительно, за белые одежды, надеваемые при крещении.

Бальдр — в скандинавской мифологии юный и прекрасный бог, сын Одина. Смерть Бальдра — предвестие гибели богов и всего мира (Рагнарёк.)

С. 25. *Блажен тот, кто разумно относится к малым сим, — Господь спасает его в день несчастья!* — Парафраз 18-й главы (10, 14) Евангелия от Матфея: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих... Так нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

С. 27. *«Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет!»* — цитата из Евангелия от Матфея, главы 4, 16.

С. 28. *Локи* — в скандинавской мифологии бог хитрости и коварства.

С. 35. *Чудовищный змей, лежащий на дне морском, обвивая всю землю...* — Согласно скандинавской мифологии, в Мировом океане, окружающем обитаемую человеком землю (Мидгард), живет чудовищный змей Ёрмунганд.

С. 36. *Сурт* — в скандинавской мифологии огненный великан, в последней битве богов сжигающий мир.

«Скороходы» (Hurtigloberne) — впервые опубликована в 1858 г. (См. примеч. к сказке «Дочь болотного короля».)

«Колокольная бездна» (Klokkedybet) — впервые опубликована в 1857 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «В основу сказки «Колокольная бездна» легли народное поверье о водяном, обитающем в реке Оденсе, и легенда о колоколе церкви Альбани». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 398.)

С. 54. *Кнуд.* — Речь идет о короле Кнуде (Кнуте) II Свенсене (1043—1086, Святом), убитом мятежными крестьянами в церкви Санкт-Альбани в Оденсе. Позднее короля Кнуда канонизировали, он стал первым датским святым, а для народа — «Божьим королем».

«Злой правитель» (Den onde Fyrste) — впервые опубликована в 1848 г. в журнале «Салонен». «“Злой правитель” — пересказ старинной легенды. Принадлежит к числу моих ранних сказок». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 398.)

«Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» (Vinden fortaeller om Valdemar Daae og hans Døttre) — впервые опубликована в третьем выпуске первого цикла «Новых сказок и историй» (1859) вместе со сказками и историями «Девочка, которая наступила на хлеб», «Башенный сторож Оле», «Анне Лисбет», «Ребячья болтовня» и «Обрывок жемчужной нити». «В датских народных преданиях, как и в исторических записях о древнем поместье Борребю, что возле г. Скьельскёра, содержатся сведения о “Вальдемаре До и его дочерях”. Эта история также принадлежит к числу тех, которые я неоднократно переделывал, стремясь в самом тоне повествования передать звучание сильных порывов ветра, которому уступаю роль рассказчика. Золотых дел мастер Вальдемар До жил с 1616 по 1691 г.». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 398.)

С. 59. *Маршал Стиг.* — Речь идет о датском военачальнике Стиге Андерсене (Виде) (ум. в 1293.) За участие в убийстве короля Эрика V Клиппинга (1259—1286) был приговорен к смертной казни. События, связанные с убийством короля Эрика V заговорщиками во главе с маршалом Стигом, нашли отражение в национально-романтической опере П.Хайсе на либретто К.Рикардта «Король и маршал», поставленной в Королевском театре в 1879 г.

С. 69. *Ове Рамель* (1637—1685) — богатый и влиятельный датский вельможа.

С. 70. *«Старшая дочка об руку с младшей...»* — слова из народной песни о дочерях маршала Стига (на самом деле у него была одна дочь.)

С. 71. *...посадить на деревянную кобылу.* — Имеется в виду наказание крестьян во времена крепостного права в Дании: провинив-

шегося сажали на узкую доску так, чтобы его ноги не касались земли, и заставляли находиться в таком положении длительное время.

«Девочка, которая наступила на хлеб» (Pigen, som traadte paa Brodet) — впервые опубликована в 1859 г. (См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях».) «В раннем детстве я услышал историю о “девочке, наступившей на хлеб”, который превратился в камень и потянул ее за собой в тину. Я поставил своей задачей показать, что происходит в ее душе, раскаяние и спасение этой девочки. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 398.)

«Башенный сторож Оле» (Taarnvaegteren Ole) — впервые опубликована в 1859 г. (См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях».)

С. 86. *...а летают они вечером накануне Иванова дня на гору Блоксберг...* — Имеется в виду Вальпургиева ночь (по имени святой Вальпургии), согласно германской мифологии, время ежегодного шабаша ведьм на горе Броккен (Блоксберг.)

С. 88. *...над могилами Шлеппегрелля, Лэссё и их товарищей.* — Датские офицеры, погибшие в первую датско-прусскую войну (1848—1850).

«Анне Лисбет» (Anne Lisbeth) — впервые опубликована в 1859 г. (См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях».) «В “Анне Лисбет” я хотел показать, как семена добра в душе человека, пусть даже окольными путями, прорастают и пускают побеги; здесь это материнская любовь, которая побеждает страх и обретает жизненную силу». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 398.)

С. 103. *«Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу нашему!»* — Цитата из Библии (Кн. пророка Иоила 2, 13.)

«Ребячья болтовня» (Bornesnak) — впервые опубликована в 1859 г. (См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях».) «“Ребячья болтовня” написана на основе моих собственных впечатлений». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 399.)

С. 106. *...у кого фамилия кончается на «сен»...* — В Дании на «сен» кончаются фамилии людей из народа.

С. 107. *...возникло великолепное здание...* — Имеется в виду Музей Торвальдсена. (См. примеч. к сказке «Соседи», с. 461.)

«Жемчужная ниточка» (Et Stykke Perlesnur) — впервые опубликована полностью (первая часть сказки увидела свет в 1857 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк») в 1859 г. (См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях».) «В сказке "Жемчужная ниточка" описано переходное время, которое я сам пережил. Во времена моего детства не было ничего необычайного в том, что переезд из Оденсе в Копенгаген продолжался пять дней, тогда как теперь он занимает примерно столько же часов». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 399.)

С. 108. *Корсёр* — небольшой город на западе Зеландии.

Фредерик VI (1768—1839) — король Дании и Норвегии.

Эленшлегер А.Г. (1779—1850) — поэт, прозаик, драматург, литературный критик и теоретик искусства, крупнейший представитель национального романтизма. Получил европейское признание прежде всего как создатель романтической исторической драмы.

С. 109. *Рабек К.Л.* (1760—1830) — писатель, критик, теоретик искусства, литературный советник и член дирекции Королевского театра (с 1809 г.) В одном из стихотворений сравнил себя и свою жену Камму с благочестивыми Филемоном и Бавкидой, воспетыми Овидием в «Метаморфозах». Одним из первых отметил литературные способности Андерсена.

Роар (Хроар.) — См. примеч. к сказке «Маленький Тук», с. 15.

Маргрете (Маргарита) *I* (1353—1412) — королева Дании, Норвегии и Швеции. Была инициатором Кальмарской унии (1397), объединившей эти страны, во главе которых встала Дания.

...властитель орга́на, творец датского романса... — Речь идет о датском композиторе К.Э.Ф.Вайсе (1774—1842), своими музыкально-драматическими произведениями подготовившем почву для зарождения датской национально-романтической оперы.

«...катятся прозрачные волны», *«...жил-был в Лейре король»* — строки из песен, сочиненных Вайсе.

Хагбарт и Сигне — герои древнего народного предания.

С. 110. *Ингеманн Б.С.* (1789—1862) — датский поэт, прозаик, драматург, прославленный автор исторических романов. Обращался также к жанру литературной сказки. Ингеманн высоко

ценил талант Андерсена и оказывал ему, особенно в начале творческого пути, всяческую поддержку.

Монастырь Антворсков — средневековый монастырь, расположенный неподалеку от Слагельсе.

Кнуд Зеландец... — Литературный псевдоним Й. Баггесена (1764—1826), крупнейшего датского классициста, ведшего ожесточенную литературную полемику с романтиком Эленшлегером.

...странствовал по мирскому лабиринту... — Намек на книгу путевых очерков Баггесена «Лабиринт» (1792—1793), одно из наиболее известных произведений писателя. О своих встречах с Баггесеном, происходивших сначала в Цюрихе, а потом в Женеве, подробно рассказал Н.М.Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791—1795).

С. 111. *Святой Йорген* — Святой Георгий.

С. 112. *Биркнер М.Г.* (1756—1798) — священник и писатель, внесший важный вклад в борьбу за свободу печати в Дании.

С. 113. *Абсалон.* — См. примеч. к сказке «Маленький Тук», с. 467.

«Перо и чернильница» (Pen og Blaekhuus) — впервые опубликована в 1860 г. в четвертом выпуске первого цикла «Новых сказок и историй» (1860) вместе со сказками и историями «У могилы ребенка», «Дворовый петух и флюгерный», «Как хороша!», «История, случившаяся в дюнах».

С. 115. *Пер Девер и Кирстен Кимер* — механические фигурки в часах Роскилльского собора.

«У могилы ребенка» (Barnet i Graven) — впервые опубликована в 1859 г. в Стокгольме в сборнике «Nye nordiska digter och skildringer». «“У могилы ребенка” и “История матери” доставили мне самую большую радость, потому что многие убитые горем матери нашли в них утешение и поддержку». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 399.)

«Дворовый петух и петух-флюгер» (Gaardhanen og Veirhanen) — впервые опубликована в 1860 г. (См. примеч. к сказке «Перо и чернильница».)

С. 125. *Василиск* — мифический чудовищный змей, способный убивать одним своим видом. Смертельным для василиска считался взгляд или крик петуха.

«Прелесть!» (Deilig!) — впервые опубликована в 1860 г. (См. примеч. к сказке «Перо и чернильница».) «В истории “Пре-

лесть" почти все обыденные и наивные до глупости высказывания вдовы взяты мной из жизни». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 399.)

С. 126. *Хаузер Каспар* (ок. 1812—1833) — таинственный юноша, жизнь и смерть которого овеяны романтической легендой. Появился в 1828 г. в Нюрнберге, плохо говорил и не ориентировался в пространстве, был крайне чувствителен к свету. Выяснилось, что с раннего детства он содержался в темнице. Когда были предприняты попытки выяснить, кто он и откуда, был убит. Впоследствии возникли предположения, что этот юноша был знатного происхождения и, возможно, наследник престола.

«История, случившаяся в дюнах» (En historie fra Klitterne) — впервые опубликована в 1860 г. (См. примеч. к сказке «Перо и чернильница».) Сказка написана после посещения г. Скаген и западного побережья Ютландии. «Здесь я обнаружил природу и народную жизнь, — пишет Андерсен, — послужившие фоном для тех мыслей, которые я хотел выразить в своем произведении. Эти мысли уже давно бродили во мне и как-то внезапно вырвались наружу во время одной из бесед с Эленшлегером. (...) Мы говорили о вечной жизни, и Эленшелегер заметил: "Разве не великое тщеславие с вашей стороны требовать вечной жизни? Разве Господь обделил вас своей милостью и в этой жизни?" — "Так можете говорить вы, — возразил я. — Господь дал вам бесконечно много, не обделил он и меня, но сколько людей на этом свете поставлены совсем в иные условия, брошены в мир больными телом и духом, обречены жить в нужде и горе. Зачем они должны так страдать, откуда такое неравенство? Это было бы несправедливо, и Господь не может этого допустить. Он воздает, возвышает и совершает то, чего мы совершить не в силах". Вот эти мысли легли в основу "Истории, случившейся в дюнах". Упомянутая мной "Песня об английском королевиче" содержится в издании Свена Грундтвига "Старинные народные песни Дании", т. 3, № 157. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 400.)

С. 137. *Кристиан VII* (1749—1808) — король Дании с 1766 г.

С. 141. *Бюгге* — датский рыцарь, герой народных преданий. Сведения о нем, скорее всего, Андерсен почерпнул из «Датских народных преданий» Тиле.

С. 145. *Предбьёрн Гюлденстьерне* — один из представителей знатного дворянского рода Гюльденстьерне.

С. 146. *Локи*. — См. примеч. к сказке «Дочь болотного короля», с. 26.

С. 156. *Длинная Маргрета* — колдунья, персонаж народных преданий.

С. 157. *Сванведель* — помещик, персонаж народных преданий

С. 159. *...король Снио, ...благородная женщина по имени Гамбарук* — легендарные фигуры, упоминаемые в датских народных преданиях.

С. 162. *...читал вслух старинную хронику...* — Имеется в виду легенда о Гамлете из хроники датского летописца Саксона Грамматика (1140 — ок. 1208).

С. 167. *«Ты, Господи, благ и милосерд и милостив ко всем призывающим тебя»*. (Псалтирь 85, 5.)

«Кукольник» (Marionetspilleren) — впервые опубликована в 1851 г. в книге путевых очерков «По Швеции».

С. 177. *...ставлю «Иоганну Монфокон» и «Дювеке»...* — «Иоганна фон Монфокон» (1800) — пьеса немецкого драматурга А.Коцебу (1761—1816), «Дювеке» (1796) — пьеса прозаика и драматурга О.Й.Самсю (1759—1796).

Панскандинавизм (скандинавизм) — общественное движение в скандинавских странах в первой половине XIX в., основанное на идее государственного, политического и культурного объединения северных народов.

«Два брата» (To Brodre) — впервые опубликована в 1859 г. в газете «Иллюстререт Тиденде». «Сказка является фантастической виньеткой к жизни братьев Эрстед». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 400.)

С. 179. *Читая об Иакове...* — Парафраз ветхозаветного предания о легендарном родоначальнике «двенадцати колен Израиля» Иакове, его соперничестве с братом-близнецом Исавом (Быт. 25, 27—34).

Солон (между 640 и 635 — ок. 559 до н.э.) — афинский законодатель, причисленный античными преданиями к семи греческим мудрецам.

«Старый церковный колокол» (Den gamle Kirkeklokke) — впервые опубликована в 1861 г. в альманахе «Фолькекалендер

фор Данмарк». «История "Старый церковный колокол" — ответ на просьбу принять участие в "Шиллеровском альбоме". Мне хотелось внести в него датский элемент, и те, кто прочтет эту историю, смогут увидеть, в какой мере мне удалось решить эту задачу». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 400.)

С. 182. *«Песнь о колоколе»* (1799) — поэма Ф.Шиллера.

...басен Геллерта и Мессиаду... — Геллерт Х.Ф. (1715—1769) — немецкий писатель, автор «трогательных комедий», а также басен, духовных од и стихотворений, пользовавшихся успехом у современников. «Мессиада» (1773) — религиозная эпопея о Христе немецкого поэта Ф.Г.Клопштока (1724—1803), с 1751 по 1770 гг, жившего в Копенгагене.

С. 184. *...составляли исписанные страницы — «Фиеско».* — Речь идет о трагедии Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1782).

С. 185. *...воспевший освободителя Швейцарии и боговдохновленную французскую деву...* — Речь идет о пьесах Шиллера «Вильгельм Телль» (1804) и «Орлеанская дева» (1801).

«Двенадцать из почтовой кареты» (Tolv med Posten) — впервые опубликована 1861 г. в первом выпуске второго цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками и историями «Навозный жук», «Что муженек ни сделает, то и хорошо», «Камень мудрости», «Снеговик», «На утином дворе» и «Муза нового века».

С. 187. *...Из нее мы на масленицу не только кошку выбьем, а куда больше...* — Имеется в виду старинный народный обычай. На праздновании масленицы в бочку сажали кошку и били по бочке палками, пока не вышибали из нее дно, и кошка выскакивала из бочки.

«Сорок мучеников» — согласно легенде, сорок христианских римских солдат, умерших мученической смертью после того, как они отказались приносить жертву языческим богам. День сорока мучеников — 9 марта.

С. 188. *«Гравюры» Кристиана Винтера...* — Винтер К. (1796—1876) — датский поэт романтического направления, оставивший яркий след в национальной лирике. «Гравюры» — название цикла стихотворений Винтера в сборнике «Стихотворения» (1828).

«Короткие стихотворения» Рикардта... — Рикардт К. (1831—1892), датский поэт-романтик. «Короткие стихотворе-

ния» (1860) — название первого поэтического сборника Рикардта, в котором широко представлены образцы пейзажной лирики.

С. 189. *«В поте лица твоего будешь есть хлеб...»* — Библейская цитата (Быт. 3, 19).

«Навозный жук» (Skarnbassen) — впервые опубликована в 1861 г. (См. примеч. к сказке «Двенадцать из почтовой кареты».) «В основу сказки положена арабская поговорка, которую в числе других Ч.Диккенс поместил в журнале "Household words": "Когда лошади императора набивают золотые подковы, навозный жук тоже протягивает кузнецу свои ножки". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 402.)

«Что муженек ни сделает, то и хорошо» (Hvad Fatter gjor, det er altid det Rigtige) — впервые опубликована в 1861 г. (См. примеч. к сказке «Двенадцать из почтовой картеты».) "Что муженек ни сделает, то и хорошо" принадлежит к народным сказкам, которые я слышал в детстве. Но рассказал я ее здесь по-своему». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 402.)

С. 205. *День Св. Мартина* — См. примеч. к сказке «Иб и Кристиночка», с. 638.

«Снеговик» (Sneemanden) — впервые опубликована в 1861 г. (См. примеч. к сказке «Двенадцать из почтовой кареты».) «Меня упрекали в философской направленности моих последних сказок, что якобы не свойственно моему таланту, и приводили в качестве примера сказку "Камень мудрости" и помещенную в том же томе фантазию "Муза нового века". Последняя, однако, совершенно в духе всех моих сказок. Говорили и писали также, что сказки в этом выпуске слабее моих прежних, а между тем в нем представлены две из лучших: "Что муженек ни сделает, то и хорошо" и "Снеговик"». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 402—403.)

«На утином дворе» (I Andegaarden) — впервые опубликована в 1861 г. (См. примеч. к сказке «Двенадцать из почтовой кареты».) Тематически близка к сказке «Гадкий утенок».

«Муза нового века» (Det nye Aarhundredes Muse) — впервые опубликована в 1861 г. (См. примеч. к сказкам «Двенадцать из почтовой кареты» и «Снеговик».)

Эйвинд — прославленный скальд в свите норвежского короля Хокона Доброго (ум. ок. 960 г.).

Фирдуоси Абулькасим (ок. 940—1020 или 1030) — персидский и таджикский поэт, автор поэмы «Шахнаме» (994).

«Эдда» — памятник древнескандинавской литературы.

«Тысяча и одна ночь» — памятник средневековой арабской литературы.

С. 222. *...писания Моисея.* — В литературной стилизации образа Моисея, начиная с эпохи эллинизма, его часто рассматривают как культурного героя — изобретателя алфавита, философии, государственной мудрости и т.п.

...золотые басни Бидпая. — В памятник санскритской повествовательной литературы «Панчатантра» (ок. 3—4 вв.) наряду со сказками, притчами и новеллами входят также басни, авторство которых приписывается индусу Бидпаю.

...гарибальдийскую шапочку... — Речь идет о шапочках, в виде фески, которые носили сподвижники Джузеппе Гарибальди (1807—1882).

С. 223. *...на птице Рух, созданной Монгольфье...* — Имеется в виду воздушный шар братьев Жозефа (1740—1810) и Этьена Монгольфье (1745—1799), уподобленный Андерсеном мифической птице.

«Песнь о Гайавате» (1855) — эпическая поэма Г.У.Лонгфелло (1807-1882.)

...где звучит колосс Мемнона... — Мемнон, в греческой мифологии сын Эос и Тифона, царь Эфиопии, союзник троянцев в Троянской войне. Одна из двух колоссальных фигур Мемнона, воздвигнутых в египетских Фивах при фараоне Аменхотепе III, была повреждена во время землетрясения и издавала звук, считавшийся приветствим Мемнона своей матери, богине утренней зори.

...из отечества Тихо Браге — т.е. из Дании.

...где возносит свою крону к небу... король лесов — Веллингтоново дерево. — Имеется в виду хвойное вечнозеленое дерево (секвойядедрон гигантский, мамонтово дерево), которому присваивались имена великих личностей. В США его называют вашингтонией в честь первого американского президента Д.Вашингтона, а в Англии — веллингтонией — в честь героя битвы при Ватерлоо английского герцога А.Веллингтона (1769—1852).

...колесница Феспида... — См. примеч. к сказке «Птица Феникс», с. 515.

«Обыкновенные истории» — См. примеч. к сказке «Калоши счастья», с 170.

С. 224. *Гимле* — согласно скандинавской мифологии, светлая и прекрасная небесная обитель, сохранившаяся после гибели богов и всего мира (Рагнарёк) и предназначенная для душ праведников.

«Ледяная дева» (Iisjomfruen) — впервые опубликована в 1862 г. во втором выпуске второго цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками «Мотылек», «Психея» и «Розовый куст». «История “Ледяная дева” была написана в Швейцарии после того, как, неоднократно посетив эту страну, на этот раз, возвращаясь на родину из Италии, я провел в ней более продолжительное время». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 404.)

С. 265. *...сочинил свою поэму о Шильонском узнике...* — Имеется в виду романтическая поэма Д.Н.Г.Байрона «Шильонский узник» (1816), посвященная участнику борьбы горожан Женевы против герцога Савойского, Франсуа Бонивару (1493—1570), находившемуся в заточении в подземельях Шильона с 1530 по 1536 г.

...вынашивая замысел «Элоизы». — Имеется в виду эпистолярный роман Ж.Ж.Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761.)

«Мотылек» (Sommerfuglen) — впервые опубликована в 1861 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «“Мотылек” также написан в Швейцарии. Замысел сказки возник у меня во время прогулки из Монтрё в Шильонский замок». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 404.)

«Психея» (Psychen) — впервые опубликована в 1862 г. (См. примеч. к истории «Ледяная дева».) «Психея» была написана несколькими месяцами реньше, чем «Мотылек». «В основу сказки «Психея» положено событие, случившееся во время моего первого пребывания в Риме в 1833—1834 гг. Когда для погребения одной молодой монахини рыли могилу, то нашли в земле великолепную статую Бахуса». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 404.)

С. 285. *Психея* — в греческой мифологии олицетворение человеческой души. Изображалась в образе бабочки или девушки.

С. 289. *«Miserere...»* — «Miserere mei, Deus...» (Помилуй меня, Боже...) (Пс. 50, 3).

С. 290. *...той самой... головы со змеями вместо волос.* — Имеется в виду голова горгоны, в греческой мифологии женщины-чудовища, превращавшей своим взглядом все живое в камень.

«Улитка и розовый куст» (Sneglen og rosenhaekken) — впервые опубликована в 1862 г. (См. примеч. к истории «Ледяная дева».) «"Улитка и розовый куст" относится к сказкам, затрагивающим кое-что из пережитого мной». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 404.) Написана по следам ссоры с Й.Коллином-младшим во время их совместной поездки в Италию в 1861 г.

«Блуждающие огоньки в городе» (Lygtemaendene ere i Byen, sagde Mosekonen) — впервые опубликована в 1865 г. в третьем выпуске второго цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками и историями «Ветряная мельница», «Серебряная монетка», «Епископ Бёрглумский и его родич», «В детской», «Сокровище», «Как буря перевесила вывески». «Сказка "Блуждающие огоньки в городе" написана под тяжелым впечатлением военных событий». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 404.) Имеется в виду датско-прусская война 1864 г. Блуждающие огоньки — сверхъестественные существа, персонажи датского фольклора, заимствованные Андерсеном из «Датских народных преданий» Тиле.

«Ветряная мельница» (Veirmollen) — впервые опубликована в 1865 г. (См. примеч. к сказке «Блуждающие огоньки в городе».) «У дороги, соединяющей Сорё и Хольстейнборг, стоит мельница. Я часто проезжал мимо нее, и мне всегда казалось, будто она просится в сказку. И вот она в ней появилась. Сказка содержит в себе некоторые верования». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

«Серебряная монетка» (Sølvskillingen) — впервые опубликована в 1862 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». Написана в Ливорно. «Я приплыл туда на пароходе. На борту судна я разменял скудо на мелочь, и мне дали вместе с другими монетками одну фальшивую. Никто не хотел брать ее у меня; сначала это меня огорчало, но потом у меня появилась идея сказки, и так я вернул ею мои деньги». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

«Епископ Бёрглумский и его родич» (Bispen paa Børglum og hans Fraende) — впервые опубликована в 1861 г. в газете «Иллю-

стререт Тиденде». Написана после посещения Андерсеном в 1859 г. Берглумского монастыря, основанного в начале 13 в. и пользовавшегося большим влиянием в Средние века. «Это известное историческое предание о мрачной, жестокой эпохе, которая до сих пор, однако, считается многими прекрасной и желанной, противопоставляющейся здесь нашему, без всяких сомнений, более светлому и счастливому времени». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

С. 325. *Епископ Бёрглумский* — исторический персонаж, епископ Глоб Олуф, живший в 13 в.

С. 327. *Глоб Енс* — герой народного предания.

С. 330. *...но спасательная ракета перебросила мост между тонущим судном и сушей...* — Имеется в виду приспособление, которое во времена Андерсена использовали для переброски спасательного линя.

«В детской» (I Bornestuen) — впервые опубликована в 1865 г. (См. примеч. к сказке «Блуждающие огоньки в городе».)

«Сокровище» (Guldskat) — впервые опубликована в 1865 г. (См. примеч. к сказке «Блуждающие огоньки в городе».) Написана в имении Фрийсенборг. «Лесное уединение, сад, полный цветов, уютные комнаты замка — все это связано в моих воспоминаниях с этой сказкой». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

«Как буря перевесила вывески» (Stormen flytter Skilt) — впервые опубликована в 1865 г. (См. примеч. к сказке «Блуждающие огоньки в городе».) «Все цеховые торжества описаны мной на основе детских впечатлений жизни в Оденсе». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

«Чайник» (Theepotten) — впервые опубликована в 1865 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». Сказка написана в Толедо.

«Птица народных песен» (Folkesangens Fugl) — впервые опубликована в 1865 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 355. *...подобно музыке из волшебного холма, подобно песням Оссиана, подобно шуму крыльев валькирий...* — Речь идет, очевидно, о популярной и по сей день музыке Вайсе к пьесе Й.Л.Хейберга «Волшебный холм» (Elverhøi, 1828.) Оссиан — легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в 3 в.

Валькирии — в скандинавской мифологии воинственные девы, подчиненные Одину и участвующие в распределении побед и смертей в битвах.

«Зеленые малявочки» (De smaa Grønne) — впервые опубликована в сборнике К.Винтера «Новые произведения. Проза и стихи датских писателей» (1868). «“Зеленые малявочки”, так же, как и “Пейтер, Петер и Пер” написаны на вилле “Отдохновение”. Они возникли как-то сразу благодаря хорошему и радостному настроению, которое дарит нам жизнь в счастливой семье» (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.) На этой вилле, принадлежавшей М.Мельхиору и расположенной неподалеку от Копенгагена в живописной местности на берегу пролива Сунд, писатель подолгу жил и там же скончался.

«Домовой и хозяйка» (Nissen og madamen) — впервые опубликована в 1868 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «Сказка основана на народном поверье о домовом, дразнящем цепную собаку». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 405.)

С. 360. *...Земля прелестна, обладайте ею, так нам было заповедано...* — Библейская аллюзия: «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Бытие 3, 23).

«Пейтер, Петер и Пер» (Peiter, Peter og Peer) — впервые опубликована в 1866 г. в газете «Figaro». (См. примеч. к сказке «Зеленые малявочки».)

«Сокрыто — не забыто» (Gjemt er ikke glemt) — впервые опубликована в 1866 г. в четвертом выпуске второго цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками и историями «Сын привратника», «День переезда», «Подснежник», «Тетушка» и «Жабенок». «В сказке “Сокрыто — не забыто” объединены три картины. Первая взята из народного предания, представленного в сборнике Тиле. В нем рассказывается о госпоже, которую разбойники посадили на цепь вместо дворовой собаки. Я добавил от себя только то, как она спаслась. Вторая картина связана с событиями нашего времени, происходившими в Хольстейнборге. В третьей изображена бедная, удрученная горем девушка, которую я также нарисовал с натуры: все, о чем здесь сказано, я слышал из ее собственных уст». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 406.)

«Сын привратника» (Portnerens Son) — впервые опубликована в 1866 г. (См. примеч. к истории «Сокрыто — не забыто».) «Сказка “Сын привратника” содержит много черт, взятых прямо из жизни». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 406.)

С. 388. *...получил звание профессора, пятый класс под восьмым нумером.* — Как и чиновники, профессора Академии изящных искусств имели классные чины и получали государственное денежное жалование.

С. 395. *«День переезда»* (Flyttedagen) — впервые опубликована в 1860 г. в газете «Иллюстререт Тиренде». Имеется в виду старый копенгагенский обычай переезжать с квартиру на квартиру в определенные дни года, первого сентября или первого марта.

С. 399. *...об иерусалимском башмачнике...* — Имеется в виду персонаж христианской легенды Агасфер, отказавший Христу в отдыхе во время его страдальческого пути на Голгофу. За это самому Агасферу было отказано в покое могилы.

С. 400. *Коннетабль* — во Франции с 12 в. военный советник короля, с XIV по XVI вв. — главнокомандующий армией.

«Подснежник» (Sommergjaekken) — впервые опубликована в 1863 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 405. *Стуб Амбросиус* (1705—1758) — датский поэт, автор проникновенных стихов о любви.

«Тетушка» (Moster) — впервые опубликована в 1866 г. (См. примеч. к истории «Сокрыто — не забыто».) «“Тетушку” я знавал в лице многих особ. Все они теперь мирно покоятся в могилах». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 406.)

С. 406. *«Моисей», «Иосиф и его братья» — теперь это оперы!* — «Моисей» — опера итальянского композитора Д.Россини (1792—1868). Поставлена в Королевском театре в 1843 г. «Иосиф и его братья в Египте» — комическая опера на библейский сюжет, поставленная в Королевском театре в 1816 г.

«Семейство Рикбур» — драма французского драматурга Э.Скриба (1791—1861).

С . 408. *Уголино* — герой одноименной трагедии (1768) немецкого драматурга Г.В.фон Герстенберга (1737—1823).

С. 409. *«Соломонов суд»* — пьеса французского драматурга Л.Ш.Кенье.

С. 410. *«Герман фон Унна»* — пьеса шведского драматурга А.Ф.Шельдебрандта, поставленная в Королевском театре в 1800 г.

С. 411. *«Волшебная флейта»* (1791) — опера Моцарта (1756—1791), поставленная в Королевском театре в 1826 г.

«Жабенок» (Skrubtudsen) — впервые опубликована в 1866 г. (См. примеч. к истории «Сокрыто — не забыто».) Замысел сказки возник у автора во время пребывания в Португалии. «У одного из глубоких колодцев (...) я увидел большую отвратительную жабу. Когда я вгляделся в нее, то обратил внимание на ее умные глаза и сразу же придумал сказку. Позднее, возвратившись в Данию, я записал ее, сообщив ей чисто датский колорит». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 406.)

С. 414. *Зато у одного из них самоцвет в голове...* — По народному поверью, в голове жабы может быть скрыт драгоценный камень.

С. 420. *Взять, к примеру, Эзопа или Сократа!..* — Согласно преданиям, баснописец Эзоп и философ Сократ отличались уродливой внешностью.

«Книга крестного» (Gudfaders Billedbog) — впервые опубликована в 1868 г. в газете «Иллюстререт Тиденде». Идею этой истории подсказал Андерсену археолог Томсен. В Париже он смотрел народную комедию об истории французской столицы и посоветовал Андерсену написать что-то подобное, только «более поэтичное и на национальном материале». «Я долго трудился над пьесой, однако замысел оказался для меня слишком обширным, и вряд ли, даже если б я его осуществил, подобную пьесу можно было бы поставить на такой маленькой сцене, как в “Казино”, и с такой небольшой актерской труппой. Поэтому я отказался от этого замысла, но позднее использовал саму идею для создания книги-альбома, в которую вклеивал рисунки, собранные отовсюду, и сопровождал их короткими надписями. Получилась связная история “Ворвань и газ, или Житье-бытье Копенгагена”». Позже эта история под названием «Книга крестного» без рисунков и в сокращенном виде была напечатана в «Иллюстререт Тиденде» (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 407.) Наряду с собственными стихотворениями, которые Андерсен использовал в качестве надписей к рисункам для своей книги, в истории цитируются сихотворения некоторых крупных датских поэтов.

С. 423 *«Летучая почта»* (Den flyvende Post) — популярный еженедельный литературный журнал, который в 1827—1828 гг. и в 1830—1834 гг. редактировал Й.Л. Хейберг.

С. 424. *Адский конь* — персонаж народных поверий (См. примеч. к сказке «Волшебный холм».)

С. 430. *Абсалон.* — См. примеч. к сказке «Маленький Тук», с. 467.

...Акселева твердыня. — Имеется в виду замок, воздвигнутый в 1167 г. Абсалоном и положивший начало строительства Копенгагена.

С. 431. *«Русалок обитель с водами ясными...»* — строки из стихотворения Н.Ф.С. Грундтвига «Копенгаген» (1841).

С. 432. *Епископ Эрландсен* (ум. в 1254) — епископ в Роскилле, настроенный враждебно по отношению к королю Кристоферу I.

Кристофер I — датский король, правивший с 1252 по 1259 г.

С. 433. *Вальдемар IV Аттердаг.* — См. примеч. к сказке «Маленький Тук», с. 458.

Ганзейцы — немецкие купцы. По преданию, ими был украден золотой флюгер (в форме гуся) с Вальдемаровой башни (близ города Вординборга), в котором они видели насмешку над ними: «Gans — Hanse».

Эрик VII Померанский — датский король, правивший с 1412 по 1439.

Филиппа Английская (ум. 1430) — королева Дании, жена короля Эрика VII Померанского.

С. 434. *Кристиан I* — датский король, правивший с 1448 по 1481 г.

...Миккелевы «Дева Мария с четками» и возвышенные библейские стихи, «Лечебник» Хенрика Харпестренга и «Датская рифмованная хроника» брата Нильса из Сорё... — Миккель. — Речь идет, очевидно, о священнике и поэте Микаэле Николаи (ум. между 1596 и 1514), авторе религиозных стихов «Дева Мария с четками» (опубл. 1515), «О сотворении мира и человека» (опубл. 1515) и др. Харпестренг Хенрик — врач и священник в Роскилле, автор первого датского медицинского справочника «Лечебник» (1244). Брат Нильс — священник из Сорё, автор первого исторического описания Дании «Датская рифмованная хроника» (1477).

Гемен Готфред ван — См. примеч. к сказке «Калоши счастья», с. 166.

С. 435. *Ханс* — датский король, правивший с 1481 по 1513.

Король Кристиан. — Имеется в виду датский король Кристиан II — См. примеч. к истории «Тернистый путь славы», с. 651. Попытки ограничить власть крупных феодалов и провести в стране реформы, а также неверные внешнеполитические действия привели Кристиана II к потере короны.

С. 436. *Фредерик I Кильский* — датский король, правивший с 1523 по 1533.

С. 437. *Курфюрстина Бранденбургская* (1487—1514) — жена короля Дании Фредерика I Кильского.

«О, неизбывна скорбь тех слов...» — строки из стихотворения Ф.Палудана-Мюллера «Король Кристиан» (1832).

Сёрен Норбю (ум. 1530) — адмирал, один из сподвижников короля Кристиана II.

С. 438. *Кристиан III* — датский король, правивший с 1534 по 1559.

Дидрик Слагхек — священник, один из советников короля Кристиана II, казненный в 1522 г.

С. 439. *Таусен Х.* (1495—1561) — деятель Реформации в Дании, переведший на датский язык Ветхий Завет и издавший сборник лютеранских проповедей.

«*Из Биркенде был мальчуган тот родом...*» — строки из стихотворения Ингеманна «Ханс Таусен» (1864).

Палладиус Петр (Педер Пладе) (1503—1560) — первый протестанский епископ Зеландии, профессор теологии Копенгагенского университета.

«Покуда в Акселевой гавани студент...» — строки из стихотворения П.М.Мёллера «Студенческая песня» (1821).

С. 440. *Кристиан IV* — датский король, правивший с 1588 по 1648 г. (См. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 442.)

С. 441. *...Леонора, любимая дочка Кристиана IV ...* — См. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 442.

С. 442. *Оксе Педер* (1520—1575) — государственный деятель, министр финансов в кабинете Кристиана III, изгнанный из страны и вернувшийся на родину лишь при Фредерике II.

Люкке Кай (1625—1699) — знатный дворянин, приговорный к смерти за оскорбление королевы Софии Амалии (1628—1685), бежавший из страны и вернувшийся в Данию в 1685 г.

С. 443. *«Обет, супугу данный, верно я блюла...»* — строки из стихотворения К.Вильстера «Элеонора Ульфельдт» (1827).

Карл X Густав — король Швеции, пытавшийся в Первую северную войну (1655—1660) разгромить Данию и присоединить ее к Швеции.

С. 444. *Кристиан V* — датский король, правивший с 1670 по 1699.

Кинго Т. (1634—1703) — крупнейший поэт датского барокко.

Гриффенфельдт — См. примеч. к истории «Тернистый путь славы», с. 651.

С. 445. *«Мункхольм — Святой Елены остров для датчан».* — Строка из заключительного четверостишья стихотворения К.Плоуга «Педер Гриффенфельдт» (1868).

Фредерик IV — датский король, правивший с 1699—1730.

...имена Сехестеда и Гюлденлёве... — Речь идет о датских адмиралах Сехестеде Кристиане Томесене (1664—1736) и Ульрике Кристиане Гюльденлёве (1678—1719), прославившихся в сражениях времен Великой северной войны (1700—1721).

...Витфельдта ...Торденскьольда — Витфельдт И. — См. примеч. к «Сказкам и историям» Андерсена, с. 426. Торденскьольд П. Я. (1691—1720) — морской офицер норвежского происхождния, герой сражения со шведами в заливе Дюнекилен 8 июля 1716 г.

С. 445. *«Огонь небес пронизал персть земную...»* — строки из стихотворения К.Плоуга «Педер Торденскьольд» (1868).

С. 447. *«Он вихрем могучим обрушил глагол...»* — строки из стихотворения К.Вильстера «Людвиг Хольберг» (1827.)

Фредерик V — датский король, правивший с 1746 по 1766 г.

Гретри А.Э.М. (1741 или 1744—1813) — французский композитор бельгийского происхождения, мастер французской комической оперы XVIII в.

Лондеманн Г. (1718—1734) — датский актер-комик.

С. 448. *Луиза Английская* (1724—1751) — королева Дании, жена короля Фрелдерика V.

Эвальд Й. (1743—1781) — поэт датского предромантизма.

Хартманн И.П.Э. (1805—1900) — датский композитор, продолжавший музыкальные традиции К.Э.Ф.Вайсе. В своих сочинениях не раз обращался к текстам Андерсена.

Каролина Матильда Английская (1751—1775) — жена короля Кристиана VII (1749—1808), с которым была разведена в 1772 г. Последние три года жизни провела в тюрьме.

...стоял позорный камень... — речь идет об установленном в 1663 г. на месте разрушенного дома У.Корфица (см. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 430) позорном столбе, который был убран в 1842 г.

...был воздвигнут столп... — Речь идет о «Столпе свободы» — монументе, воздвигнутом в Копенгагене в 1792 г. в ознаменование отмены крепостного права.

Кронпринц Фредерик — впоследствии король Дании Фредерик VI, правивший с 1808 по 1839 г.

...имена Бернсторфа, Ревентлова, Кольбьёрнсена ... — Бернсторф А.П. (1735—1797) — министр иностранных дел, Ревентлов К.Д. (1748—1827) — глава налоговой палаты, Кольбьёрнсен К. (1749—1814) — генеральный прокурор, юридический советник Датской канцелярии — государственные деятели Дании, с именами которых в первую очередь связано проведение «великих реформ» 1784—1800 гг.

С. 449. *«Старинная дорога есть у нас...»* — строки из стихотворения Н.Ф.С.Грундтвига «Второе апреля» (1801).

«Твердо стояли и непреклонно...» — строки из стихотворения В.Х.Ф.Абрахамсона «Покойтесь в мире», посвященного павшим в сражении 2.4.1801 г. (1801).

С. 450. *«И флот на Копенгаген путь держал...»* — строки из стихотворения К.Баггера «Английский капитан» (1830).

Эйнхерии — любимые сыны Одина, развлекающиеся в Валгалле единоборствами, в которых ранят и даже убивают друг друга, но потом опять воскресают.

«Наш верил издавна народ...» — строки из стихотворения Андерсена «Утешение в вере» (1864).

С. 451. *«..Для молний мысли мост...»* — строки из стихотворения Андерсена, посвященного Х.К.Эрстеду. Опубликовано посмертно в 12 т. «Собрания сочинений» Андерсена (1876—1880).

«Лоскутья» (Laserne) — впервые напечатана в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк». «Сказка "Лоскутья" написана гораздо раньше "Книги крестного". Норвежская литература тогда еще не отличалась такой свежестью, значением и разнообразием, как сейчас. Мунк только начал писать. Бьернсон, Ибсен, Юнас Ли, Магдалене Торесен еще не были известны. Но норвежцы уже стали с пренебрежением отзываться о датских писателях, даже таких, как Эленшлегер. Это рассердило меня, и мне захотелось тоже высказаться в каком-нибудь небольшом произведении. Так я и поступил следующим летом во время длительного пребывания в Силькеборге в гостях у бумажного фабриканта Микаэля Древсена. Там я ежедневно видел перед фабрикой большие тюки тряпичных лоскутьев, которые привозили отовсюду. Я написал сказку "Лоскутья". Ее сочли забавной, однако сам я находил в ней больше пчелиного яда, чем меда поэзии, и поэтому отложил ее в сторону. Много лет спустя, когда сатира — если таковая там есть — утратила свою актуальность, я снова вернулся к этой сказке». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 407—408.)

«Вен и Глен» (Vaenø og Glaenø) — впервые опубликована в 1867 г. в газете «Фигаро». «Сказка возникла из произнесенного мною тоста за обедом в Хольстенборге, где собрались инженеры из Копенгагена, чтобы обсудить проект строительства плотины, соединяющей остров Глэн с Зеландией». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 407—408.)

«Кто самая счастливая?» (Hvem var den Lykkeligste?) — впервые опубликована в 1868 г. в газете «Иллюстререт Тиденде».

«Дриада» (Dryaden) — вышла отдельным выпуском в 1868 г. Весною 1867 г. Андерсен посетил Всемирную выставку в Париже. «К моему приезду главное здание выставки было возведено. И хотя не все еще было закончено, выставка производила сильное и неизгладимое впечатление. Все французские и иностранные газеты сообщали об этом великолепии. Один датский корреспондент уверял, что только Чарльзу Диккенсу было бы по силам описать происходящее. Между тем мне показалось, что и я мог бы справиться с этой задачей. (...) Воодушевленный этой мыслью, я однажды увидел на площади перед гостиницей, где я жил, вырванное с корнями из земли каштановое дерево. Рядом с ним на телеге лежало молодое свежее деревце, привезенное этим утром из деревни для

посадки. Идея сказки о парижской выставке была заключена в этом молодом деревце. Дриада кивнула мне. День за днем — во время пребывания в Париже и после возвращения в Данию — в моих мыслях возникала история жизни Дриады в связи с описанием Всемирной выставки. Последнюю, однако, я не видел целиком, и чтобы нарисованная мной картина была правдивой и полной, мне пришлось еще раз посетить выставку. Поэтому я был там снова уже в сентябре. После возвращения в Копенгаген я окончил сказку и посвятил ее своему старому другу, писателю Тиле» (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 408—409.)

С. 467. *Жанна д'Арк, Орлеанская дева* (ок. 1412—1431) — народная героиня Франции. *Корде Шарлотта* (1768—1793) — французская дворянка, заколовшая кинжалом вождя якобинцев Ж.П.Марата. *Генрих IV* (1553—1610) — французский король, глава гугенотов во время Религиозных войн.

С. 471. *Густав I Васа* (1496—1560) — король Швеции.

С. 476 *Нотр-Дам* — Собор Парижской Богоматери.

Вандомская колонна — воздвигнута в 1806 г. в Париже в честь побед Наполеона I. Согласно декрету Парижской коммуны 1871 г. была разрушена как символ милитаризма. Восстановлена в 1875 г.

С. 479. *Орфей* — в греческой мифологии певец, очаровывавший своим пением богов и людей, укрощавший дикие силы природы. Прекрасная Елена — в греческой мифологии дочь Зевса и Леды, жена царя Спарты Менелая, славившаяся необычайной красотой.

С. 484 *...в волшебном саду Армиды?* — Имеется в виду волшебный сад коварной красавицы Армиды (по имени героини поэмы Т.Тассо «Освобожденный Иерусалим», 1580).

«Предки птичницы Греты» (Hønse-Grethes Familie) — впервые опубликована в 1870 г. в сборнике «Три новых сказки и истории» вместе со сказками «История чертополоха» и «Чего только люди не придумают». Создана на основе исторических сведений, которые писатель почерпнул главным образом в «Послании» Л.Хольберга. (См. Epistel 89 // Holberg L. Epistler, 1748—1754.) «Однажды я случайно прочитал кое-какие исторические заметки о знатной девице Марии Груббе, которая сначала была женой сводного брата короля Христиана V, Ульрика Фредерика

Гюльденлёве, затем одного ютландского помещика, наконец, нищего матроса, оказавшегося впоследствии на каторге. Сама же она закончила свои дни паромщицей на острове Фальстер. В заметках была ссылка на «Послания» Хольберга. В них Хольберг рассказывает о том, как он, молодым студентом, бежал из Копенгагена, когда в городе разразилась эпидемия чумы, на остров Фальстер и жил там у паромщицы, матушки Сёрен Сёренсен Мёллер, некогда знатной девицы Марии Груббе. Здесь был богатый материал для художественного произведения. В “Датском атласе” и “Народных преданиях” Тиле я нашел дополнительные сведения и написал историю “Предки птичницы Греты”. (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 409.)

С. 492. *Груббе Эрик* (1605—1692) — рыцарь, представитель древнего дворянского рода.

С. 495. *...на деревянной кобыле...* — См. примеч. к истории «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях», с. 71.

С. 496. *Гюльденлёве Ульрик Фредерик* (1638—1704) — граф, внебрачный сын короля Фредерика III, наместник короля в Норвегии.

С. 499. *Дюре Палле* — помещик (убит в 1707).

С. 501. *«Коллегия Борка»* — жилое помещение, построенное в 1689 г. по инициативе профессора О.Борка (1626—1690), которое бесплатно предоставлялось 16 выпускникам университета, преимущественно богословам.

С. 503. *Франк Ножовщик и Сиверт Таможенник* — персонажи комедии Хольберга «Оловянщик-политикан» (1722).

С. 504. *Кай Люкке.* — См. примеч. к истории «Книга крестного», с. 440.

«История чертополоха» (Hvad Tidselen oplevede) — впервые опубликована в 1870 г. (см. примеч. к истории «Предки птичницы Греты».) «Поводом для создания “Истории чертополоха” прослужило не что иное, как увиденный мной в поле близ Баснеса настолько великолепный экземпляр этого растения, что мне захотелось изобразить его в своей сказке». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 410.)

«Чего только люди не придумают» (Hvad man kan hitte paa) — впервые опубликована в 1870 г. (См. примеч. к истории «Предки птичницы Греты».) «В основе сказки лежат мои собст-

венные жизненные впечатления» (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 410.)

С. 514. *Лупи по писателям, как по бочке...* — Намек на старинный обычай, когда во время празднования масленицы разбивали бочку. (См. примеч. к сказке «Двенадцать из почтовой кареты», с. 187.)

«Свое счастье можно найти хоть в обломке дерева» (Lykken kan ligge i en Pind) — впервые опубликована в 1870 г. в четвертом томе сборника «Романтизм и история». Замысел истории возник у Андерсена летом 1868 г. в Швейцарии. «Там я услышал рассказ о бедном токаре, который решил заменить застежку от своего зонтика, которая часто расстегивалась. Он выточил из дерева новую застежку в форме груши, которая была намного лучше прежней, и сделал такие же для зонтиков своих соседей. Вскоре к нему стали поступать заказы из многих городов и сел, и через несколько лет он стал богатым человеком. Этот случай лег в основу истории "Свое счастье можно найти хоть в обломке дерева". (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

«Комета» (Kometen) — впервые опубликована в 1869 г. в сборнике «Идеальное и реальное». История основана на личных воспоминаниях А. «Уже в зрелом возрасте мне довелось вновь увидеть комету, которую я видел в детстве. Мне показалось, будто я видел ее впервые только вчера, а между тем между этими двумя вечерами уже лежал длинный ряд лет и воспоминаний». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

С. 522. *Вильгельм Телль* — герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарцев против Габсбургов в XIV в. Прекрасный стрелок из лука, он был принужден У.Геслером (габсбургским должностным лицом) сбить стрелой яблоко с головы собственного сына. Выполнив это, Телль убил Геслера, что послужило сигналом к народному восстанию.

Пальнатоке — датский народный герой, послуживший прообразом главного действующего лица одноименной трагедии (1807) Эленшлегера.

Кнуд (Кнут) *Святой.* — См. примеч. к истории «Колокольная бездна», с. 54.

Абсалон. — См. примеч. к истории «Маленький Тук», с. 467.

«Дни недели» (Ugedagene) — впервые опубликована в 1869 г. в альманахе «Сувенир». «"Дни недели" написаны экспромтом, в ответ на просьбу рассказать историю о днях недели». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

«Истории солнечного света» (Solskins-Historier) — впервые опубликована в 1869 г. в альманахе «Фра нордиске дигтере. Ит альбум». «В "Историях солнечного луча" под получившими дары счастья подразумеваются некоторые выдающиеся люди нашей страны». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

«Прадедушка» (Oldefa'er) — впервые опубликована в 1870 г. во втором томе сборнике «Идеальное и реальное». «История написана после беседы с Х.К.Эрстедом о "старом и новом времени"». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

С. 535. *...о датском кронпринце, отменившем работорговлю.* — Речь идет о кронпринце Фредерике (с 1808 г. король Фредерик VI), запретившем в 1792 г. своим указом работорговлю в датских колониях.

«Две свечи» (Lysene) — впервые опубликована в 1871 г в сборнике «Ден ное Альманак». «"Свечи" — это маленькая история, взятая из жизни». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

«О самом невероятном» (Det Utroligste) — впервые опубликована в журнале «Нют данске монедскрифт». «Источниками историй "О самом невероятном" и "Что говорили в семье все" послужили действительные события». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

С. 543. *...и нам предстал Моисей на горе, он писал на скрижалях первую заповедь...* — См. примеч. к «Истории года», с. 547.

«Что говорили в семье все» (Hvad hele Familien sagde) — впервые опубликована в 1871 г. в четвертом томе сборника «Романтизм и история». (См. примеч. к истории «О самом невероятном».)

«Ну-ка, кукла, попляши!» (Danse, danse Dukke min) — впервые опубликована в 1872 г. в газете «Иллюстререт бёрнеблад».

«Большой морской змей» (Den store Søslange) — впервые опубликована в 1871 г. в газете «Иллюстререт Тиденде». «Принадлежит, как и "Дриада", к современным сказкам. Научные открытия и изобретения наших дней дают богатый материал для творчества.

На это мне открыл глаза Х.К.Эрстед». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

С. 563. *Змей Мидгарда* — См. примеч. к сказке «Дочь болотного короля», с. 35.

«Садовник и господа» (Gartneren og Herskabet) — впервые опубликована в 1872 г. в первом выпуске третьего цикла «Сказки и истории. Новый сборник», вместе со сказками и историями: «Свое счастье можно найти хоть в обломке дерева», «Комета», «Дни недели», «Истории солнечного луча», «Прадедушка», «Кто самая счастливая?», «Свечи», «О самом невероятном», «Что говорили в семье все», «Ну-ка, кукла, попляши!», «Спроси тетку с Амагера», «Большой водяной змей». «Содержание истории “Садовник и господа”, как мне кажется, взято прямо из современной жизни, чем, очевидно, и объясняется ее успех у читателей». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 411.)

«Блоха и профессор» (Loppen og Professoren) — впервые опубликована в 1873 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

С. 579. *...Монгольфьер...* — Намек Андерсена на французских изобретателей воздушного шара, братьев Монгольфье.

«О чем рассказывала старая Иоханна» (Hvad gamle Johanne fortalte) — впервые опубликована в 1872 г. во втором выпуске третьего цикла «Новых сказок и историй» вместе со сказками и историями «Ключ от ворот», «Убогонький», «Тетушка Зубная боль». «В детстве я встречал в Оденсе человека, похожего на скелет, желтого, сморщенного — одни кожа да кости! Старушка, часто рассказывавшая мне сказки и истории о привидениях, объяснила, почему он выглядел таким жалким. (...) Этот рассказ произвел на меня глубокое впечатление, и я воспользовался им для истории “О чем рассказывала старая Иоханна”». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 413—414.)

«Ключ от ворот» (Portnøglen) — впервые опубликована в 1872 г. (См. примеч. к истории «О чем рассказывала старая Иоханна».) «В истории “Ключ от ворот” я воспользовался кое-какими деталями из области суеверия (....) Посещение же советника лавочником и художественная одаренность Лотты-Лизы взяты прямо из жизни». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 414.)

С. 597. *Святой Петр.* — В христианских преданиях один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа. Обычно

изображается с врученными ему Христом ключами (от райских и адских ворот).

С. 599. *Фредерик VI* — См. примеч. к сказке «Калоши счастья», с. 426.

Тиволи — увеселительный парк в центре Копенгагена, открыт в 1843 г.

С. 599. *Казино* — первый частный театр Копенгагена, открывшийся в 1848 г. и просуществовавший до 1939 г. В нем ставились так называемые народные комедии (феерические представления с острой, часто сказочной интригой).

Фредериксборг — королевский замок в итальянском стиле, возведен в 1699 г. королем Фредериком IV.

«Арлекин — старшина молотильщиков» — пантомима итальянского актера и руководителя театра Д.Касорти (1749—1826). Его театр пантомимы выступал в Копенгагене в Тиволи и выезжал на гастроли в другие города Дании.

С. 604. *«Дювеке»* — См. примеч. к сказке «Кукольник», с. 177.

«Обхождение с людьми» (1788) — роман немецкого писателя А.Книгге (1752—1796).

«Убогонький» (Kroblingen) — впервые опубликована в 1872 г. (См. примеч. к истории «О чем рассказывала старая Иоханна».) «История "Убогонький" — одна из последних, а, возможно, и последняя из написанных мной. Поскольку, на мой взгляд, она принадлежит к числу лучших и является своего рода прославлением сказочного творчества, то, пожалуй, могла бы подходящим образом завершить все собрание». (См. Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 414.)

С. 612. *«И короли, во славе их...»* — строки из псалма Брорсона.

С. 619. *...что расслабленный встает и ходит...* — Библейская аллюзия. «И приводили к нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их». (Евангелие от Матфея 4, 24.)

«Тетушка Зубная боль» (Tante Tandpine) — впервые опубликована в 1872 г. (См. примеч. к истории «О чем рассказывала старая Иоханна».) «Между тем последней моей сказкой оказалась "Тетушка Зубная боль"». (Bemaerkninger til «Eventyr og historier», s. 415.)

С. 626. *...именно так поступал Жан Поль...* — Имеется в виду немецкий писатель Йоганн Пауль Фридрих Рихтер (1763—1825).

ДОПОЛНЕНИЯ

«*Потонувший монастырь*» (Det sjunkne Kloster) — впервые опубликована в 1831 г. в газете «Ню репорториум фор Морскабслеснинг». Сказка создана на основе народного предания из сборника немецкого писателя Ф.Готшалька «Предания и народные сказки немцев» (1814).

«*Бедная женщина и маленькая канарейка*» (Den fattige Kone og den lille Canariefugl) — впервые опубликована в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К.Андерсена», изданных Э.Далем и Э.Кристенсеном. (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5.)

«*Басня-то на тебя намекает!*» (Det er dig, Fabelen sigter til!) — впервые опубликована в 1836 г. в газете «Dansk folkeblad» вместе с двумя последующими сказками: «Талисман» и «Старый-то Бог жив еще!» под общим заголовком «Короткие истории» (Smaa Historier.) Все они являются обработкой рассказов неизвестного немецкого автора.

«*Талисман*» (Talismanen) — впервые опубликована в 1836 г. в газете «Данск фолькеблад» (См. примеч. к сказке «Эта басня сложена про тебя!»).

«*Старый-то Бог жив еще!*» (Den gamle Gud lever endnu!) — впервые опубликована в 1836 г. в газете «Данск фолькеблад» (См. примеч. к сказке «Эта басня сложена про тебя!»).

[Темпераменты] ([Temperamenter]) — впервые опубликована в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К.Андерсена». (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5.)

«*Картошка*» (Kartoflerne) — впервые опубликована в ежегоднике «Anderseniana» (1952).

С. 651. *...прусского короля, прозванного Старый Фриц...* — Речь идет о Фридрихе II (1712—1786) из династии Гогенцоллернов, прусском короле с 1740 г.

«Урбан» (Urbanus) — впервые опубликована в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К.Андерсена». (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5.)

С. 653. *«Перед очами Господа тысяча лет, как один день, когда он прошел, и как стража в ночи»*. — Неточная цитата из Библии. Автор ошибочно приписывает апостолу Павлу слова апостола Петра: «...что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день». (Втор. Посл. 3, 8.)

«Яблоко» (AEblet) — впервые опубликована в 1959 г. во 2 томе издания: «Переписка Х.С.Андерсена с Хенриеттой Вульф». (H.C.Andersen og Henriette Wulff. En Brevveksling, bd. II. Ved H.Topsoe-Jensen. I-III. Odense. 1959—1960).

«Говорят!» (Man siger!) — впервые опубликована в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К.Андерсена». (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5.)

«Наш старый школьный учитель» (Vor gamle Skolemester) — впервые опубликована в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К. Андерсена». (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5.)

С. 662. *Вильгельм Телль*. — См. примеч. к истории «Комета», с. 520.

Пальнатоке. — См. примеч. к истории «Комета», с. 520.

С. 663. *...думал о библейском Самсоне, который жил в незапамятные времена...* — Самсон — герой ветхозаветных преданий, отличавшийся необычайной физической силой и совершивший множество подвигов.

...побьет обывателей-филистимлян их же челюстью ослиной! — Один из подвигов Самсона — победа над тысячью воинов-филистимлян, которых он поразил поднятой с земли ослиной челюстью (Суд. 15, 15).

Далила — филистимлянка, возлюбленная Самсона и виновница его гибели. Выведав у Самсона, что сила покинет его, если остричь ему волосы, она открыла его тайну филистимлянам, которые остригли «семь кос головы» спящего (Суд. 16, 17—19).

«Вельможные карты» (Herrebladene) — впервые опубликована в 1909 г. в журнале «Юлебоген».

«Квак» (Qvæk) — впервые опубликована в 1926 г. газете «Берлингске Тиденде».

С. 673. *Недаром в датском языке даже буква есть — лягушка называется!* — Имеется в виду буква «æ», очертаниями напоминающая лягушку.

[Писарь] ([Skrevere]) — впервые опубликована в 1926 г. в газете «Берлингске Тиденде».

«Датские народные легенды» (Danish popular legends) — впервые опубликована в 1870 г. в США, в журнале «The Riverside Magazin for Young People». На датском языке — в 1967 г. в 5-м томе «Сказок Х.К.Андерсена» (H.C.Andersens Eventyr. Kritisk udg. ved Erik Dal og Erling Nielsen. Bd. 1—5).

С. 676. *...предание о фарумском церковном колоколе...* — Речь идет о народном предании, которое легло в основу стихотворения «Колокол в Фаруме» датского поэта К.Бойе (1791—1853).

С. 677. *Вендельбо Поуль* (1686—1740) — историческое лицо, датский офицер и государственный деятель. Находясь на военной службе в русской армии, участвовал в сражении под Полтавой (1709.) В 1711 г. получил дворянское звание под именем Лёвенёрн (Лев-Орел).

С. 678. *Виндинг Ингеборг* (1686—1734) — жена П.Вендельбо.

С. 679. *...повторили псалом «Господь крепость моя».* — Неточная цитата: «Господь — крепость жизни моей...» (Пс. 26.)

Том третий
СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ
(MIT LIVS EVENTYR)

Над датской версией автобиографии «Сказка моей жизни» Х.К.Андерсен работал в период с 1852 по 1854 г. В начале марта 1852 г. он решил написать ее для собрания сочинений, которое предполагал издать у себя на родине в 1854 — 1855 гг. 23 апреля 1853 г. Андерсен записал в дневнике: «Заключил договор с Рейцелем на издание 4000 экземпляров иллюстрированных сказок и 2000 — "Собрания сочинений"». Летом 1853 г. он дважды (14 июня и 17 августа) сообщает Э.Коллину, что работает над новой автобиографией для собрания сочинений. Дневниковая запись от 18 мая: «Закончил "Сказку моей жизни"». В письме издателю К.Лорку 3 октября 1854 г. писатель объясняет причины, побудившие его взяться за перо: «После возвращения домой я прилежно работал над датским изданием "Сказки моей жизни". Немецкое издание является, собственно, его основой, оно использовано полностью. Но Вы сами помните, что оно писалось за границей, в Италии и у Пиренеев, и мне не на что было опереться, кроме моей памяти. Сейчас же, напротив, у меня под руками письма и заметки, я не ограничен временем для работы и надеюсь создать "новую и лучшую жизнь", и то, что в немецком издании — набросок, здесь предстанет законченным целым. Книга будет вдвое больше вышедшей у Вас. Она будет так же состоять из двух частей и увидит свет, если на то будет воля Господа, в июне 1854 г. Мне кажется, что материал, добавленный мной в книгу, заинтересует также читателей в Германии и Англии». (Цит. по: Topsoe-Jensen. Indledning // H.C.Andersen. Mit Livs Eventyr. København.

1996, s. 9.) В июле 1855 г. книга была опубликована под названием «Сказка моей жизни» в 21 и 22 тт. «Собрания сочинений» Х.К.Андерсена. Однако она не стала итоговым автобиографическим произведением писателя. В 1868 г. к Андерсену обратился его американский издатель, намеревавшийся издать «Собрание сочинений» писателя в США, с предложением дополнить уже существующую «Сказку моей жизни» рассказом о событиях последних тринадцати лет. Андерсен с готовностью принял это предложение, и в 1871 г. в Нью-Йоркском издательстве увидело свет «Дополнение» к «Сказке моей жизни», охватывающее период жизни писателя с 1855 по 1867 гг. Работы над автобиографией писатель не прекращал до своих последних дней, собираясь довести повествование вплоть до 1875 г.

В Дании «Дополнение» к «Сказке моей жизни» появилось уже после смерти великого сказочника. Книгу подготовил к печати внук Й.Коллина, Й.Коллин-младший, опубликовав заключительную часть рукописи «Сказки моей жизни», которую Андерсен незадолго до смерти подарил его отцу. Писатель намеревался доработать ее, но на это у него уже не хватило сил. В 1877 г. «Дополнение» было издано отдельной книгой, а позднее в качестве заключительной части «Сказки моей жизни» вошло в состав «Собрания сочинений» Андерсена 1876—1880 гг.

Перевод «Сказки моей жизни» выполнен по изданию: H.C. Andersen. Mit livs Eventyr. Kobenhavn. 1951.

С. 5 *...гроб с останками графа Трампе.* — Андерсен ошибся: граф А.Ф.Трампе, руководивший в 1798—1801 гг. театром в Оденсе, покончил собой в 1807 г. Сообщение о его смерти появилось в газете «Фюенс Стифтстиденде» 17 сентября 1807 г.

Хольберг Л. — См. примеч. к сказке «Хольгер датчанин», с. 431.

С. 6. *...французский эмигрант Гомар...* — Н.Гомар родился в 1746 г. во Франции, с 1768 по 1777 г. — рекрут в датской армии, впоследствии преподаватель французского и парикмахер в Оденсе, последние годы жизни служил в больнице Оденсе сторожем и был близким знакомым семьи Андерсена.

С. 6. *...читал «Чудака» Лафонтена, комедии Хольберга и «Тысячу и одну ночь».* — Роман немецкого писателя А.Лафонтена «Чудак» вышел в переводе на датский в 1797 г. (2 изд. — в 1802 г.). Сказки «Тысяча и одна ночь» переводились на датский

язык дважды, в 1757—1758 гг. — с французского и в 1813—1817 гг. — с немецкого.

С. 7. *Родители его некогда были зажиточными крестьянами...* — История о состоятельных родителях отца Андерсена — плод воображения бабушки писателя. По свидетельству современников, ее муж был сапожником и обучил впоследствии этому ремеслу своего сына.

С. 9. *Матушка моя была от Ханса Стру в таком восторге, что пыталась даже откопать какие-то семейные связи с ним...* — Сведений, подтверждавших родственные связи Ханса Стру с семейством Андерсена, исследователи не обнаружили.

...маршала Бернадота, князя Понтекорво... — Французский маршал Жан Батист Бернадот, князь Понтекорво (основатель шведской королевской династии Бернадотов, с 1818 г.) в 1798 г. женился на Евгении Бернардине Дезире Клари, их сын Оскар родился в 1799 г.

Замок Кольдинг был к тому времени сожжен... — Королевский замок Кольдинг, построенный в 1268 г., был разрушен пожаром в ночь с 29 на 30 марта 1808 г.

С. 10 *...стихотворение «Солдат».* — Впервые опубликовано в сборнике Андерсена «Стихи» в 1930 г. В 1832 г. переведено на немецкий язык А.Шамиссо. Неоднократно перекладывалось на музыку.

«Пророчества Сивиллы» — название одной из многочисленных развлекательных «книг для народа», пользовавшихся в начале XIX в. в Дании большой популярностью.

С. 11. *...о ее бабушке с материнской стороны...* — История про «знатную немецкую даму из Касселя», рассказанная Андерсену его бабушкой, не имеет под собой реальной основы.

С. 13. *...поместила меня в «школу для мальчиков» г-на Карстенса.* — Частная «школа для мальчиков», в которой Андерсен получил начальные знания, была основана в 1810 г. Ф.Карстенс возглавлял ее с 1810 по 1811 г.

С. 14. *...библейская Руфь на тучных полях Вооза.* — Согласно ветхозаветному преданию, моавитянка Руфь собирала колосья в поле знатного вифлеемлянина Вооза и приносила их своей свекрови Ноемини, переселившейся во время голода из Иудеи в Моав (Книга Руфь 2, 2—3).

С. 15. *К тому времени в Оденсе уже был построен свой театр...* — Театр в Оденсе был основан в 1795 г. Его первым директором в 1798 г. стал граф Трампе. В театре ставились главным образом немецкие и датские пьесы. Часто на гастроли в Оденсе приезжали актеры и певцы из столичного Королевского театра.

Директор, по фамилии Франк... — Г.Франк возглавил театр в Оденсе в 1810 г. и руководил им до 1815 г., а до 1810 г. он неоднократно приезжал в город на гастроли с немецкой театральной труппой.

«Дева Дуная» — романтическая опера немецкого композитора Ф.Кнауэра, поставленная в театре Оденсе в 1812 г.

«Оловянщик-политикан» (1722) — одна из наиболее популярных комедий Хольберга, переработанная в водевиль немецким поэтом Г.Ф.Трайтше и австрийским композитором В.Мюллером. Первая постановка «Оловянщика-политикана» в Оденсе состоялась в 1810 г. На русский язык переводилась также под названиями «Оловянщик-политик», «Жестянщик-политик».

С. 17. *...и мой отец решил стать солдатом в надежде вернуться домой уже лейтенантом...* — На самом деле главной причиной, побудившей отца Андерсена пойти в рекруты, явилось бедственное положение семьи. Отец писателя отправился на военную службу вместо сына богатого крестьянина, получив от него за это крупную сумму денег.

С. 19. *...вдова священника Бункефлода...* — Вдова приходского священника Х.К.Бункефлода (1761—1805), М.Бункефлод (1766—1833), вместе с его сестрой, А.М.Бункефлод (1759—1849), проживала в Оденсе в «пансионе для вдов и людей, оказавшихся в стесненных обстоятельствах». Потеряв в результате несчастного случая в 1811 г. свою единственную дочь, она окружила вниманием и заботой юного Андерсена, жившего рядом с пансионом. Х.К.Бункефлод приобрел известность как автор сборника песен в народном духе: «Сборник песен для учеников прядильной школы в Зеландии» (1783), написанных в связи с основанием прядильной фабрики в южной части острова.

...в «Виньетках к портретам датских поэтов»... — Поэтический сборник Х.К.Андерсена «Виньетки к портретам датских

поэтов», в котором представлено цитируемое стихотворение, увидел свет в 1832 г.

...познакомился и с Шекспиром, разумеется, в переводе, и очень плохом. — Речь идет, по всей видимости, о шекспировских пьесах «Макбет» и «Король лир», переведенных на датский язык писателем и переводчиком Н.Росенфельдом в 1790-м — 1792-м гг.

«Пирам и Фисбе» — датская средневековая народная баллада, восходящая к античному мифу. Благодаря многочисленным дешевым изданиям получила широкое распространение в народной среде.

С. 22. *Вскоре мать моя вышла замуж вторично...* — Второй раз мать писателя вышла замуж в 1818 г. за сапожника Н.Й.Гундерсена. Этот брак так же был не долог. Ее муж умер в 1822 г.

С. 24. *...принадлежал советнику Фальбе; жену его Эленшлегер упоминает в своей биографии...* — Имеется в виду советник К.А.Фальбе (1769—1830), женатый на актрисе Э.К. Бек, по отзывам современников, блестяще исполнявшей роль Иды Мюнстер в драме А.Ф.Шельдебрандта «Герман фон Унна» (1800), однако вскоре после замужества оставившей сцену.

...полковник Хёг-Гульдберг и его семья. — Полковник К.Хёг-Гульдберг (1777—1867) одним из первых проявил интерес к Андерсену и принял участие в его судьбе. У полковника Хёга-Гульдберга и его жены Анны Доротеи, урожденной Моргенстьерне, было пятеро детей. С сестрами Петрой и Кристьерне, а также с их братом Уве Андерсена связывали долгие годы дружбы.

С. 24. *...упомянул обо мне в беседе с принцем Кристианом (впоследствии королем Кристианом VIII), который жил тогда в замке в Оденсе, и вот однажды он взял меня туда с собою...* — Дату аудиенции, если только она вообще имела место, биографам Андерсена установить не удалось.

С. 25. *...фамилия учителя была Вельхавен...* — Имеется в виду учитель народной школы К.Ф.Вельхавен (1788—1830), называвший Андерсена своим лучшим учеником.

С. 26. *...одна девушка по фамилии Тёндер-Лунд...* — Л.Ф.Тёндер-Лунд (1803—1831), ровесница Андерсена, дочь

статского советника Н. Тёндер-Лунда, погибшего в результате кораблекрушения в 1809 г.

С. 28. «*Сандрильона*» (Золушка) (1810) — музыкальная комедия французского комедиографа Ш.Г.Этьена (1777—1845) и композитора Н.Изаура (1775—1818), поставленная в Королевском театре в 1812 г.

...Хок и Энхольм... — А.К.В.Хок и Л.П.Энхольм — актеры Королевского театра.

...восторгались все балериной мадам Шалль, звездой первой величины... — Шалль А.М. (1775—1852) — солистка Королевского балета с 1798 г. Была знаменита в начале 1810-х гг., однако к концу десятилетия ее слава померкла, и в 1827 г. Шалль оставила сцену.

Иверсен К.Х. (1748—1827) — издатель и книготорговец, владел в Оденсе типографией, издавал газету и основал театральное общество.

С. 31. *Как раз накануне здесь разразился еврейский погром...* — Еврейские погромы, происходившие в Копенгагене и некоторых провинциальных датских городах в сентябре 1819 г., перекинулись в Данию из Германии, где они отличались значительно более жестоким характером.

С. 32. *Хольстейн Ф.К. фон* (1771—1853) — директор Королевского театра с 1811 по 1840 г. По отзывам современников, был настроен консервативно и относился с недоверием ко всему новому и современному в театральном искусстве.

С. 33. *...Купил себе билет на галерку на музыкальную оперу «Поль и Виржиния»*. — Опера французского композитора Р.Крейцера (1766—1831) «Поль и Виржиния» (1801) на либретто Э.Г.Ф.Фавьера по мотивам романа Ж.А.Б. де Сен-Пьера (1727—1814) впервые была поставлена на сцене Королевского театра в 1815 г.

С. 34. *...читал в газетах об итальянце Сибони...* — Знаменитый итальянский тенор Дж.Сибони (1780—1839) прибыл в Копенгаген по приглашению датского принца Кристиана (с 1839 г. — король Кристиан VIII) в 1819 г. и возглавил оперную студию Королевского театра. Стал инициатором создания первой в Дании консерватории (1827).

...наш знаменитый композитор, профессор Вайсе, поэт Баггесен... — См. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 109 и с. 110.

С. 35. *Брун Й.В.* (1781—1836) — учитель немецкого языка в еврейской школе в Копенгагене. Давал частные уроки Андерсену. В 1827 г. переехал из Копенгагена в Орхус.

Касорти Д. (1749—1826) — итальянский мим, прибывший в Данию в 1800 г., впоследствии владелец театра пантомимы.

С. 37. *...главную партию в немецкой опере Пэра...* — Имеется в виду опера итальянского композитора Ф.Пэра «Месть Ахилла», поставленная в Королевском театре в 1820 г.

...Россини и Беллини ...Верди и Риччи... — итальянские композиторы двух разных поколений.

С. 38. *...поэт Гульдберг, брат того полковника из Оденсе...* — Имеется в виду родной брат полковника К. Хёг-Гульдберга Ф.Хёг-Гульдберг (1771—1852), поэт и драматург датского классицизма, известный также своими переводами из латинских авторов.

Кулау Д.Ф.Р. (1786—1832) — датский композитор, специалист по вокальному искусству и создатель школы национального романса. Как и Андерсен, испытал в юности нужду и лишения.

С. 41. *Нюеруп Р.* (1759—1829) — литературовед, университетский библиотекарь, ректор университета. Родился на о-ве Фюн, неподалеку от Оденсе и, по свидетельству современников, относился к своим землякам с особой доброжелательностью.

«Круглая церковь» — Имеется в виду «Троицкий собор» (Trinitatis Kirke), расположенный в центре Копенгагена и сообщавшийся с «Круглой башней». См. примеч. к сказке «Огниво», с. 59.

Линдгрен Ф. (1770—1842) — актер и режиссер Королевского театра.

Корреджио — главный герой одноименной трагедии Эленшлегера, написанной в 1809 г. и поставленной в Королевском театре в 1811 г.

С. 42. *...ныне покойного пробста Бенциена...* — Пробст — священник, старший пастор у лютеран. Пробст В.Б.Бенциен, у которого Андерсен брал уроки латинского языка, родился в 1809-м, скончался в 1857 г.

Дале́н К. (1770—1851) — солист балета и преподаватель балетной школы Королевского театра. С его помощью писатель был зачислен в нее летом 1820 г. Проявил себя и как балетмейстер.

Рабек К.Л. — См. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 108.

«Два маленьких савояра» — комическая опера французского композитора Н.Далейрака (или д'Алейрака) (1753—1809.)

Ида Вульф (теперь камергерша Хольстейн)... — Вульф И.Е.Р (1808—1876) — оперная певица в Королевском театре с 1823 г. В 1829 г. оставила сцену. В 1831 г. вышла замуж за камергера Е.Ф. Хольстейна.

С. 43. *В то время Дале́н ставил свой балет «Армида».* — Балет Дале́на «Армида» на музыку композитора К.Шаля был поставлен в Королевском театре в 1821 г.

Госпожа Йоханна Луиза Хейберг, тогда еще маленькая девочка... — Хейберг Й.Л., урожденная Пэтгес (1812—1890), — знаменитая датская актриса, с успехом выступавшая в пьесах как классического, так и современного репертуара, в том числе и в водевилях своего мужа, Й.Л.Хейберга. В восьмилетнем возрасте поступила в балетную школу Королевского театра. В балете Дале́на «Армида» она танцевала партию одного из амуров, Андерсен изображал тролля.

С. 44. *«Дюрехавен»* — большой буковый лес в окрестностях Копенгагена.

«Игры в ночь на Святого Ханса» (1803) — лирико-драматическая поэма Эленшлегера.

С. 46. *Кроссинг П.К.* (1793—1838) — композитор. С 1820 по 1827 г. — хормейстер при Королевском театре. Находился в напряженных отношениях с Сибони.

«Разбойничья крепость» — опера Ф.Кулау. «Иоганна фон Монфокон» — См. примеч. к сказке «Кукольник», с. 177.

С. 47. *Вдова... Кристиана Кольбьёрнсена и дочь ее, г-жа ван дер Маасе* — Речь идет о Е.М.Кольбьёрнсен (1763—1848), вдове юридического советника Датской канцелярии К.Кольбьёрнсена (1749—1814) и их дочери О.Кольбьёрнсен (1795—1877), в замужестве ван дер Маасе, фрейлине наследной принцессы Каролины (1793—1881), дочери короля Фредерика VI.

Да ведь тут целые места выписаны из Эленшлегера и Ингеманна! — Эленшлегер — См. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 108. Ингеманн — См. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 110.

С. 48. *...нынешний статский советник Тиле.* — Тиле Ю.М. (1794—1874) — датский писатель, фольклорист. Первый собиратель и издатель датских народных сказок. Знакомство писателя с Тиле состоялось в 1820 г. С 1821 — по 1823 г. Тиле проживал в доме Рабека «Баккехусет», в 1869 г. издал «Воспоминания о Баккехусет».

Постановку его трагедии «Пилигрим». — Трагедия Тиле «Пилигрим» была поставлена в Королевском театре в 1820 г.

Андерсен В.Э. (1791—1875) — актриса Королевского театра (1808—1838), с которой у Андерсена сложились дружеские отношения. «Der kleine Declamator» (Маленький декламатор) — название пьесы А.Коцебу, которое она использовала как шутливое прозвище Андерсена.

...матери нашего известного, ныне покойного, Урбана Юргенсена. — С А.Л.Юргенсен (1755—1828), урожденной Брун, матерью часовщика У.Юргенсена (1776—1830), писатель поддерживал близкие отношения во время всего периода пребывания в Слагельсе.

С. 48. *Хольберг.* — См. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 431.

С. 49. *Вессель Й.Х.* (1742—1785) — датский поэт норвежского происхождения, автор знаменитой комедии «Любовь без чулок» (1772, поставлена в Королевском театре в 1773 г.), пародировавшей высокий стиль трагедии французского классицизма, создатель жанра так называемого комического рассказа в стихах.

...рассказывала она о своем сыне-изгнаннике... — Речь идет о Й.Юргенсене (1780 — ок. 1845), сыне А.Л.Юргенсен, капитане торгового флота, который во время наполеоновских войн, сместив датского губернатора, провозгласил себя королем Исландии, после чего был арестован и сослан в Тасманию.

...трагедию «Лесная часовня»... — В основу трагедии «Лесная часовня» была положена немецкая романтическая новелла, напечатанная в 1818 г. анонимно в журнале К.Н.Росенкильде «Brevduen» (Голубиная почта.)

С. 50. *...народная трагедия под названием «Разбойники в Виссенберге».* — Трагедия «Разбойники в Виссенберге» была анонимно послана Андерсеном в Королевский театр в марте 1822 г. и отвергнута дирекцией. Отрывок из нее напечатал журнал «Harpen» (Арфа). Остальная часть трагедии бесследно исчезла.

С. 51. *И я написал трагедию «Солнце эльфов», заимствовав сюжет из рассказа Самсё.* — Здесь Андерсен неточен: установлено, что в основу трагедии был положен рассказ историка Р.Ф.Сума (1728—1798), опубликованный в сборнике «Северные новеллы» (1783).

Вульф П. А. (1774—1842) — военно-морской деятель и педагог, адмирал. В историю литературы вошел как переводчик Шекспира и Байрона.

С. 52. *Гутфельдт Ф.К.* (1761—1823) — приходской священник, принимавший участие в судьбе Андерсена. Его памяти писатель посвятил стихотворение «На смерть моего благодетеля пробста Гутфельдта» (1823).

Коллин Й. (1776—1861) — один из самых влиятельных государственных деятелей Дании, внесший существенный вклад в развитие датской науки и культуры. По инициативе Коллина был, в частности, создан Музей Торвальдсена. Являясь членом дирекции Королевского театра (1821—1829 и 1842—1849), Коллин не только добился для Андерсена королевской стипендии, но и взял на себя обязанность вести его финансовые дела и следить за его учебой.

Карл Бернхард в своем романе «Хроники времен Кристиана II»... — Карл Бернхард — псевдоним, под которым датский писатель А.Н. де Сент-Обэн (1798—1865) опубликовал в 1847 г. исторический роман «Хроники времен Кристиана II» (1847), описав в нем историю коллинской усадьбы.

С. 54. *...которую в то время возглавил новый и, по общему мнению, довольно энергичный директор.* — Имеется в виду д-р философии С.Мейслинг (1787—1856), преподававший в течение ряда лет древние языки в одной из копенгагенских школ, а в 1822 г. назначенный директором латинской школы в Слагельсе.

С. 56. *...библиотека пастора Бастхольма.* — Приходской священник и библиофил Х.Бастхольм (1774—1856) был вла-

дельцем библиотеки, насчитывавшей более пяти тысяч томов. В 1847 г. он продал ее Академии в Сорё.

...в своей «Книге картин без картинок»... — Имеется в виду сборник автобиографических лирических этюдов Андерсена «Книга картин без картинок» (1840). В переводе А.В и П.Г.Ганзенов (в третьем томе «Собрания сочинений») публиковались под названием «Картинки-невидимки».

С. 57. *Франкенау Р.* (1767—1814) — поэт и врач, автор названных Андерсеном элегий, в 1810 г. работал в больнице Слагельсе. Скончался 12 октября 1814 г.

С. 60. *Хемпель С.* (1775—1844) — издатель и книготорговец, с которым писатель в 1824 г. вел безуспешные переговоры об издании своих первых произведений.

С. 61. *Квистгор Й.Н.* (1781—1850) — выходец из крестьянской семьи, студент — 1807, кандидат теологии — 1810, преподаватель теологии в Слагельсе, сменивший в 1826 г. Мейслинга на посту директора школы. Письмо Квистгора Андерсену не сохранилось.

С. 64. *Пети Ф.К.* (1809—1854) — выпускник академии в Сорё, в 1829 г. уехал в Германию. Автор первых переводов произведений Андерсена на немецкий язык.

Баггер К.К. (1807—1846) — датский писатель, в 1822—1826 гг. учился в школе, в 1826—1828 гг. — в академии Сёре. Рассказ Баггера «Жизнь моего брата» увидел свет в 1835 г. и был подвергнут несправедливой критике в журнале Maanedsskrift for Llitteratur.

С. 65. *...пелась на мотив «Я невзначай попал сюда»...* — Речь идет о песне из водевиля «Праздник жатвы» (1790) датского поэта Т.Торупа (1749—1821.) Музыку к спектаклю сочинил датский композитор немецкого происхождения Й.А.П.Шульц (1747—1800).

«Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне — опора твоя!» — Книга Пророка Осии (13, 9).

С. 66. *...читал «Коварство и любовь».* — Речь идет о драме И.Ф.Шиллера «Коварство и любовь» (1784).

С. 67. *Мёллер П. М.* (1794—1838) — датский поэт и философ, автор неоконченного романа «Приключения датского студента», изданного в 1843 г. после смерти писателя.

С. 68. *...в «Копенгагенских зарисовках»...* — Отрывок из письма Андерсена Нюерупу был напечатан в июльском номере газеты за 1826 г.

С. 71. *...его супруга отнеслась ко мне с истинно материнской добротой...* — Речь идет о супруге амирала Вульфа Хенриетте Вульф (1784—1836), урожденной Вейнхольдт.

С. 71. *«Вон там мальчишкой бедным я бродил!»* — заключительная реплика из последней сцены романтической комедии Эленшлегера «Аладдин или волшебная лампа» (1804—1805).

...«Душа» и «К моей матери»... — Стихотворения Андерсена «Душа» и «К моей матери» впервые были опубликованы в сборнике «Стихотворения» (1830).

В Хельсингёре же в годы учебы я написал и того меньше — всего два: «Ночь под Новый год», а также «Умирающее дитя»... — Это не совсем верно: кроме стихотворений «Ночь под Новый год» и «Умирающее дитя», Х.К.Андерсен в 1826 г. написал также стихотворение «Вечер».

...одна из покровительниц моих даже сказала, а затем и повторила это в письме ко мне... — Имеется в виду Хенриетта Вульф. Далее писатель приводит отрывок из ее письма к нему от 8 марта 1827 г.

С. 72. *Сам Вульф читал нам вслух свои переводы из Байрона.* — В 1820 г. П.Вульф перевел на датский язык драму Байрона «Манфред».

Шарлотта (Лотта) Эленшлегер (1811—1835) — старшая дочь Эленшлегера.

С. 73. *Верлин К.* (1804—1866) — преподаватель, теолог. Учился у Мейслинга, когда тот преподавал в одной из копенгагенских школ. Беседа Верлина с Й.Коллином состоялась, вероятно, в начале апреля 1827 г.

Мюллер Л.К. (1806—1851) — студент-теолог, впоследствии священник, знаток древних языков и истории Дании.

С. 73—74. *...озаглавленное «Жалоба кота» (...) «Вечер», «Ужасный час», «Мольба к месяцу», «Свиньи»...* — Стихотворение Андерсена «Жалоба кота» впервые появилось в «Прогулке на Амагер». Стихотворения «Вечер», «Ужасный час», «Мольба к месяцу» и «Свиньи» были опубликованы в 12-м томе его «Собрания сочинений» (1876—1880). Пуб-

ликации стихотворения «Чахлый поэт» (Den syge Poet) исследователям обнаружить не удалось.

С. 75. *Старшая дочь Вульфа Хенриетта...* — Со старшей дочерью адмирала Вульфа Хенриеттой (1804—1858) писателя связывали дружеские отношения вплоть до гибели последней во время пожара на борту судна «Австрия».

«Горшечник Вальтер» (1814) *и «Психея»* (1817) — первые пьесы Й.Л.Хейберга, которые привлекли к себе внимание зрителей.

...ввел на сцену жанр водевиля... — Й.Л.Хейберг считал водевиль высшей формой театрального искусства. Он написал множество водевилей, которые с успехом ставились на датской сцене.

«Царь Соломон и Юрген Шляпочник» (1825) — первый романтический водевиль Й.Л.Хейберга.

...в журнале «Летучая почта». — См. примеч. к истории «Книга крестного», с. 423.

Я дебютировал в нем двумя стихотворениями — «Вечер» и «Ужасный час»... — Стихотворения Х.К.Андерсена «Вечер» и «Ужасный час» были напечатаны в журнале Й.Л.Хейберга «Летучая почта» в августе 1827 г.

С. 76. *Сёборг К.* (1775—1852) — актер и писатель, с которым Андерсен познакомился в доме К.Х.Иверсена в Оденсе.

С. 77. *Шмидтен Х.Г. фон* (1799—1831) — профессор математики в Копенгагенском университете.

С. 78. *Рейцель К.А.* (1789—1853) — крупнейший датский издатель. В основанном им в 1816 г. издательстве увидели свет произведения практически всех известных датских писателей того времени.

...«Прогулка» была переведена на немецкий язык и вышла в Гамбурге. — Романтическая фантазия Андерсена «Прогулка от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер» была переведена на немецкий язык Ф.К.Пети и издана в Гамбурге в 1846 г.

С. 79. *...четверо крупных и двенадцать мелких поэтов...* — Имеются в виду Х.К.Андерсен, А.Л.Арнесен, С.К.Баггер, П.Ф.Барфод, Л.Й.Бекман, П.Д.Бликер, Х.Х.Бруун, М.Й.Хаммерих, Ф.Й.Хансен, К.Н.Хеллеман, К.Л.Хюхбрюе, Ф.Л.Либенберг, Й.Л.Мюллер, Й.М.Г.Холлард Ниельсен, Ф.Палудан-Мюллер, Ф.К.Пети.

...создатель «Адама Хомо» Паллудан-Мюллер. — Ведущий поэт позднего романтизма Ф.Паллудан-Мюллер (1809—1848) вошел

в историю датской литературы прежде всего как создатель большого романа в стихах «Адам Хомо» (1841—1848), в котором запечатлел сатирический портрет своего современника.

С. 83. ...*живописные рассказы Мольбека...* — Мольбек К. (1783—1857) — историк, филолог, литературного критик, член дирекции Королевского театра в 1830—1842 гг. Автор путевых очерков «Путешествия по родной стране в юности» (1811).

Бликер С.С. (1782—1848) — писатель и священник, основоположник жанра новеллы в датской литературе. В своих новеллах и небольших романах дал реалистические зарисовки жизни в Ютландии.

С.84. *«Фантазия на берегу Северного моря» и «По западному берегу Ютландии»* — путевые зарисовки Андерсена, опубликованные в 12-м томе «Собрания сочинений» (1876—1880).

Старшая из них, Хенриетта, выступила впоследствии на литературном поприще... — Имеется в виду писательница Х.Ханк (1807—1846), издавшая в 1837 г. анонимно новеллу «Тетя Анна», а в 1842 г. — «Дочь писательницы». Каждая из них была переведена на немецкий язык, причем первая вышла с предисловием Андерсена.

...«Похититель сердец» ... роман «Карлик Кристиана II»... — Стихотворение Андерсена «Похититель сердец» было опубликована в 12-м томе «Собрания сочинений» (1876—1880). Замысел исторического романа «Карлик Кристиана II» об эпохе правления датского короля Кристиана II (1481—1559) не был осуществлен писателем.

С. 85. *«Темно-карих очей...»* — Стихотворение Андерсена «Темно-карих очей взгляд мне в душу запал», посвященное Р.Войт, было опубликовано впервые в 1831 г. в поэтическом сборнике «Фантазии и наброски».

В пьесе «Разлука и встреча»... — Двухактная пьеса Андерсена «Разлука и встреча» была поставлена в Королевском театре в 1836 г.

Леманн О. (1810—1870) — юрист и политический деятель. В 1827 г. поступил на юридический факультет Копенгагенского университета. Андерсен познакомился с ним в студенческую пору благодаря их общему знакомому Ф.К.Пети.

С. 86. *Гейне тогда только что появился на литературном горизонте...* — В юности Андерсен пережил сильное увлечение Г. Гейне, которое в зрелые годы сменилось у него разочарованием. Отдавая должное его поэтическому гению, Андерсен не мог примириться с ироническим отношением Гейне к религии. В 1865 г. в письме Э.Коллину он называет Гейне «истинным поэтом» и одновременно «легкомысленным безбожником».

«Thalatta, Thalatta, du ewiges Meer!» (О, вечное море!) — Начальная строка стихотворения «Привет морю» из поэтического цикла «Северное море» в «Книге песен» (1827) Гейне.

...пересилило даже влияние Гофмана... — С юных лет Андерсен был горячим почитателем Э.Т.А.Гофмана, восхищаясь причудливой фантазией и философской иронией немецкого писателя. Особенно заметно влияние Гофмана на раннем этапе творчества писателя.

С. 88. *...представлял его по замечательному «Лабиринту» Баггесена...* — Имеется в виду книга путевых очерков Й. Баггесена «Лабиринт» (1792—1793), написанная под влиянием «Сентиментального путешествия» Л.Стерна.

«Высот заоблачных достиг...» — Впервые это стихотворение было опубликовано в путевых очерках Андерсена «Теневые картины. Из путешествия по Гарцу и Саксонской Швейцарии» (1831).

С. 91. *...у меня и родилось стихотворение: «Та-та, та-тата, та-та!»* — Юмористическое стихотворение «Та-та, та-тата, та-та!» было написано в 1830 г. и опубликовано Андерсеном в газете «Кюбенхавнспостен».

...перевел «La Quarantaine» и «La reine de seize ans». — Пьеса О.Э.Скриба «Карантин» (La Quarantaine) была переведена Х.К.Андерсеном на датский язык и поставлена на сцене Королевского театра под названием «Корабль» в 1831 г. Пьеса Ж. Баярда «Шестнадцатилетняя королева» (La reine de seize ans) была переведена писателем на датский язык и поставлена на сцене Королевского театра в 1833 г.

С. 92. *...в «Il Corvo»...* — Перевод сказки итальянского драматурга К.Гоцци «Ворон» (Il Corvo) был выполнен С.Мейслингом в 1821 г.

...написал текст для оперы «Ворон»... — Опера Хартманна (см. примеч. к истории «Книга крестного», с. 448) «Ворон» на

либретто Андерсена по сказке Гоцци была поставлена в Королевском театре в 1832 г.

Дед его сочинил мелодию гимна «Король Кристиан у мачты стоял». — Деду Хартманна композитору Й.Хартманну (1726—1793) современники Андерсена приписывали создание мелодии датского национального гимна.

Бредаль И.Ф. (1800—1864) — композитор и концертмейстер в Королевском театре. Опера Бределя «Ламмермурская невеста» на либретто Андерсена по роману В.Скотта была поставлена в Королевском театре в 1832 г.

С. 93. *...оперу на сюжет «Кенильворта» Вальтера Скотта.* — Опера К.Э.Ф.Вайсе «Кенильвортский праздник» на либретто писателя была поставлена в Королевском театре в 1836 г.

С. 95. *...историк Мольбек ...был для нее просто находкой...* — В декабре 1833 г. К. Мольбек в журнале «Монедскрифт фор литератур» раскритиковал поэтический сборник Андерсена «Двенадцать месяцев» и одновременно отозвался с похвалой о поэме Палудана-Мюллера «Танцовщица» (1833).

С. 96. *...Хенрик Херц, выступивший с «Письмами с того света».* — Херц Х. (1798—1870) — датский драматург, сподвижник Й.Л.Хейберга. Автор многочисленных комедий, водевилей, лирических драм. Драма Херца «Дочь короля Рене» (1848) легла в основу оперы Чайковского «Иоланта». «Письма с того света» Херца, изданные анонимно в 1830 г., содержали нападки на некоторых датских писателей, в том числе на Эленшлегера, К.Хауха и Х.К.Андерсена.

Хаух К. (1790—1872) — датский писатель-романтик, автор исторических романов и драм. С 1851 г. — профессор эстетики в Копенгагенском университете, в 1858—1859 гг. — член дирекции, с 1860 по 1871 г. — цензор Королевского театра.

С. 97. *...если не считать «Клару Рафаэль» с предисловием Й.Л.Хейберга...* — Имеется в виду посвященный проблемам женского равноправия роман писательницы М.Л.Фибигер (1830—1872) «Клара Рафаэль, двенадцать писем» (1850), к которому Й.Л.Хейберг написал предисловие.

Предшественник «Корсара», журнал «Ракета», издававшийся Матиасом Винтером.... — Литературный еженедельник «Ракета» издавался редактором М.В.Винтером в 1831—1833 гг. В октябре

1840 г. был основан новый, самый популярный в середине XIX в. в Дании сатирический еженедельный журнал «Корсар», который возглавил писатель и публицист М.А.Гольдшмит (1819—1887.)

«Письмо в стихах к отцу Кнуда Зеландца»... — Намек на использование Й.Л.Хейбергом псевдонима Й.Баггесена (см. примеч. к истории «Жемчужная ниточка», с. 110.) Полное название поэмы О.К.Драйера (1806—1896), напечатанной в 1831 г. под псевдонимом Давиено, звучало следующим образом: «Письмо в стихах к отцу Кнуда Зеландца в рай, или Слово в защиту Андерсена, произнесенное Давиено».

С. 98. *...данная им поэтом, профессором Вильстером...* — Рецензия профессора академии Сорё, писателя К.Вильстерса (1797—1840) на «Письма с того света» была напечатана в февральском номере журнала Эленшлегера «Прометей» за 1833 г.

С. 99. *«Виньетки к портретам датских поэтов»* — сборник стихотворений Андерсена, изданный в декабре 1831 г.

С. 101. *...забывая слова Горация, что печаль садится в седло за спиной отъезжающего всадника.* — Цитата из «Од» Горация (III, 1.)

С. 102. *Лэссё М.Ю.С.* (1781—1870) — урожденная Абрахамсон, мать полковника В.Х.Ф.Лэссё, погибшего в 1850 г. во время Первой Шлезвиг-Гольштейнской войны. Оказала на Андерсена большое влияние.

...один из сыновей моего покровителя Коллина, Эдвард Коллин. — Здесь и далее Андерсен пишет о близкой дружбе, которая связывала его с сыном Й.Коллина, Эдвардом (1808—1886.) Однако в отношениях с ним, как и с остальными членами семьи Й.Коллина, были свои теневые, конфликтные стороны. Как отмечает племянница Э.Коллина, Йонна, как бы хорошо ни относились Коллины к писателю, «он не мог, конечно, чувствовать себя настоящим членом их семьи». «Люди из близкого окружения Андерсена были слишком узки по своей душевной сути, слишком ограничены и педантичны, чтобы совершенно понять его». (Цит. по кн.: «Х.К.Андерсен и семья Коллина» // Собрание сочинений Андерсена в 4-х тт. С.-Петербург, 1894—1895, т. 4, с. 459.)

С. 107. *Крусе Л.* (1778—1839) — прозаик, драматург и переводчик. В 1820 г. покинул Данию и обосновался в Гамбурге.

Пьесы Крусе ставились на сцене датского Королевского театра. Переводил на немецкий язык произведения Эленшлегера, Бликера, Ингеманна, Андерсена.

Шпор Л. (1784—1859) — немецкий композитор.

С. 108. *Шмит А.* (1788—1866) — немецкий композитор, автор оперы «Валерия», поставленной в Манхейме в 1832.

С. 109. *...г-жа Даморо и Адольф Нурри...* — С.Даморо — французская оперная певица. А.Нурри — знаменитый французский тенор.

С. 110. *«Норма»* (1831) — опера итальянского композитора В.Беллини (1801—1835).

«Густав III» — опера французского композитора Д.Ф.Э.Обье (1782—1871), либретто Скриба.

...вдова подлинного Анкарстрёма... — Г.Э.Анкарстрём, вдова офицера Й.Й.Анкарстрёма (1762—1792), смертельно ранившего короля Густава III 16 марта 1792 г. во время бала-маскарада в здании оперного театра в Стокгольме.

Марс (1779—1847) (настоящее имя А.Ф.И.Сальвета) — французская актриса.

Аструп М.М. (1760—1834) — датская актриса, выступавшая в 1773—1823 гг. на сцене датского Королевского театра.

С. 112. *Дюпор П.* (1798—1866) — французский драматург. Драма Дюпора «Квакер и танцовщица» была переведен на датский язык Й.Л.Хейбергом и поставлена в Королевском театре в 1831 г.

Бурнонвиль А. (1805—1879) — датский балетмейстер и педагог, создатель национальной школы балетного искусства. Тесно сотрудничал с выдающимися датскими композиторами Н.В.Гаде, И.П.Э.Хартманном и др. Кроме балетных спектаклей, ставил также оперы, водевили, драмы. В 1874 г. посетил Россию, выразив свои впечатления от поездки в балете «Из Сибири в Москву», поставленном в Королевском театре в 1876 г. В 1878 г. опубликовал мемуары «Моя театральная жизнь» (1878), в которых, в частности, описал свои встречи с Х.К.Андерсеном.

С. 112. *Керубини Л.* (1760—1842) — композитор итальянского происхождения, работавший во Франции.

С. 113. *...Клауса Шалля, писавшего музыку к балетам Галеотти.* — К.Шалль (1757—1835) — композитор и дирижер Королевского театра. В.Галеотти (1733—1816) — итальянский

танцовщик и хореограф, с 1775 г. — балетмейстер копенгагенского Королевского театра.

«Атенэум» — название литературного общества, существовавшего в Копенгагене в 1810-е гг.

С. 115. *...со стихотворным пасквилем на меня...* — Стихотворение «Прощай, Андерсен!» за подписью Ингеборг было опубликована в газете «Кюбенхавнс постен» 13 мая 1833 г.

С. 116. *В разгаре июльских празднеств я был свидетелем открытия памятника Наполеону на Вандомской площади.* — Речь идет о торжествах в память об июльской революции 1830 г. Памятник Наполеону (см. примеч. к истории «Дриада», с. 476.)

С. 117. *«Парижанка»* (1830) — гимн Парижа, сочиненный в 1830 г. в честь июльской революции композитором Ф.Обером на стихи К. Делавиня.

С. 118. *Хейберг П.А.* (1758—1841) — писатель, отец Й.Л.Хейберга. За сатирические произведения в духе Вольтера был выслан в 1799 г. из страны и до самой смерти жил в Париже. Комедия «“Фоны” и “ваны”» и стихотворение «Laterna magica» были написаны им в 1792 г.

Брёнстед Р.О. (1780—1842) — филолог и археолог, профессор Копенгагенского университета.

С. 120. *Пюэрари М.Н.* (1766—1845) — швейцарский филолог и педагог, с 1794 по 1820 гг. находился в Дании, преподавал французский язык в Копенгагенском университете. Затем вернулся обратно в Женеву.

С. 123. *...меня занимала мысль написать одну поэму...* — Речь идет о драматической поэме в двух частях «Агнета и Водяной». А. упоминает о начале работы над ней в письме Э.Коллину в июле 1832 г. Закончена в 1833 и опубликована в 1834 г.

С. 124. *...совпало с появлением «Амура и Психеи» Палудана-Мюллера.* — Поэма Ф. Палудана-Мюллера «Амур и Психея» увидела свет в феврале 1834 г.

С. 125. *Гаде Н.В.* (1817—1890) — датский композитор и музыкальный деятель, автор симфоний, симфонических увертюр, баллад для солистов, хора и оркестра и ряда других произведений.

С. 126. *«Порта Семпионе»* (Porta Sempione) — триумфальная арка в честь Наполеона I, строительство которой было начато в 1807-м, завершено в 1838 г.

С. 127. *«Любовный напиток»* (1832) — опера итальянского композитора Г.Доницетти. «Волшебная флейта». См. примеч. к истории «Тётушка», с. 411.

«Оле Лукойе» — сказочная комедия Андерсена, созданная в 1840 г. по мотивам одноименной сказки.

С. 128. *...сада Гесперид...* — Геспериды, в греческой мифологии дочери Атланта, жившие в сказочном саду, где одна из яблонь приносила золотые плоды. Похищение яблок из сада Гесперид, охранявшегося стоглавым драконом, — один из подвигов Геракла.

С. 129. *...Торвальдсена или Кановы...* — Торвальдсен Б. (см. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 432). Канова А. (1757—1822) — итальянский скульптор, представитель классицизма.

Николаи Г. (1795—1852) — немецкий писатель. В сочинении «Италия, какова она есть» (1834) с пренебрежением отзывался о культуре и природе Италии.

Веттурино (vetturino, *итал.*) — кучер

Йеппе — главное действующее лицо комедии Л.Хольберга «Йеппе с горы, или превращенный крестьянин» (1722).

С. 130. *«Роберт-дьявол»* (1830) — опера немецкого композитора Д.Мейербера (наст. имя и фам. Якоб Либман Бер) (1791—1864), впервые поставленная в Дании в 1831 г. под названием «Роберт Норманский».

С. 132. *Альфьери В.* (1749—1803) — итальянский драматург, создатель национальной трагедии классицизма.

С. 133. *...у которого бился Ганнибал.* — В 217 г. до н.э. Ганнибал разбил римлян у Тразименского озера.

С. 134. *Перуджино П.* (наст. фам. Ваннуччи) (между 1445 и 1452—1523) — итальянский художник.

«Kennst Du das Land!» — начальная строка песни Миньоны об Италии (кн. 3, гл. 1) в «Годах учения Вильгейма Мейстера» Гёте.

Купер Д.Ф. (1789—1851) — американский писатель, создавший цикл романов о колонизации Северной Америки.

С. 135. *...воспетой Горацием горы Соракт...* — Имеются в виду «Оды» Горация: «...гора Соракт, видимая из Рима» (9, 1).

...Камуччини ...Верне — Камуччини В. (1771—1844) — итальянский художник. Верне О. (1789—1863) — французский художник.

С. 136. «*Miserere...*» — «Miserere mei, Deus...» (Помилуй меня, Боже...) — См. примеч. к сказке «Психея», с. 289.

С. 136. *Кристенсен К.* (1806—1845) — датский художник и скульптор, с 1831 по 1834 г. проживавший в Риме.

С. 137. *Бёдкер Л.* (1793—1874) — датский поэт, с 1824-го по 1835 г. проживавший в Риме. Близкий друг и доверенное лицо Торвальдсена.

Кюхлер А. (1803—1886) — датский художник. С 1831 г. жил в Риме. В 1844 г. принял католичество. В 1851 г. вступил в орден францисканцев. Умер в Риме в 1886 г.

С. 138. *Блунк Д.К.* (1798—1853) — датский художник, мастер исторических полотен. *Фернли Т.* (1802—1842) — норвежский художник-пейзажист.

С. 139. *Беатриче Ч.* (1577—1599) — итальянская аристократка, казненная в 1599 г. за соучастие в убийстве своего отца. Согласно легенде, она была вынуждена защищать свою честь. Андерсен посвятил ей стихотворение «Беатриче Ченчи», опубликованное в 1835 г.

Доменикино (наст. имя Доменико Цампьери) (1581—1641) — итальянский художнник.

С. 142. *...с его кипящей, как во времена Гёте, народной жизнью...* — Имеется в виду описание Рима в путевых очерках Гёте «Путешествие по Италии» (1816—1819), с которыми Андерсен познакомился в 1834 г., когда работал над романом «Импровизатор».

Райнхарт Й.К. (1761—1847) — немецкий художник. С 1789 г. и до конца своих дней жил в Риме. Играл заметную роль в культурной жизни Италии.

Кох Й.А. (1768—1839) — немецкий художник и гравер, в период с 1796 по 1812 г. и с 1815 по 1839 г. жил в Риме.

Миннезингеры — немецкие рыцарские поэты-певцы.

Понс Эмилиус (Pons Aemilius) — один из самых древних мостов в Риме.

С. 143. *Лафайет Ж.М.* (1757—1834) — маркиз, французский политический деятель. Участник войны за независимость в Северной Америке (1775—1783). В начале Великой французской революции (1789—1794) командовал национальной гвардией, в 1892 г. перешел на сторону контрреволюции.

В период июльской революции 1830 г. снова командовал национальной гвардией.

С. 144. *...что теперь известно всем из жизнеописания Торвальдсена, составленного Тиле...* — Имеется в виду сочинение Тиле «Датский скульптор Бертиль Торвальдсен и его творчество» (1831—1850).

Бюстрём Й.Н. (1783—1848) — шведский скульптор.

...о нынешних «скандинавских симпатиях»... — Речь идет о культурном сближении скандинавских стран в 1830-е гг.

...на мотив «На тинге и стоял молодой Адельстен»... — Имеется в виду песня из водевиля Т.Торупа «Свадьба Петера» (1793), музыку к которому сочинил композитор Шульц.

С. 146. *«Улисс из Итаки»* — комедия Л.Хольберга, написанная им в 1725 г..

С. 148. *Письмо это было... от одного из моих истинных друзей...* — Имеется в виду Л.Мёллер, в то время кандидат теологии. Письмо Л.Мёллера Х.К.Андерсену датировано январем 1834 г.

Еще сильнее потрясло меня письмо от другого моего друга, на которого я более всех мог положиться. — Имеется в виду Э.Коллин. Письмо Э.Коллина Андерсену датировано декабрем 1833 г.

С. 150. *«Лассенская стипендия»* была учреждена по завещанию советника юстиции Р.Лассена для обучения талантливых студентов за границей.

«Любовь при дворе» — романтическая комедия Ф.Палудана-Мюллера, вышедшая в свет анонимно в 1832 г.

С. 152. *Вот несколько строк из ее письма...* — Речь идет об отрывке из письма фру Лэссё к Андерсену, датированного мартом 1834 г.

...пришло известие о кончине моей старухи матери... — Мать Андерсена скончалась 7 октября 1833 г.

С. 153. *...в своем «Бледном рыцаре»* — «Бледный рыцарь» — рассказ Эленшлегера, опубликованный в 1832 г. В судьбе его героев, рыцаря Оге и его возлюбленной Эльсе, отражены народные представления о том, что мертвые способны являться живым и даже общаться с ними.

«Аксель и Вальборг» (1808) — трагедия Эленшлегера.

С. 155. *«Ты в Риме...»* — Строки из стихотворения Андерсена, опубликованного под названием «Небольшое стихотворение» в 1837 г.

Теодорик (?—ок. 1381) — король остготов, завоевавших Италию и основавших в 493 г. на ее территории свое королевство.

С. 156. *«Под защитой гор лиловых...»* — Строки из стихоторения Андерсена «Прогулка на Везувий». Опубликовано в 1835 г.

С. 159. *В Неаполе пела Малибран; я слышал ее в «Норме», «Севильском цирюльнике»...* — Малибран М.Ф. (1808—1836) — французская певица, прославившаяся исполнением партий в операх В.Беллини и Д.Россини. «Норма» (1831) — опера В.Беллини. «Севильский цирюльник» (1816) — опера Д. Россини.

Лаблаш Л. (1794—1858) — знаменитый итальянский певец, выступавший во многих странах мира. Имеется в виду опера Ф.Херольда «Зампа» (1831).

Мюрат И. (1767—1815) — сподвижник Наполеона I и его зять, с 1804 г. — маршал Франции, с 1808 г. — король Неаполитанский. Королевский дворец в Казерте был построен в середине 18 в.

С. 161. *Берти Ф.* (1801—1872) — итальянский поэт, с которым Андерсену состоял в переписке. Во время их личной встречи встречи Берти подарил Андерсену текст своей комедии «Шестидесятилетние любовники».

Бартолини Л. (1777—1850) — итальянский скульптор, возглавлявший отделение скульптуры в Академии во Флоренции. Скульптура «Вакханка» считается одной из его лучших работ.

Сантарелли Э. (1801—1886) — итальянский скульптор, ученик Торвальдсена, с 1832 г. — профессор Академии во Флоренции.

Вьёссё Дж. П. (1779—1850) — итальянский писатель и журналист, основатель культурно-просветительского центра, получившего название «Литературный кабинет». В 1815 г. посетил Данию, завязав знакомство с Эленшлегером, Баггесеном и другими видными представителями национальной культуры.

Брун Ф. (1765—1835) — датская писательница, в литературном салоне которой собирались выдающиеся датские писатели, музыканты, художники.

С. 162. *Скалигеры* (делла Скала) — итальянский феодальный род, к которому принадлежали правители Вероны с 1260-х гг. до 1387 г., пока город не был захвачен правителями Милана Висконти.

Бендс В. (1804—1832) — датский художник, родившийся, как и Андерсен, в Оденсе, и умерший в Виченце.

...направляясь в Ханаан современного искусства... — Ханаан — древнее название современной Палестины.

С. 163. *«Прощание с Италией»* — Стихотворение Андерсена «Прощание с Италией» было опубликована в газете «Кюбенхавнс постен» в августе 1834 г.

С. 164. *...Мольбек уже официально оповестил об этом всех статьей в «Литературном ежемесячнике»...* — Имеется в виду статья К.Мольбека «О новейшей датской поэзии», напечатанная в «Литературном ежемесячнике» в октябре 1833 г. В ней давалась оценка поэтическим произведениям Х.Херца, Ф.Й.Хансена, Х.П.Хольста, Кр.Винтера и Х.К.Андерсена.

С. 167. *«Гец фон Берлихинген»* (1771—1773) — историческая драма Гёте.

С. 168. *Парацельс* (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493—1541) — врач и естествоиспытатель, подвергший критическому пересмотру идеи древней медицины и способствовавший внедрению химических препаратов в медицину. В качестве полкового врача побывал в 1520 г. в Дании и Швеции. Интерес Андерсена к личности Парацельса был связан с неосуществленным замыслом романа «Карлик Кристиана II». *Сигбрит Виллумсдаттер* — советчица короля Кристиана II, дочь которой, Дювеке, была его любовницей. Даже после внезапной кончины Дювеке Сигбрит сохранила влияние на Кристиана II и во многом направляла его политику.

С. 169—170. *Зонняйтнер Й.* (1766—1835) — австрийский писатель, женатый на датчанке и говоривший по-датски. У Зонняйтнера было много друзей среди датских писателей, которые, приезжая в Австрию, часто останавливались в его доме.

С. 170. *...г-жа фон Вайсентурн ...в комедии «Американец»...* — Вайсентурн Й.Ф. фон (1773—1847) — немецкая актриса и писательница. «Американец» — водевиль К.Федеричи, в котором Вайсентурн играла главную роль.

Вильдауэр М. (1820—1878) — австрийская актриса, родилась в Вене, дебютировала в пьесе А.Коцебу «Индейцы в Англии». Впоследствии получила известность как оперная певица.

Позже в «Базаре поэта»... — Андерсен нарисовал выразительный портрет Й.Ф.Вайсентурн в путевых очерках «Базар поэта».

...комедии «Которая из них невеста?» и «Поместье "Штернберг"»... — Комедии Й.Ф.Вайсентурн «Которая из них невеста?» и «Поместье "Штернберг"» были поставлены на сцене датского Королевского театра соответственно в 1819 и 1823 гг.

С. 171. *Грильпарцер Ф.* (1791—1872) — австрийский драматург. Широкую известность принесли ему трагедия «Праматерь» (1817) и драматическая трилогия «Золотое руно» (издана в 1822).

Кастелли И.Ф. (1781—1862) — австрийский писатель, изображенный Андерсеном во второй главе третьей части романа «Всего лишь скрипач».

С. 172. *Герт Вестфалер* — персонаж одноименной комедии (1723) Хольберга.

С. 173. *...профессором Циммерманом...* — Речь, очевидно, идет о немецком философе Й.Г.Циммермане (1728—1795), авторе труда «Одиночество» (1785).

С. 175. *Первые главы этого произведения были написаны еще в Риме...* — К работе над романом «Импровизатор» писатель приступил в Риме 27 декабря 1833 г.

Исполнительница главной роли... — Речь идет о немецкой актрисе Каролине Петри (1782—1857), послужившей для Андерсена одним из прототипов к образу певицы Аннунциаты в «Импровизаторе».

«Эмилия Галотти» (1772) — трагедия немецкого драматурга Г.Э.Лессинга.

С. 176. *Наконец, Карл Баггер... написал рецензию...* — рецензия К.Баггера на роман Андерсена «Импровизатор» появилась спустя десять дней после его выхода в свет, 19 апреля 1835 г.

С. 177. *«Замок на Рейне»* — роман Хауха, увидевший свет в 1845 г.

«Еженедельник» Шоу так прямо и написал об этом. — Речь идет о статье Ингеманна, которая была опубликована в журнале Й.Ф.Шоу «Датский еженедельник» в феврале 1846 г.

Сибберн Ф.К. (1785—1872) — датский философ, профессор Копенгагенского университета. Сибберн выразил свое восхищение драматической поэмой Палудана-Мюллера «Амур и Психея» и дал

высокую оценку сказочному творчеству Ингеманна в связи с выходом в свет его фантастического рассказа «Дары Хульдры» (1831).

С. 179. *«Abitote, nam heic Dii sunt»* (Уходите, ибо здесь боги) — измененный эпиграф к «Натану Мудрому» Г.Э.Лессинга: «Introite, nam heic Dii sunt» (Входите, ибо и здесь боги.)

С. 182. *Ховитт М.* (1799—1888) — английская писательница и переводчица. Роман «Импровизатор» в ее переводе был издан в Англии в 1845 г. и пользовался большим успехом.

С. 183. *...как «Собор Парижской Богоматери» и «Саламандра»...* — Имеются в виду роман В.Гюго «Собор Пирижской Богоматери» (1831) и роман Э.Сю «Саламандра» (1832).

С. 183. *...и спустя несколько месяцев после выхода в свет «Импровизатора», я издал первый выпуск моих сказок...* — Первый выпуск «Сказок, рассказанных детям» Андерсена увидел свет 8 мая 1835 г.

С. 184. *...один из друзей моих, профессор университета... предложил мне свою помощь по части корректуры...* — Речь идет, по всей видимости, о Х.К.Эрстеде.

С. 186. *...и появившийся наконец отзыв уже никак не мог меня порадовать.* — В сочинении «Из записок еще живущего человека» (1838) Киркегор критически отозвался о романе «Всего лишь скрипач», посчитав его главным недостатком «наивную философию», представление автора о том, «будто гению, чтобы не погибнуть, необходимы хвала и поощрение».

С. 187. *...издаваемые Й.Л.Хейбергом «Обыкновенные истории»...* — См. примеч. к сказке «Калоши счастья», с. 170.

С. 189. *Знали у нас, пожалуй, лишь «Фритьофа» и «Акселя» Тегнера...* — Романтические поэмы шведского поэта Э.Тегнера (1782—1846) «Сага и Фритьофе» (1825) и «Аксель» (1822) были переведены на датский язык соответственно в 1826 и 1827 гг.

...несчастного, уже умершего Стагнелиуса... — Шведский поэт Э.Ю.Стагнелиус (1793—1823) умер от сердечного заболевания, когда ему не исполнилось еще тридцати лет.

С. 190. *Бремер Ф.* (1801—1865) — шведская писательница, автор семейных романов «Семейство Х.» (1831), «Соседи» (1837), «Родной дом» (1839) и др., в которых ставились на обсуждение проблемы равноправия женщин.

Бесков Б. фон (1796—1868) — шведский драматург, писавший трагедии в шиллеровском духе, с 1834 г. и до последних дней жизни — секретарь Шведской Академии.

С. 191. *«Народ единый, все мы — скандинавы!»* — начальная строка стихотворения Андерсена «Я — скандинав», написанного летом 1839 г. и впоследствии положенного на музыку шведскими композиторами Ю.К.Гебауэром и А.Ф.Лингбладом.

С. 192. *«Скандинавизм»*. — См. примеч. к истории «Кукольник», с. 177.

С. 192. *«Скандинавское общество»* — общественная организация, созданная в Дании в 1843 г. и возглавляемая политическим и религиозным деятелем Х.Н.Клаусеном.

...принадлежавшем некогда Каю Люкке, где некогда обитал Валькендорф, могущественный враг Тихо Браге... — К.Люкке — датский дворянин. За оскорбительные высказывания в адрес королевы Софии Амалии по указу короля Фредерика III (1609—1670) был казнен в 1661 г. Легенда о конфликте между королевским гофмейстером К.Валькендорфом (ум. 1601) и астрономом Т.Браге исторического подтверждения не получила.

С. 193. *«Невидимка в Спрогё»* — водевиль Х.К.Андерсена, поставленный в Королевском театре в июне 1839 г.

С. 194. *«Общество свободной печати»* — издательский дом, основанный в 1835 г., с печатным органом, газетой «Данск фолькеблад».

Бюгель К. (1767—1845) — вдова богатого коммерсанта и поклонница творчества Андерсена.

С. 197. *...hinc illae lacrimae!* — *«Вот отчего эти слезы»* (В этом все дело) — цитата из комедии Теренция «Девушка с Андроса» (1, 99).

Отрывок из письма, полученного мною от одного из лучших друзей... — Речь идет о письме Э.Коллина Андерсену от 27 февраля 1846 г. В это время Андерсен работал над немецкой автобиографией «Сказка моей жизни без вымысла».

С. 200. *...удалось только Коллину в последний период своего управления делами театра...* — Последний раз Й.Коллин состоял в дирекции Королевского театра в период с 1842 по 1849 г.

...когда дирекция разделила мой двухактный водевиль «Разлука и встреча»... — Поставленный впервые в апреле 1836 г. на сцене Королевского театра водевиль Андерсена «Разлука и встреча» состоял из двух частей «Испанцы в Оденсе» и «25 лет спустя».

С. 201. *...Хейберг забраковал пьесу его сына...* — Имеется в виду драма «Данте» (1852), написанная сыном К.Мольбека, писателем и переводчиком Кр.К.Ф.Мольбеком.

С. 202. *«Бегство в Спрогё»* — одноактный водевиль Х.Херца, поставленный в Королевском театре в апреле 1838 г. и выдержавший всего два представления.

«Невидимка в Спрогё» — водевиль Андерсена, продержавшийся на сцене Королевского театра с июня 1839 г. до марта 1844 г.

...мое воображение было сильно поражено небольшим французским рассказом «Les epaves». — Имеется в виду новелла французской писательницы Х.Арно (псевдоним писательницы Ф.Рейбо, 1802—1871) «Les epaves» (Обломки), опубликованная в «Ревю де Пари» в феврале 1838 г.

С. 206. *...была переведена на шведский язык и с большим успехом дана на сцене Стокгольмского Королевского театра...* — Постановка «Мулата» на шведской сцене состоялась в марте 1841 г.

Риддерстад К.Ф. (1807—1886) — шведский поэт, прозаик и драматург. «Эпилог к “Мулату” Андерсена» Риддерстад опубликовал в сборнике стихотворений и драм «Салон» в 1843 г.

Верлиг А. (1795—1841) — театральный директор, руководитель одной из датских театральных трупп. В ее репертуар входили многие пьесы Андерсена.

Адлерспарро К.А. (1810—1862) — шведский поэт. Стихотворение Адлерспарро, посвященное Андерсену, было опубликовано в журнале «Портфель» в июле 1840 г.

С. 209. *Французский рассказ был внимательно перечитан, сличен с моей драмой, переведен на датский язык и передан редактору «Портфеля» с настоятельным требованием напечатать перевод.* — Перевод новеллы Арно был опубликован в журнале Г. Карстенсена «Портфель», в феврале 1840 г. под заголовком «Мулат».

«Власть и коварство» (1831) — драма Т.Гюллембург, которую Й.Л.Хейберг под своим именем послал в Королевский театр, где она выдержала всего два представления. В 1834 г. драма была опубликована под именем Гюллембург с предисловием Й.Л.Хейберга, в котором он рассказал об истории ее возникновения.

С. 210. *...возникла идея «Книги картин без картинок».* — «Книга картин без картинок», состоящая из 33 эпизодов — «вечеров», увидела свет 20 декабря 1839 г.

...талантливая госпожа фон Гёрен дебютировала романом «Воспитанница»... — Каролина фон Гёрен — псеводним немецкой писательницы Каролины фон Зёльнер (1795— 1868.) В основу ее романа «Воспитанница» (1846) была положена история падшей женщины, сочиненная Андерсеном и рассказанная им в «третьем вечере» «Книги картин без картинок».

...один лишь господин Сисбю... — Писатель и журналист Г.Сисбю (1803—1884) с 1839 по 1840 г. был редактором газеты «Кюбенхавнс Моргенблад», в которой 22 декабря 1839 г. появилась первая рецензия на «Книгу картин без картинок» Х.К.Андерсена.

С. 211. *...написал трагедию «Мавританка».* — Замысел трагедии «Мавританка» возник у Андерсена еще до окончания работы над драмой «Мулат», в январе 1840 г. К осени 1840 г. работа над пьесой была завершена. В декабре 1840 г. «Мавританка» была поставлена на сцене Королевского театра.

С. 213. *Клейст* — имеется в виду немецкий писатель-романтик Э. фон Клейст (1715—1759).

«Отчизна, что ты потеряла!» (1839) — стихотворение Х.П.Хольста (1811—1893), посвященное памяти короля Фредерика VI и принесшее поэту широкую известность.

Студенческое общество — общественное и культурное объединение, возникшее в Копенгагене в 1820 г.

С. 214. *...где похоронен автор «Зигфрида фон Линденбурга»...* — Имеется в виду немецкий писатель Иоганн Готтверт Мюллер (Мюллер из Итцехо) (1743—1828), его роман «Зигфрид фон Линденбург» увидел свет в 1779 г.

С. 215. *«Гевандхаус»* (Gewandhaus) — концертный зал в Лейпциге.

С. 216. *Каульбах Вильгельм фон* (1805—1874) — немецкий живописец и рисовальщик, с которым у Х.К.Андерсена сложи-

лись долгие дружеские отношения. Прославился своими иллюстрациями к произведениям Гёте и Шиллера.

С. 217. *...вопреки ожиданиям моих земляков, говоривших, что «другой такой случай мне вряд ли представится»...* — Слова из письма Э.Коллина 18 декабря 1833 г., в котором он советовал писателю на некоторое время отложить перо и пожить в свое удовольствие, поскольку «другой такой случай» (получить 600 риксдалеров королевской стипендии) ему «вряд ли представится».

С. 218. *...в сказке «Мои сапоги»...* — Сказка Андерсена «Мои сапоги» увидела свет в книге путевых очерков «Базар поэта».

С. 219. *Называлось оно «Душа после смерти», и в нем (...) «Андерсена изрядно поливают».* — В сатирической поэме Й.Л. Хейберга «Душа после смерти» (1841), как впоследствии признавал Андерсен, не содержалось для него ничего оскорбительного.

С. 220. *Х.П.Хольст упоминает о нашем знакомстве с ним в своих «Итальянских зарисовках»...* — Имеются в виду итальянские впечатления Хольста в его книге путевых очерков «За границей и дома» (1843).

С. 223. *...нашел подходящий сюжет в легенде о Вечном Жиде...* — Речь идет о драматической поэме «Агасфер», замысел которой возник у Андерсена в конце 1830-х гг. К середине 1840-х гг. были написаны первые главы, после чего в работе наступил почти трехлетний перерыв. В 1847 г. поэма была завершена.

...немец Мозен, голландец тен Кате, француз Эжен Сю, а у нас Ингеманн. Кроме того, небольшие произведения на эту тему мы находим у Шубарта, Ленау, Карла Витте, Палудана-Мюллера... — Речь идет о поэме К.Мозена «Агасфер» (1838), стихотворении Я.Я.Л. тен Кате «Агасфер» (1841), представляющем собой перевод на голландский язык с немецкого одноименного стихотворения (1818) К.Витте, романе Э.Сю «Вечный Жид» (1844—1845), поэме Ингеманна «Страницы дневника сапожника из Иерусалима» (1833), стихотворении К.Ф.Д.Шубарта «Вечный Жид» (1783), стихотворении Н.Ленау «Вечный Жид» (1833) и поэме Палудана-Мюллера «Агасфер» (1854).

С. 226. *...часть Румынии и Болгария были объяты восстанием...* — Имеется в виду восстание против турок в апреле 1841 г.

С. 232. *Позже появилось несколько изданий этой книги в немецком переводе, равно как и в шведском; особенно же изящно она была издана в переводе на английский...* — «Базар поэта» был переведен на немецкий язык в 1843 г., затем — в 1847 и 1853 гг., на шведском книга вышла в 1843 г., а на английском — в 1846 г.

С. 233. *...как отмечал мой биограф в «Датском пантеоне»...* — Имеется в виду датский литературный критик П.Л.Мёллер (1814—1865), составивший для издания «Датский пантеон» (1842—1851) краткую биографию Андерсена.

С. 238. *...прибавлявшееся, по примеру известного древнего философа, маленькими камешками во рту...* — Речь идет, по всей видимости, об афинском ораторе Демосфене (ок. 384—322 до н.э..)

С. 238. *...в Нюсё, имении баронессы Стампе...* — Стампе К., урожденная Дальгас (1797—1868), владевшая поместьем в Нюсё, куда в летний период она приглашала известных датских писателей, художников, музыкантов.

С. 239. *...его энергичная, жизнерадостная супруга...* — Имеется в виду Эмма Хартманн, урожденная Зинн (1807—1851), композитор, скрывавшаяся под псевдонимом Фредерик Пальмер.

...получил постоянное место в так называемом придворном партере... — Партер датского Королевского театра делился на три части: заднюю — собственно партер, среднюю — второй партер и ближайшую к сцене — придворный партер.

С. 242. *Всю эту картину можно видеть теперь на фреске, украшающей наружные стены музея Торвальдсена.* — Автор фрески на Музее Торвальдсена — художник Й.В.Сонне (1801—1890), работавший над ее созданием с 1846 по 1848 г.

...Эленшлегер, Хейберг, Херц и Грундтвиг... — Грундтвиг Н.Ф.С. (1783—1872) — религиозный философ, поэт, историк и педагог, реформатор Церкви и школы.

...словно «триумфальная арка Александра Македонского». — Строка из стихотворения Андерсена «Ясон и военный поход Александра Македонского» (1838).

С. 243. *В моих стихах говорилось о Язоне, пустившемся на поиски золотого руна, о Язоне-Торвальдсене...* — Речь идет о стихотворении Андерсена «В честь первого визита Торвальдсена в Студенческое общество 13 октября 1838 г.» (1838).

С. 244—245. *...работал тогда над статуей Байрона.* — К работе над статуей Байрона Торвальдсен приступил в 1817 г. и закончил ее в 1831 г., уже после смерти поэта.

С. 245. *В Нюсё я написал несколько сказок, между прочим и «Оле Лукойе»...* — Сказка «Оле Лукойе» была написана Андерсеном в Нюсё в 1840 г.

...с улыбкою слушал «Влюбленную парочку», «Гадкого утенка» и другие сказки. — Сказки «Влюбленная парочка» и «Гадкий утенок» были написаны Андерсеном в 1843 г.

С. 246. *...окончил лепить из глины бюст Хольберга...* — Бюст Хольберга, заказанный Торвальдсену Академией в Сорё, был создан скульптором в 1839 г.

...трудился над барельефом «Шествие на Голгофу»... — Барельеф «Шествие на Голгофу» для копенгагенской церкви Богоматери был создан Торвальдсеном в 1839 г.

...водевиль Хейберга «Апрельские шутки» и «Сочельник» Хольберга... — Водевиль Й.Л.Хейберга «Апрельские шутки» был написан в 1826 г. Комедия Хольберга «Сочельник» — в 1724 г.

С. 248. *...трагедия Хальма «Гризельда»...* — Фредрих Хальм (наст. имя Э.Ф.Й. фон Мунка-Беллингхаузен) (1806—1871) — австрийский писатель. Трагедия Хальма «Гризельда» была поставлена в Королевском театре в марте 1844 г.

С. 249. *«Покойся с миром»* — стихотворение Андерсена на смерть Торвальдсена было написано 30 марта 1844 г.

«Птица на грушевом дереве» — одноактный водевиль Андерсена, поставленный в Королевском театре в июле 1842 г.

С. 251. *Хейберг же в «Листках для интеллигенции» так отозвался о моей пьеске...* — Имеется в виду статья «Обозрение театрального сезона», которую Й.Л.Хейберг опубликовал в своей газете в 1842 г.

С. 252. *...отдал ее в распоряжение театра «Казино»...* — Водевиль Андерсена «Птица на грушевом дереве» был поставлен в театре «Казино» в июне 1853 г.

С. 253. *Над его могилой звучала моя песня...* — Речь идет о стихотворении Андерсена «Памяти К.Э.Ф.Вайсе», которое было опубликовано в октябре 1842 г. в газете «Фэдреландет».

С. 254. *И вот здесь я впервые получил возможность убедиться в наличии некоторой напряженности в отноше-*

нии отдельных подданных герцогств к королевству. — Причиной возникновения напряженности между королевством и герцогствами Шлезвиг и Гольштейн в конце 1830-х гг. стало решение датского правительства в противовес растущим настроениям национализма и сепаратизма в Среднем и Южном Шлезвиге и Гольштейне поддержать там движение сторонников скандинавизма.

С. 256. *Бенсон К.А.* (1816—1849) — датский художник. Портрет Андерсена был написан Бенсоном в 1836 г.

Кнуд (Кнут) Святой — См. примеч. к истории «Колокольная бездна», с. 54.

Блаке — слуга короля Кнуда Святого, предавший его во время крестьянского мятежа. Картина художника Бенсона «Гибель короля Кнуда Святого» была написана в 1844 г. и находится в настоящее время в музее Оденсе.

...слушал Ализара в «Фаворитке» Доницетти... — Речь идет об опере итальянского композитора Г.Доницетти «Фаворитка» (1840), в брюссельской постановке которой участвовал французский оперный певец А.Ж.Л.Ализар (1814—1850).

...был обезглавлен Эгмонт. — Эгмонт Ламораль (1522—1568) — участник освободительной борьбы Нидерландов против Испании, казненный 5 июня 1568 г. в Брюсселе. Ему посвящена трагедия Гёте «Эгмонт» (1788).

С. 257. *...Мармье поместил обо мне в «Revue de Paris»...* — Мармье Ксавье (1809—1892) — французский писатель, автор романов, путевых очерков, литературно-критических и исторических сочинений. В 1837 г. посетил Копенгаген, где познакомился с Андерсеном. В 1838 г. опубликовал биографический очерк об Андерсене «Жизнь одного поэта». В 1839 г. Мармье включил этот очерк в состав своей «Истории датской литературы», познакомившей европейского читателя с жизнью и творчеством Х.К.Андерсена.

Мартэн Н. (1814—1877) — французский поэт и переводчик, посвятивший писателю стихотворение «Датский поэт Андерсен» (1838), опубликованное в «Ревю де Пари» вместе с биографическим очерком Мармье.

...чего не удалось в свое время Эленшлегеру... — В своих мемуарах «Жизнеописание» (тт. 1—4, 1850—1851) Эленшлегер,

встречавшийся с Гюго Париже в 1844—1845 гг., охарактеризовал его как человека необщительного и высокомерного.

«Бургграфы» — последняя большая трагедия Гюго, написанная им в 1843 г.

...мое небольшое стихотворение... — Очевидно, имеется в виду стихотворение «Умирающее дитя», переведенное на французский язык Мармье.

...«Эрнани», «Анджело», «Осенние листья»... — Драмы «Эрнани» и «Анджело, тиран Падуанский» были написаны Гюго соотвественно в 1833 и 1835 гг. Поэтический сборник «Осенние листья» увидел свет в 1835 г.

С. 258. *...стоит только наклониться, чтобы поднять древний золотой рог!* — Намек на стихотворение Эленшлегера «Золотые рога» — программное произведение датского романтизма.

С. 260. *Рашель* (наст. имя Элиза Рашель Феликс, 1821—1858) — ведущая трагическая актриса Франции. Прославилась исполнением роли Федры в одноименной трагедии Расина. Андерсен видел Рашель на сцене в этой роли в марте 1843 г.

С. 265. *Всё в солнечных бликах...* — стихотворение Гейне. Под названием «Движение жизни» опубликовано впоследствии в поэтическом сборнике «Новые стихотворения» (1844).

С. 266. *Коллин Теодор* (1815—1902) — младший сын Й.Коллина, врач, впоследствии д-р медицины.

Некое немецкое семейство... — Речь идет о немецком дипломате Вильгельме фон Эйзендехере и его жене Каролине.

...мою краткую биографию, предпосланную изданию романа «Всего лишь скрипач»... — Роман «Всего лишь скрипач», вышедший в Германии в 1838 г., в качестве предисловия содержал краткую биографию Андерсена.

С. 267. *Отец Клары Шуман, музыкант Вик...* — Шуман Клара — немецкая пианистка, жена композитора Р.Шумана (1810—1856). Ее отец, Фредерик Вик, преподавал музыку в Дрездене.

...поэт Фрейлиграт, недавно получивший пенсион от прусского короля. — Фрейлиграт Ф. (1810—1876) — немецкий поэт. В 1842 г. он получил от прусского короля пожизненное денежное содержание, от которого под влиянием революционных событий в Германии отказался.

С. 268. *Арндт Э.М.* (1769—1860) — немецкий поэт и историк. В 1806 г. бежал от преследования Наполеона за политические взгляды в Швецию, где находился до 1809 г.

С. 270. *Боас Э.* (1815—1853) — немецкий писатель, посетивший в 1843 г. скандинавские страны. О своих впечатлениях рассказал в книге путевых очерков «По Скандинавии. Северный свет» (1845), поместив в ней также статью о датской литературе, которую ранее опубликовал в журнале «Грэнцботен».

С. 273. *Фистер Л.* (1807—1896), *Йоргенсен Х.* (1791—1847) — артисты датского Королевского театра.

С. 274. *На родине тепло и сердечно писал о них в свое время только блистательный П.Л.Мёллер...* — Как и Х.К.Эрстед, П.Л.Мёллер считал, что сказки являются высшим достижением художественного гения Андерсена.

С. 277. *...Петер Шлемиль, от которого сбежала его собственная тень.* — Имеется в виду герой новеллы-сказки А.Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля».

С. 278. *Линд Й.* (1820—1887) — шведская оперная певица, с которой Андерсен познакомился в 1843 г., когда она только начинала свою европейскую карьеру.

С. 281. *Каста дива* (casta diva) — ария Нормы из одноименной оперы В.Беллини.

«Дочь полка» (1840) — опера итальянского композитора Г.Доницетти (1797—1848). *«Сомнамбула»* (1831) — опера итальянсого композитора В.Беллини.

«Вот была бы исполнительница для моей Вальборг!..» — Имеется в героиня драмы Эленшлегера «Аксель и Вальборг».

...посвятил ей прекрасное, глубоко прочувствованное стихотворение... — Имеется в виду стихотворение Эленшлегера «Йенни Линд» (1845).

С. 282. *«Союз призрения покинутых детей»* — благотворительная организация, созданная в 1837 г. при непосредственном участии Й.Коллина.

...из «Волшебного стрелка» и из «Лючии»... — Имеются в виду опера немецкого композитора К.М. фон Вебера (1786—1826) «Вольный стрелок» (1821) и опера итальянского композитора Г.Доницетти (1797—1848) «Лючия ди Ламмермур» (1835).

С. 289. *...положил на музыку четыре моих стихотворения...* — В 1842 г. Р.Шуман положил на музыку четыре стихотворения Андерсена в переводе А.Шамиссо: «Мартовские фиалки», «Мечта матери», «Солдат» и «Музыкант».

...знаете ли вы «Кораблик» Уланда? — Речь идет о стихотворении немецкого поэта-романтика Л.Уланда (1787—1862) «Кораблик» (1810).

С. 290. *Хан-Хан И.* (1805—1880) — немецкая романистка и поэтесса, а также автор многочисленных книг путевых очерков, в том числе «Из Вавилона в Иерусалим» (1851), в которой поведала о своем обращении в католичество.

С. 292. *«Здесь дикий лебедь, летавший по свету...»* — Строки из стихотворения Андерсена, посвященного памяти А.Шамиссо и опубликованного 28 августа 1838 г. в газете «Кюбенхавнс постен».

«Не так страшны, как говорят о том...» — Строки из стихотворения, посвященного памяти супруги Й.Коллина, Х.Коллин, скончавшейся 21 мая 1845 г. Стихотворение было опубликовано в газете «Берлингске Тиденде» 24 мая 1845 г.

Арним Беттина фон (1785—1859) — немецкая писательница, вдова писателя-романтика А. фон Арнима, автора сборника народных стихов, песен и баллад «Волшебный рог мальчика» (1806—1808), «романа в письмах» «Переписка Гёте с ребенком» (1835), публицистического сочинения «Эта книга принадлежит королю» (1843) и др.

С. 295. *Здесь же я узнал, что прусская королевская чета удостоила мою особу своего милостивого внимания...* — Имеются в виду король Пруссии Фридрих Вильгельм IV (1795—1861) и королева Элизабет (1801—1873).

...произошло известное омерзительное покушение. — Имеется в виду неудавшееся покушение на короля Пруссии Фредерика Вильгельма IV 26 июля 1841 г.

С. 298. *«Соловей» и «Свинопас»...* — Сказки «Соловей» и «Свинопас» были написаны Андерсеном соответственно в 1843 и 1839 гг.

С. 299. *«Молитва»* — стихотворение Андерсена, представленное в сборнике «Стихи, старые и новые» (1847).

С. 301. *...принц Норский...* — Имеется в виду принц Фредерик (1800—1865), брат королевы Дании Каролины Амалии (1796—1881).

С. 304. *Келлерман К.* (1815—1866) — скрипач-виртуоз, считавшийся одним из лучших музыкантов Европы.

С. 305. *«Цветок счастья»* — сказочная комедия Андерсена, поставленная в Королевском театре в 1845 г.

С. 306. *...вы пишете в «Датском атласе», будто я восторгаюсь Дарданеллами...* — Речь идет о стихотворении Й.Л.Хейберга «Кронборг», опубликованном в 1842 г.

С. 307. *«Грезы короля»* — сказочная комедия Х.К.Андерсена, написанная в 1843 г. и поставленная в Королевском театре в 1844 г.

«Первенец» — комедия Андерсена, написанная в 1845 г. и долгие годы пользовавшаяся заслуженным успехом у зрителей.

С. 310. *«Закрыла очи ты...»* — строки из стихотворения Андерсена памяти супруги Й.Коллина Хенриетты, опубликованное в «Берлингске Тиденде» 24 мая 1845 г.

С. 311. *...памятник королю Фредерику VI...* — Памятник королю Фредерику VI работы Торвальдсена был открыт 31 июля 1845 г. В честь этого события Андерсен написал стихотворение «Королю Фредерику VI, которому Господь подарил много лет жизни», положенное на музыку композитором Хартманном.

С. 312. *...в России мой «Импровизатор» вышел в переводе со шведского издания.* — Роман Андерсена «Импровизатор» был переведен на русский язык в 1844 г. благодаря стараниям академика Я.К.Грота (1812—1893.) Перевод был осуществлен его сестрой, Розой Карловной, а сам Грот выступил редактором издания.

С. 313. *Путешествие всегда было для меня освежающим купанием, животворным напитком из кубка Медеи...* — Согласно античной мифологии, с помощью волшебного напитка Медея вернула молодость старому отцу Ясона.

С. 316. *Так появилась «Девочка со спичками»...* — История «Девочка со спичками» была написана автором в 1845 г.

С. 320. *«Старый дом»* — сказка Андерсена, написанная в 1847 г.

«Иоган Австрийский» (1845) — драма Й. Мозена (1803—1867.)

С. 322. *...сборник сказок всех народов, изданный Мольбеком и посвященный вам...* — В 1843 г. К.Мольбек издал составленный им сборник «Избранные сказки и рассказы» (1843), посвятив его немецким сказочникам бр. Гримм. В этот сборник он включил сказку Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

С. 323. *...»Эльфы» Тика...* — Сюжет романтической сказки Л.Тика «Эльфы» (1812) лег в основу одноименной пьесы Й.Л.Хейберга, поставленной в Королевском театре в январе 1835 г.

С. 327. *...мне посчастливилось несколько раз быть принятым принцессой Прусской...* — Имеется в виду прусская принцесса Августа (1811—1890), впоследствии жена германского императора Вильгельма I Прусского (1797—1888).

...князь Пюклер-Мускау, автор «Земилассо»... — Пюклер-Мускау Г. фон (1875—1871) — немецкий писатель, автор многочисленных путевых очерков. С его сочинением «Земилассо в Африке» о поездке в 1830 г. в Алжир Андерсен познакомился в 1838 г. в датском переводе.

С. 328. *...свою трагедию «Дина»...* — Речь идет о посещении Эленшлегером Германии в 1844 г. Его трагедия «Дина» увидела свет в 1842 г.

«Ель» — сказка Х.К.Андерсена, написанная в декабре 1844 г.

С. 328. *...комедии Хольберга «Оловянщик-политикан».* — Комедия Хольберга «Оловянщик-политикан» была поставлена в Королевском театре в июне 1845 г.

С. 331. *Его «Деревенские рассказы»...* — Речь идет о сборнике рассказов немецкого писателя Б.Ауэрбаха (1812—1882) «Шварцвальдские деревенские рассказы» (1843—1853).

«Агнес фон Лилиен» — роман немецкой писательницы Каролины фон Вольцоген увидел свет в 1798 г.

С. 332. *Хазе К.А. фон* (1800—1890) — богослов, автор работ по истории Церкви. Его сочинения «Жизнь Христа» и «История Церкви» вышли в свет соответственно в 1829 и 1834 г.

С. 333. *Лорк К.В.* (1814—1905) — издатель, в 1836 г. переселился из Дании в Германию. С 1845 г. — глава издательства «Карл В. Лорк», издававшего в Германии сочинения Х.К.Андерсена.

Снова свиделся со знакомым мне еще по Риму Райником... — С поэтом и художником Р.Райником Андерсен встречался несколько раз зимой 1840—1841 гг. в Риме.

С. 334. *«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали...»* — (Пс. 136, 1.)

Тогда же художник Грааль написал один из лучших моих портретов... — В настоящее время портрет Андерсена, написанный художником А.Граалем (1791—1868), находится в музее Андерсена в Оденсе.

«Трубадур» (1839) — роман немецкого писателя Э.Г. фон Бруннова (1796—1845).

«Хольгер Датчанин» — сказка Андерсена, написанная в марте 1845 г.

С. 335. *...в Польшу, где разразились беспорядки.* — Имеется в виду краковское восстание 1846 г.

С. 336. *...его фантазия на темы из «Роберта»...* — Имеется в виду сочинение Ф.Листа «Фантазия на темы оперы Д. Мейербера «Роберт-дьявол».

С. 337. *«По-граждански и романтически»* (Burgerlich und Romantisch, 1835), *«Хроника любви»* («Das Ziebesprotokoll», 1831) — пьесы австрийского драматурга Э.фон Бауэрнфельда (1802—1890), на датской сцене не ставившиеся.

С. 339. *«Красные башмачки».* — Сказка Х.К.Андерсена, написанная в 1845 г.

Корфиц и Элеонора Ульфельдт. — См. примеч. к сказке «Хольгер Датчанин», с. 430.

С. 340. *Еще до того, как Эленшлегер задумал написать «Дину»...* — В своей трагедии «Дина» (1842) Эленшелегер устами героини Дины Винхоферс обвиняет Корфица и Элеонору Ульфельдт в попытке отравить ядом короля Фредерика III.

...от «Голубой башни» до позорного столба на площади Ульфельдта... — «Голубая башня» — место заточения Э.Ульфельдт, в котором она находилась с 1663 по 1685 г. Позорный столб был установлен в 1663 г. на месте снесенного по решению суда дома Корфица Ульфельдта, скрывшегося за границей. В 1842 г. по указу короля Кристиана VIII позорный столб был убран и в настоящее время находится в историческом музее Копенгагена.

С. 344. *Йерихау Й. А.* (1816—1883) — датский скульптор. В период 1830—1840-х гг. был близок к кружку Торвальдсена в Риме, автор 44 скульптурных композиций в классицистическом духе главным образом на мифологические темы.

«Охотник на пантер» — скульптурная композиция Иерихау, выполненая в 1845—1846 гг. в мраморе и считающаяся одной из его лучших работ.

С. 345. *Последней его скульптурной работой был мой бюст.* — Скульптурный портрет Андерсена был выполнен Йерихау в 1838 г.

С. 347. *...город Торквато Тассо...* — Итальянский поэт Возрождения Торквато Тассо родился в Сорренто 11 марта 1544 г.

С. 348. *...одна из девушек начала читать слова мессы...* — Писатель ошибся: молитвы во время богослужения в католической церкви читает священник.

С. 349. *«Тень»* — сказка Андерсена, идея которой возникла у него в 1846 г. в Италии, написана в 1847 г. в Копенгагене.

С. 350. *...словно отравленный плащ Геркулеса...* — Согласно античной мифологии, жена Геракла Деянира из ревности послала мужу одежду, пропитанную отравленной кровью кентавра Несса. Когда Геракл ее надел, то, мучимый страшной болью, принял смерть на костре.

С. 353. *...«четырехугольный дом в Ниме».* — Речь идет о храме в коринфском стиле, воздвигнутом во времена римского императора Августа. В настоящее время — музей античной скульптуры и живописи.

...по описанию Ламартином своего путешествия на Восток... — Имеется в виду сочинение А.Ламартина «Путешествие на Восток» (1830), с которым Андерсен познакомился в датском переводе в 1839 г.

С. 354. *...из книги Мармье «Песни Севера»...* — Речь идет о книге К.Мармье «Песни Севера» (Chansons du Nord, 1842). В этой антологии скандинавской поэзии наряду с переводами произведений других скандинавских авторов было представлено стихотворение Андерсена «Умирающее дитя».

...с нарисованной на ней знаменитой «Пляской смерти»... — Имеется в виду распространенный в средневековом и возрожденческом искусстве мотив «Пляски смерти»: хоровод мертвецов со скелетом в роли главного танцора. Подобное изобра-

жение находилось на кладбищенской стене в Базеле, разрушенной в начале XIX в.

С. 355. *...плащ Фауста...* — В трагедии Гёте «Фауст» (1808—1832) говорится о «плаще Мефистофеля», в котором он несет по воздуху Фауста (I, V. 2065—2066).

С. 358. *Араго Д.Ф.* (1786—1853) — французский физик, астроном и политик, являвшийся членом палаты депутатов Перпиньяна.

С. 359. *...стоял как Моисей, глядя на страну, куда мне так и не суждено было попасть...* — Библейская аллюзия: И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря «семени твоему дам ее». Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но ты в нее не войдешь» (Второзаконие 34, 4).

С. 362. *...завершил подготовленную для немецкого издания моих сочинений «Das Marchen meines Lebens», или «The true Story of my life», как ее назвали англичане.* — Работу над автобиографией Х.К.Андерсен завершил в 1846 г. В 1847 г. она была переведена и издана в Германии под названием «Сказка моей жизни без вымысла» (Das Marchen meines Lebens ohne Dichtung.) В Англии она увидела свет под названием «Правдивая история моей жизни» (The true Story of my life) также в 1847 г.

С. 364. *...бюст Верне работы Торвальдсена...* — Мраморный бюст французского художника О.Верне (1789—1863) был изготовлен Торвальдсеном в 1846 г.

...из баллады о Леоноре... — Имеется в виду баллада «Леонора» (1773) немецкого поэта Г.А.Бюргера (1747—1794).

Семптимий Север — римский император из династии Северов (193—235).

С. 366. *...«Страделлу» Флотова и «Вольного стрелка» Вебера...* — Речь идет об опере Ф. фон Флотова (1812—1883) «Страделла» (1844) и опере К.М.Вебера «Вольный стрелок».

Пил Р. (1788—1850) — английский государственный деятель, премьер-министр в 1839—1846 гг.

С. 367. *...Кристиан VIII только что опубликовал свое открытое письмо...* — Имеется в виду открытое письмо датского короля Кристиана VIII 8 июля 1846 г. об общем для Дании и Шлезвига порядке престолонаследия. Нацеленное на

присоединение к Дании Шлезвига, оно вызвало волну недовольства в Германии.

С. 368. *...пошла на сцене и снискала большой успех опера Хартманна «Маленькая Кирстен»...* — Опера «Маленькая Кирстен» была поставлена на сцене Королевского театра в мае 1846 г. и признана одним из шедевров датской оперной классики. Музыку к опере «Маленькая Кирстен» написал композитор Хартманн.

С. 369. *...принес ему свой перевод стихотворения Байрона «Тьма»...* — Перевод Андерсена стихотворения Байрона «Тьма» (1916) был опубликован в журнале «Валькириен» в марте 1832 г.

...те идеи, которые позже были изложены им в труде «Дух в природе»... — В сочинении Х.К.Эрстеда «Дух в природе» (1850) наряду с проблемами научного знания освещались вопросы литературы и искусства.

...не поняты даже Мюнстером. — Мюнстер Я. П. (1775—1854) — датский епископ. В «Замечаниях по поводу сочинения Х.К.Эрстеда "Дух в природе"» (1850) Мюнстер с позиций религиозной ортодоксии критиковал натурфилософские взгляды Х.К.Эрстеда.

...принятую в «Робинзоне» Кампе... — Имеется в виду сочинение «Юный Робинзон» (1779) немецкого педагога Й.Х.Кампе (1746—1818), переработавшего знаменитый роман Д.Дефо в назидательное чтение для подростков.

С. 370. *В Германии после выхода моего «Собрания сочинений»...* — Речь идет об изданных в Германии Лорком «Собрании сочинений» Андерсена в 50 т. (1847—1872) и «Избранных сочинениях» Андерсена в 8 т. (1853).

С. 371. *Спокойно спи!..* — Первая строка стихотворения «Старый холостяк» из сказки Андерсена «Ночной колпак холостяка».

С. 376. *...перевел на голландский все мои романы...* — На самом деле переводчиком К.Й.Н.Нюгордом (1813—1881) был переведен на голландский язык роман Андерсена «Импровизатор». Переводы других произведений, о которых упоминает Андерсен, осуществлялись разными людьми и публиковались подчас анонимно.

...издатель голландской газеты «Время». — Речь идет о голландском писателе Й.Л. ван дер Флите (1814—1851), изда-

теле иллюстрированного еженедельника «Время», в котором в 1845—1847 гг. публиковались сказки и отрывки из автобиографии Андерсена.

Леннеп Я. ван (1802—1868) — нидерландский писатель, обращавшийся главным образом к исторической теме. Пьеса Леннепа «Освобождение Харлема» и роман «Декамская роза» были опубликованы соответственно в 1832 и 1833 гг.

С. 379. *Хенгист и Хорса* — предводители дружин англосаксов.

С. 381. *...автор «Рассказов о юности» ван Кнеппельхоут...* — Кнеппельхоут Й. (1814—1885), нидерландский писатель, автор юмористических рассказов о жизни студентов.

...знаменитый гаагский актер-трагик Петерс... — Имеется в виду актер Гаагского театра А.Петерс (1846—1853).

...изобразил сцену в тюрьме из «Тассо» Гравенвэйрта... — Речь идет о драматической поэме нидерландского писателя Й.Гравенвэйрта (1790—1870) «Тассо в Риме» (1826.)

С. 382. *...патриотической песни «В чьих жилах голландская кровь!»* — Текст песни «В чьих жилах голландская кровь!» был написан поэтом Х. Ван Толленсом, музыка — композитором Й.В.Вилмсом.

...как поется в народной песне о «молодом г-не Педерсене»... — «Молодой г-н Педерсен» — датская шуточная народная песня о неудачливом моряке.

С. 384. *...мне вспомнились диккенсовские Квилп, Нелли и ее дедушка...* — Имеется в виду роман Ч.Диккенса «Лавка древностей» (1840), который в 1841 г. был переведен на датский язык под названием «Нелли и ее дедушка».

...как описывал жизнь на этих берегах Марриет... — Речь идет о романе английского писателя Ф.Марриета «Якоб Фейтфул» (1834), перевод на датский — 1836 г.

С. 387. *...что «живу в переулке Пера Мадсена»...* — Небольшая улица в центре Копенгагена, пользовавшаяся дурной репутацией. В настоящее время не существует.

С. 390. *...специально для нее написал новую оперу «Разбойники»...* — Лондонская постановка оперы Д.Верди «Разбойники» (1847) (по Шиллеру), несмотря на участие Й.Линд, успеха не имела.

...Fuimus Troes! — «...Мы были троянцами!» (лат.), слова из «Энеиды» Вергилия (II, 325.) (*Здесь*: Как все изменилось!)

С. 391. *Планше Д.Р.* (1796—1880) — английский писатель, автор либретто к опере Вебера «Оберон» (1826).

Хамбро Й. (1780—1848) — датский банкир, обосновавшийся в 1840 г. в Лондоне и представлявший интересы Андерсена в английских издательствах.

С. 393. *Блессингтон М.* (1789—1849) — английская писательница ирландского происхождения, получившая известность прежде всего как автор романов и путевых очерков.

Болейн Анна (ок.1507—1536) — английская королева, вторая жена короля Генриха VIII, казненная по обвинению в супружеской неверности.

С. 400. *...могила Томсона, слева — Саути, и тут же под широкими плитами пола лежат Гаррик, Шеридан и Самюэл Джонсон.* — Томсон Д. (1700—1748) — английский писатель. Саути Р. (1774—1843) — английский писатель. Гаррик Д. (1716—1779) — английский актер. Шеридан Р.Б. (1751—1816) — английский драматург. Джонсон С. (1709—1784) — английский писатель и лексикограф.

С. 405. *...известна по роману В.Скотта «Эдинбургская темница»...* — Роман В.Скотта «Эдинбургская темница» (1818) был переведен на датский язык писателем К.Й.Бойе в 1822 г. По словам Андерсена, это был первый прочитанный им роман.

Памятник Вальтеру Скотту — воздвигнут в 1844 г. по проекту архитектора Д.М.Кемпа. Автор мраморного изваяния писателя, созданного в 1846 г., — скульптор Д.Стилл. *Мэг Меррилиз* — персонаж романа В.Скотта «Гай Мэннеринг» (1915). *Последний менестрель* — персонаж поэмы В.Скотта «Песнь последнего менестреля» (1805).

С. 406. *Бурке В.* — убийца, продававший эдинбургским врачам тела задушенных им жертв. Казнен в 1829 г.

Нокс Д. (1505—1572) — пропагандист кальвинизма в Шотландии, противник шотландской королевы-католички Марии Стюарт.

Стюарт М. (1542—1568) — королева Шотландии.

Фаэтон — в греческой мифологии сын бога солнца Гелиоса. Управляя колесницей солнца, не смог сдержать огнедышаших коней, которые отклонились от обычного пути, что вызвало страш-

ный пожар. За это Зевс поразил Фаэтона молнией. Падение Фаэтона изображали художники разных времен.

Риццио Д. — секретарь Марии Стюарт, убитый 9 марта 1566 г.

Госпиталь Джорджа Хериота — исторический памятник в Эдинбурге. Госпиталь был построен в 1628—1660 гг. на пожертвования королевского ювелира Д. Хериота (1563—1624) и назван его именем.

С. 407. *«Приключения Найджела»* — роман В.Скотта о монархии Стюартов, написанный им в 1822 г.

С. 408. *Бонер Ч.* (1815—1870) — английский писатель и переводчик, переведший на английский язык с немецкого языка сказки Андерсена.

«Сверчок за очагом» — рассказ Ч.Диккенса, написанный в 1846 г. и вошедший в цикл произведений, объединенных общим названием «Рождественские рассказы».

Кроув К. (1800—1876) — английская писательница, увлекавшаяся оккультными науками. Ее роман « Сьюзен Хопли» (1841) был переведен на датский язык в 1853 г.

С. 409. *«Дева озера». «Роб Рой».* — Поэма В. Скотта «Дева озера» увидела свет в 1810 г., роман «Роб Рой» — в 1818 г.

С. 410. *Оссиан.* — См. примеч. к сказке «Птица народных песен», с. 355.

...о Дарнли и Марии Стюарт... — Лорд Генри Стюарт Дарнли в 1565 г. женился на своей кузине, королеве Марии Стюарт, и таким образом приобрел титул короля Шотландии. В январе 1567 г. Дарнли был убит в результате заговора.

...великая битва времен Эдуарда II и Роберта Брюса... — В 1314 г. английский король Эдуард II потерпел сокрушительное поражение от шотландского короля Роберта Брюса.

С. 411. *...из владений Красного Робина...* — Имеется в виду главный герой романа В.Скотта «Роб Рой» (1818).

С. 416. *...от того, кого в свое время называли «Великим Инкогнито».* — В начале творческого пути В.Скотт скрывал свое авторство.

С. 419. *«Часы мистера Хэмфри»* — название журнала Ч.Диккенса, в котором он опубликовал романы «Лавка древностей» (1840) и «Барнаби Радж» (1841).

С. 423. *...как «Рождественский подарок моим английским друзьям»...* — Имеется в виду небольшой сборник сказок Андерсена, изданный в Англии в декабре 1847 г. В него вошли сказки «Старый дом», «Капля воды», «Счастливое семейство», «История матери», «Воротничок», «Тень», «Старый уличный фонарь».

С. 424. *Маленький мальчик, старик и оловянный солдатик* — персонажи сказки Андерсена «Старый дом».

С. 424. *...вышло одновременно на датском и немецком языках мое новое сочинение «Агасфер»...* — Драматическая поэма Андерсена «Агасфер» вышла в свет в Дании и в Германии одновременно, в декабре 1847 г.

С. 428. *«Вернисаж мировой литературы»* (Bildersaal der Weltliteratur) — немецкий литературно-критический журнал, в котором в 1855 г. были напечатаны отрывки из «Агасфера» Андерсена.

...помимо сцен из «Хакона Ярла», «Дочери короля Рене», «Тиберия»... — Имеются в виду трагедия Эленшлегера «Хакон Ярл» (1807), трагедия Х.Херца «Дочь короля Рене» (1845), лирическая драма Й.К.Хауха «Тиберий» (1847).

...ему уделяется большее внимание, чем прежде... — Речь идет о рецензии Г.Томсена в первом номере журнала «Данск Монедскрифт» за 1855 г. Анализируя поэму «Агасфер», критик связывает ее появление на свет с началом нового творческого подъема у Андерсена.

С. 430. *...одну из строк этого стихотворения: «Ты помнил и ценил талант!»* — Речь идет о стихотворении Андерсена «Король Кристиан VIII», опубликованном в газете «Берлингске Тиденде» 25 января 1848 г.

...была провозглашена Конституция... — 28 января 1848 г. король Фредерик VII опубликовал заявление относительно новой конституции, в которой предполагалось созвать общее для королевства и герцогств Шлезвиг и Гольштейн сословное собрание. Но это заявление не погасило националистических и сепаратистских настроений в герцогствах, так как шлезвиг-гольштинцы не без основания опасались, что датчане получат в сословном собрании большинство.

...волны европейского шторма докатились и до нас. — Революционные события 1840-х гг. во Франции, Пруссии, Австрии

послужили катализатором для разрешения политической ситуации в Дании и в герцогствах, где народ стал требовать радикальных решений.

В Гольштейне произошло восстание. — Восстание в Гольштейне быстро распространилось и на значительную часть Шлезвига, лишь его северная часть с преобладавшим датским населением сохранила верность Дании.

С. 432. *Вы знаете о том, что происходит сейчас в Дании: мы ведем войну...* — Первая шлезвиг-гольштинская война началась в марте 1848 г. В апреле 1848 г. восставшие были разгромлены датской армией. В войну вступила Пруссия, оккупировавшая южную часть Ютландии. Но под давлением некоторых европейских государств, в первую очередь России, немецким войскам пришлось покинуть территорию герцогств. В июле 1850 г. между Данией и Пруссией был подписан мирный договор, не решивший, однако, вопроса о статусе Шлезвиг-Гольштейна.

С. 434. *...в одной из газет он поместил три своих стихотворения...* — Стихотворения Х.К.Эрстеда «Борьба», «Победа» и «Мир» были опубликованы в газете «Берлингске Тиденде» в апреле 1848 г.

С. 435. *...я пришел домой и написал песню...* — Речь идет о стихотворении Андерсена «Доброволец», опубликованном в газете «Фэдреландет» в мае 1848 г.

«Зазвучал пасхальный колокол» — первая строка стихотворения К.Плоуга, опубликованного в газете «Фэдреландет» в апреле 1848 г.

С. 439. *«Лепта вдовицы»* — см. примеч. к сказке «Всему свое место», с. 572.

С. 441. *«Две баронессы»...* — Работу над романом «Две баронессы» Андерсен завершил в июне 1848 г. Осенью 1848 г. роман был издан в Дании, Англии и Германии.

С. 442. *Восемнадцатого декабря отмечался столетний юбилей датского театра...* — В программу празднования столетнего юбилея датского театра 18 декабря 1848 г., помимо пролога «Данневирке искусства» — заголовок, в котором Андерсен использовал название древнего вала, защищавшего южные границы Дании, вошли комедия Хольберга «Комната роженицы» и первый акт балета А.Бурнонвиля «Старые воспоминания», на музыку Е.Хельстеда.

Даннеброг — название датского национального флага.

С. 443. *Якоб фон Тибо* — герой пьесы Хольберга «Якоб фон Тибо, или Хвастливый солдат» (1724).

С. 443. *«Свадьба на озере Камо»* — опера в трех актах, либретто Андерсена, музыка композитора Ф.Глэзера, поставленная в Королевском театре в январе 1849 г.

«Жизнь на Севере» (1849) — сочинение Ф.Бремер, посвященное главным образом описанию Дании.

С. 445. *«Путешествие в середине лета»* (1848) — путевые очерки Ф.Бремер появившиеся в датском переводе в 1849 г.

С. 448. *«Зунд сверкал, как меч стальной»...* — строки из стихотворения Андерсена «Три северных страны чествуют Адама Эленшлегера» (1841).

С. 450. *...сказки «Лен», «Гадкий утенок», «Мать», «Воротничок».* — Сказка Андерсена «Лен» была написана в апреле 1849 г., сказки «История матери» и «Воротничок» — в ноябре 1847 г., опубликованы в переводе на английский в Лондоне в декабре 1847 г.

...знаменитая фру Карлен... — Имеется в виду шведская романистка Эмилия Флюгаре-Карлен (1807—1892), урожденная Смит, в 1841 г. вышедшая замуж за писателя Й.Г.Карлена (1814—1875)

С. 452. *Данное мною обещание я попытался исполнить.* — Речь идет о книге путевых очерков Андерсена «По Швеции», увидевшей свет в 1851 г.

...произнес на местном диалекте «Историю одного далекарлийца». — Далерна (Далекарлия) — область в центральной части Швеции.

«Прекрасная страна» — стихотворение Эленшлегера, положенное на музыку Х.Э.Крюэром (1798—1879). Гимн Дании.

С. 453. *...известного поэмами «Ансгар» и «Ноев ковчег»...* — Фалькранц К.Э. (1790—1866) — шведский писатель. Историческая поэма «Ансгар» (1835—1846) и мифологический эпос «Ноев ковчег» (1825—1826) относятся к числу его лучших произведений.

«Глюнтарне» (1849—1851) — сборники дуэтов поэта и композитора Г.Веннерберга (1817—1901).

...с Аттербумом, автором «Цветов», поэтом, воспевшим «Остров блаженства». — Речь идет о стихотворном

цикле П.Д.А.Аттербума «Цветы» (1812) и сказочной пьесе «Остров блаженства» (1 и 2, 1824—1827).

С. 455. *...побег Густава Вазы от его врагов...* — Речь идет о восстании против датского короля Кристиана II в Далекарлии в 1520—1521 гг. Восстанием руководил шведский дворянин Густав Эрикссон. 6 июня 1523 г. шведский риксдаг избрал его главой государства под именем Густав I Васа (Ваза.)

С. 456. *Фрейр* — в скандинавской мифологии бог, олицетворяющий растительность, урожай, богатство и мир. Брат богини Фрейи.

С. 458. *В четвертом томе своего жизнеописания...* — Речь идет о «Воспоминаниях» Эленшлегера (тт. 1—4, 1850—1851).

С. 460. *...после чего рассказал сыну следующее...* — Рассказ графа Сальтса, который приводит далее Андерсен, исследователи относят к числу исторических анекдотов, не имеющих ничего общего с фактическими событиями.

С. 462. *...Карл Юхан с королевой Евгенией...* — Андерсен ошибся: имя супруги шведского короля Карла XIV Юхана (1763—1844) было не Евгения, а Десидерия (1777—1860).

С. 474. *...решено было сыграть трагедию «Ярл Хакон» и ту сцену из «Сократа», которую читали Эленшлегеру в день его смерти.* — Имеются в виду трагедии Эленшлегера «Ярл Хакон» (1805) и «Сократ» (1835).

С. 474. *«Умираюший поэт»* — стихотворение А.М.Л.Ламартина, переведенное на датский язык Б. фон Бесковым в 1829 г.

С. 475. *«Казино»* — См. примеч. к истории «Ключ от ворот», с. 599.

С. 477. *«Дороже жемчуга и злата»* (1849) — сказочная комедия Андерсена, созданная по мотивам пьесы Ф.Раймунда «Алмаз короля духов» (1824). В ее основу положена сказка из «Тысячи и одной ночи».

С. 477. *...автором «Сотни лет»...* — Имеется в виду Х.Херц, издавший в 1849 г. анонимно комедию «Сотня лет» о жизни театральной богемы.

«Оле Лукойе» — Сказочная комедия Андерсена «Оле Лукойе» была написана им вскоре после «Дороже жемчуга и злата» и поставлена в театре «Казино» в марте 1850 г.

С. 480. *...один писатель ...в соавторстве с молодым литератором...* — Имеются в виду писатель Э.Бёг (1822—1899) и литературный критик К.Арентсен (1823—1899), написавшие комедию «Более чем достаточно, или Оле Лукойе», в которой пародировалась сказочная пьеса Андерсена.

...в театре марионеток г-на Бучери. — Имеется в виду итальянский театральный художник А.Бучери, открывший в 1850 г. в Копенгагене кукольный театр.

С. 482. *...сказка «Капля воды»...* — Сказка Андерсена «Капля воды» была написана в начале ноября 1847 г.

«Дания — моя родина» — Стихотворение Андерсена, опубликованное в газете «Фэдреландет» в марте 1850 г.

С. 485. *«Полковник Лэссё»* — стихотворение Андерсена, опубликованное в газете «Фэдреландет» в июле 1850 г.

С. 486. *...написал песню в честь шведских и норвежских добровольцев.* — Речь идет о стихотворении Андерсена «Приветствие норвежским и шведским добровольцам, принимавшим участие в сражениях первых лет войны». Опубликовано в сборнике «Стихи и песни о родине в годы войны» (1850).

«Ганс Сакс» — драма немецкого драматурга Й.Л.Дайнхардштайна (1794—1859), в переводе Эленшлегера была поставлена на сцене Королевского театра в декабре 1830 г.

«Идут! Идут! Слышь, пушка палит!..» — Строки из стихотворения Андерсена «Возвращение солдата», опубликованного в газете «Фэдреландет» в феврале 1851 г.

С. 492. *«Цветы любила...»* — Строки из стихотворения Андерсена «Памяти Эммы Хартманн», опубликованного в газете «Фэдреландет» в марте 1851 г.

С. 494. *«Он был так добр...»* — Строки из стихотворения Андерсена «Памяти Х.К.Эрстеда», опубликованного в газете «Фэдреландет» в марте 1851 г.

С. 495. *«Разница, и большая»* — история Андерсена, написана в июне 1851 г.

Эленшлегер в своей стихотворной эпитафии королю увековечил этот памятный случай. — Имеется в виду стихотворение Эленшлегера «Памяти короля Кристиана VIII» (1848).

С. 496. *...с выведенным на нем четверостишием: «Солдату...»* — Имеется в виду стихотворение Андерсена

«Песнь, посвященная солдату на празднике в Глорупе 7 июля 1851 г.» (1851).

С. 503. *...Веймар поставил берлиозовского «Бенвенуто Челлини»...* — Речь идет о постановке оперы французского композитора Г.Берлиоза «Бенвенуто Челлини» (1838) в Веймаре в марте 1852 г.

...ибо главный герой был ей известен по «Бенвенуто» Гёте... — Имеются в виду мемуары итальянского скульптора, ювелира и писателя Б.Челлини (1500—1571), которые И.В.Гёте перевел на немецкий язык и издал отдельной книгой в 1803 г.

...целую книгу об операх Вагнера. — Речь идет о книге Ф.Листа «Оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин» и «Тангейзер» (1851).

С. 504. *«Под ивой»* — история Андерсена, написанная осенью 1852 г.

«Райские кущи» — сказка Андерсена, написанная в 1839 г.

С. 505. *...королю Людвигу...* — Имеется в виду Людвиг I, король Баварии (1825—1848.) В 1848 г. он отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана II (Макса), короля Баварии с 1848 по 1864 г.

С. 506. *«Бузинная матушка»* — сказка Андерсена, написанная в 1843 г.

С. 508. *...и дале мой путь пролегал по родине ауэрбаховских «Деревенских рассказов»...* — Имеются в виду «Шварцвальдские деревенские рассказы» Б.Ауэрбаха (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 331.)

...это был Кестнер, сын «Вертеровской» Лотты... — Речь идет о немецком писателе Августе Кестнере (1777—1853) и его матери, Шарлотте Кестнер (1753—1828), послужившей прототипом героини романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774).

С. 508. *...сказочная комедия «Бузинная матушка»...* — Сказочная комедия «Бузинная матушка» была написана Андерсена в июле 1851 г. Впервые поставлена в театре «Казино» в декабре 1851 г.

С. 510. *...оперу «Водяной»...* — Опера «Водяной» (либретто Андерсена, музыка композитора Ф.Глэзера) впервые была поставлена в Королевском театре в феврале 1853 г.

«Немая девушка» (1850) — крестьянский роман Ингеманна, получивший высокую оценку А.

С. 511. *«За бездорожьем пустошей...»* — Строки из стихотворения Андерсена «Силькеборг», опубликованного в сборнике «Альманак еллер Хускалендер» в ноябре 1853 г.

С. 512. *«К произведениям такого рода относятся «Поэзия и правда» Гёте, «Исповедь» Руссо и «Жизнеописание» Юнг-Штиллинга....»* — Речь идет об автобиографических сочинениях И.В.Гете «Поэзия и правда» (1811—1833), Ж.Ж.Руссо «Исповедь» (1782—1789) и Й.Х. Юнг-Штиллинга (1740—1817) «Жизнеописание» (I-VII, 1777—1817).

С. 515. *...от имени «четырех крупных и двенадцати мелких поэтов»...* — См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 79.

С. 516. *...ведь она оставила сцену...* — Из религиозных соображений Й.Линд в 1849 г. оставила оперную сцену и с тех пор выступала только в концертах.

...где находит свое счастье Виола. — Речь идет о комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (1600).

С. 517. *Роза С.* (1615—1673) — итальянский художник, автор религиозно- мифологических композиций, романтических пейзажей.

С. 518. *Вельфер, Гогенштауфер и Ширер* — представители германских княжеских родов и королевских династий.

С. 520. *...я упомянул «Саломона де Ко», «Роберта Фултона» и «Тихо Браге»...* — Речь идет о драме «Саломон де Ко» (1854) норвежского писателя А.Мунка (1811—1884), романе «Роберт Фултон» (1853) и драме «Юность Тихо Браге» (1852) датского писателя К.Хауха.

С. 521. *«Трое равных»* — название горы, расположенной неподалеку от Вартбурга.

Вальтер фон Фогельвейде (ок. 1160 — ок. 1230) — немецкий средневековый поэт. Генрих фон Офтердинген — немецкий поэт, имя которого сохранилось в средневековых легендах, герой незаконченного романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802).

С. 522. *...«Солнцеворот» Мозенталя...* — Речь идет о комедии немецкого драматурга С.Х.Мозенталя «Солнцеворот», которую Андерсен смотрел в Вене в 1854 г.

Бургтеатр — австрийский драматический театр, созданный в 1741 г. в Вене.

«Деревенская история» — комедия Андерсена, созданная на основе «Солнцеворота» Мозенталя, поставленная в январе 1855 г. в «Казино» и пользовавшаяся большим успехом.

С. 524. *...вошедшие в издание, прекрасно иллюстрированное В.Педерсеном...* — Издание сказок Андерсена (1849) вышло в свет с иллюстрациями датского художника В.Педерсена (1820—1859). В. Педерсен иллюстрировал также первые выпуски «Историй» Андерсена.

...под названием «Сны поэта наяву»... — Сборник историй Андерсена, изданный в 1853 г. в Англии, был озаглавлен «Сны поэта наяву».

С. 532. *...напоминает зверя, верхом на котором Данте и Вергилий пролетали через Ад...* — Имеется в виду трехголовое и трехтуловищное мифическое существо Герион, страж восьмого круга ада в «Божественной комедии» Данте.

«Брунгильда» (1858) — трагедия Э.Гейбеля.

«Коварство и любовь» (1784) — трагедия Ф. Шиллера.

С. 533. *...в нем были напечатаны портрет Гумбольдта как представителя науки...* — Имеется в виду портрет А.Гумбольдта (1769—1859), знаменитого немецкого ученого, географа и путешественника.

Эдгар Коллин (1836—1906) — журналист и театральный критик, внук Йонаса Коллина и племянник Эдварда Коллина.

С. 534. *Их фамилия «Ауфдермауэр» фигурирует в трагедии Шиллера «Вильгельм Телль»...* — Среди персонажей трагедии Ф.Шиллера «Вильгельм Телль» (1804) выступает швейцарский крестьянин Ханс Ауфдермауэр.

С. 536. *...в противоположность мнению и высказываниям Сибберна...* — Сибберн Ф.К. (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 177.) в письме Андерсену 16 сентября 1857 г. в связи с выходом в свет романа «Быть или не быть» охарактеризовал писателя как «гармоническую, лишенную внутренних противоречий поэтическую натуру».

С. 538. *«Быть или не быть»* (1857) — роман Андерсена, в котором он подверг резкой критике атеистическое мировоззрение.

Eritis sicut deus (Вы будете, как боги) — слова из первой Книги Моисеевой (3, 5.) Роман «Eritis sicut deus», изданный в 1845 г.

анонимно, принадлежал перу немецкой писательницы В.Ганц и был направлен против материализма и атеизма.

...получил от Ингеманна письмо, весьма характерное для него и его взглядов на данную тему. — Имеется в виду письмо Ингеманна Андерсену 2 января 1856 г.

...писал оттуда Ингеманну... — Имеется в виду письмо Андерсена Ингеманну 18 июня 1856 г.

Гуцков К. (1811—1878) — немецкий писатель, глава литературного движения «Молодая Германия». Драма Гуцкова «Элла Росе» была опубликована в 1856 г., эпопея «Рыцари духа» — в 1850—1852 гг.

С. 539. *...заканчивает свой роман «Крошка Доррит»...* — Роман Ч.Диккенса «Крошка Доррит» был завершен в 1857 г.

С. 541. *Ристори А.* (1821—1906) — знаменитая итальянская актриса, которую Андерсен видел в трагедии «Камма» итальянского драматурга Д.Монтанелли (1813—1862).

...присутствовал на премьере «Бури»... — Речь идет о постановке пьесы Шекспира «Буря» (1612) в июле 1857 г.

С. 542. *Романтическая драма «Замерзшая пучина»...* — Драма У.Коллинза «Замерзшая пучина» была поставлена в июле 1857 г.

С издателем юмористического журнала «Панч» м-ром Марком Лемоном... — Английский юмористический журнал «Панч» был основан в 1841 г. писателем М.Лемоном (1809—1870) и редактировался им почти 30 лет.

С. 542. *«Домашнее чтение»* — еженедельная газета, издававшаяся Ч.Диккенсом в 1850—1859 гг.

С. 543. *«Конец, конец, как и бывает со всеми историями!»* — заключительная фраза сказки Андерсена «Ель».

С. 548. *...когда критики возьмутся за Ваш «Блуждающий огонек»...* — Имеется в виду сказка Андерсена «Блуждающие огоньки в городе», написанная в июне 1865 г.

«Четыре рубина» (1849) — сказка Ингеманна, написанная под впечатлением о революции во Франции 1848 г.

С. 549. *Они обратились ко мне с просьбой прочесть в Союзе несколько моих сказок.* — Речь идет о Рабочем союзе — общественной организации, созданной в Копенгагене в 1853 г. для просветительской деятельности среди рабочих. Первое выступление Андерсена состоялось в нем не в 1858 г., как следует из его записей, а в 1860 г.

С. 552. *Орден Даннеброга* — Орденом «Серебряный крест Даннеброга» Андерсен был награжден 31 марта 1858 г.

С. 557. *...чтобы я прочел историю о Вальдемаре До и его дочерях...* — Имеется в виду история Андерсена «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях», написанная в 1858 г.

Воспоминания об этой поездке воплотились в «Историю, случившуюся в дюнах» и в очерк «Скаген»... — «История, случившаяся в дюнах» была написана Андерсеном в ноябре 1859 г. Очерк «Скаген» вышел в свет в декабре 1859 г. в альманахе «Фолькекалендер фор Данмарк».

Рыцарь Бюгге — см. примеч. к «Истории, случившейся в дюнах», с. 141.

С. 561. *«Епископ Бёрглумский и его родичи»* — история Андерсена, написанная в ноябре 1860 г.

С. 568. *...для аристофановских «Птиц»...* — Имеется в виду комедия Аристофана «Птицы» (414.)

С. 569. *...родилось у меня стихотворение «Ютландия»...* — Имеется в виду стихотворение Андерсена «Ютландия между двумя морями», впервые опубликованное в марте 1860 г. в газете «Иллюстререт Тиденде».

С. 570. *Бринк-Сайделин Л.К.* (1787—1865) — государственный чиновник, ведавший в 1815—1845 гг. сбором налогов в Ютландии. В 1828 г. издал сочинение «Описание амта Хьёрринг».

С. 574. *...возникла идея поставить памятник Х.К.Эрстеду...* — Памятник Х.К.Эрстеду работы скульптора Й.А.Йерихау был открыт в Копенгагене в 1876 г.

...так же как в свое время идея памятника Эленшлегеру... — Памятник Эленшлегеру работы скульптора Х.В.Биссена был открыт в Копенгагене в 1876 г.

С. 576. *...как, например, «Шакунтала»...* — Имеется в виду драма «Узнанная по кольцу Шакунтала» индийского поэта и драматурга Калидаса (перв. четв. 5 в..)

С. 578. *...закончил свою драму в стихах «Агнетта и Водяной».* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 123.

С. 582. *«Навозный жук», «Снеговик»* — сказки Андерсена, написанные в декабре 1860 г.

С. 584. *«Веселый парень»* — крестьянская повесть Б.Бьёрнсона, увидевшая свет в 1860 г.

«Психея» — сказка Андерсена, написанная в сентябре 1861 г.

С. 586. *Стори В.В.* (1819—1895) — американский скульптор и писатель, с которым Андерсен в 1861 г. познакомился в Риме.

Браунинг Э.Б. (1806—1861) — английская поэтесса, жена поэта Роберта Браунинга. Цитируемое Андерсеном стихотворение завершает сборник «Последние стихотворения», увидевший свет в 1862 г.

С. 588. *«Ледяная дева»* — история Андерсена, написанная в июне—августе 1861 г.

С. 590. *«Очаг погас — и тьма гнетет...»* — строки из стихотворения Андерсена «Памяти Йонаса Коллина», опубликованного в газете «Дагбладет» в сентябре 1861 г.

Как оказалось, со мной в экипаже сидела испанская танцовщица... — Речь идет об испанской танцовщице Пепите де Олива (1830—1868), которая приезжала в Копенгаген в 1858 и 1861 гг. и принимала участие в спектаклях в театре «Казино».

С. 591. *«Мотылек»* — сказка Андерсена, написанная в ноябре 1860 г.

«Улитка и розовый куст» — история Андерсена, написанная в мае 1861 г. после дискуссии с Йонасом Коллином, который заявил, что его двоюродный брат В.Древсен более одаренный писатель, нежели Б.Бьёрнсон.

С. 593. *...фантастическое сочинение Ингеманна «Оле Безымянный»...* — Имеется в виду сочинение Ингеманна «Дары Хульдры, или сказка жизни Оле Безымянного» (1831), подвергшееся резкой критике со стороны Х.К.Эрстеда за недоверие автора к научному знанию.

С. 598. *...сообщил, что иллюстрированное собрание моих сказок распродано и он хочет выпустить новое его издание...* — Речь идет о первом собрании иллюстрированных В.Педерсеном сказок Андерсена, которое вышло в свет в издательстве Рейцеля в 1849 г. (второе — в 1854 г.).

С. 601. *...в стихотворении, или же, вернее письме, поэту Кристиану Винтеру...* — стихотворение Андерсена «Письмо Кристиану Винтеру» было опубликовано в сборнике «Новые стихи датских поэтов» (1862).

С. 602. *«По Испании»* (1863) — книга путевых очерков Андерсена.

С. 604. *...была переведена на английский...* — Английское издание книги путевых очерков Андерсена «По Испании» увидело свет в 1864 г.

С. 605. *Альгамбра.* — см. примеч. к истории «Спустя тысячелетия», с. 582.

С. 606. *...прочитал «Альгамбру» Вашингтона Ирвинга...* — Речь идет о сборнике путевых очерков, рассказов, легенд В.Ирвинга «Альгамбра» (1832), переведенных на датский язык в 1860.

С. 610. *Легенду о доне Хуане Тенорио впервые воплотил в виде драматического действия испанский писатель Тирсо де Молина...* — Имеется в виду пьеса Тирсо де Молина (1571—1648) «Севильский озорник» (1630), первая известная литературная обработка легенды о Дон Жуане (Дон Хуан — *исп.*), послужившая источником для всех дальнейших обработок этого сюжета.

С. 612. «Я Господь, Бог твой, и да не будет у тебя других богов» — парафраз начала 20 гл. (2—3) Второй Книги Моисеевой (Исход.)

Арценбуш Х.Э. (1806—1880) — испанский писатель и литературовед немецкого происхождения. Его «Сказки и басни» увидели свет в 1861 г.

Герцог Ривас, Анхель де Сааведра (1791—1865) — крупнейший испанский писатель-романтик.

С. 613. *Сид.* — см. примеч. к истории «Спустя тысячелетия», с. 582.

С. 615. *...впервые услышал «Фауста» Гуно...* — Речь идет об опере французского композитора Ш.Гуно «Фауст» (1859). На сцене Королевского театра была поставлена в 1864 г.

С. 616. *Гиз Генрих* (1550—1588) — герцог, глава католической лиги во Франции и один из организаторов Варфоломеевской ночи, был убит по приказу короля Генриха III (1551—1589).

С. 617. *«Прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему...»* — Евангелие от Луки 11, 4.

С. 618. *Тидеман А.* (1814—1876) — норвежский художник, с 1845 г. живший в Германии. Его картину «Драка на крестьянской свадьбе» Андерсен видел на выставке в Дюссельдорфе в 1864 г.

С. 619. *«Он не родился»* — водевиль Андерсена, написанный в июле-августе 1863 г. Поставлен в Королевском театре в апреле 1864 г.

«На мосту Лангебро» — комедия Андерсена, написанная в ноябре-декабре 1863 г. Поставлена в театре «Казино» в марте 1864 г.

«Тихая любовь» — обработка народной сказки из сборника Музеуса «Немецкие народные сказки» (1782—1786).

С. 620. *«И скорбный глас раздался над страной...»* — стихотворение Андерсена, опубликованное 18 ноября 1863 г. в газете «Дагбладет».

С. 622. *«В утешение»* — стихотворение Андерсена, опубликованное 7 декабря 1863 г. в газете «Дагбладет».

С. 624. *«Бог унижает, чтоб возвысить вновь!»* — Первая строка стихотворения Андерсена «Дания», напечатанного в газете «Дагбладет» 9 апреля 1864 г.

С. 625. *«Горсть храбрецов, надеяся на Бога...»* — цитата из того же стихотворения Андерсена.

С. 625. *«Сможем ли мы снова петь во всю мочь...»* — строки из стихотворения Андерсена «Утешение в вере», опубликованного в газете «Иллюстререт Тиденде» 26 июня 1864 г.

С. 628. *...пятиактная опера «Савл».* — Либретто Андерсена к опере Хартманна «Савл» было написано Андерсеном в августе 1864 г.

...в присланной мне книге «Сигурд Злой»... — Речь идет о драматической трилогии Б.Бьёрнсона «Сигурд Злой» (1862).

С. 629. *«Когда здесь были испанцы»* — романтическая комедия Андерсена, поставленная в Королевском театре в 1865 г.

С. 631. *«Блуждающие огоньки в городе»* — сказка Андерсена, написанная летом 1865 г.

«Сокровище» и «В детской» — сказки Андерсена, написанные летом 1865 г.

«Как буря перевесила вывески» — сказка Андерсена, написанная летом 1865 г.

С. 641. *Прим Х.* (1814—1870) — испанский генерал, возглавивший в январе 1866 г. антиправительственный мятеж в Мадриде. Потерпев поражение, скрылся за границей.

С. 642. *...«Адам Хомо», «Свадьба Дриады» и «Смерть Авеля»...* — «Адам Хомо» — см. примеч. к «Сказке моей жиз-

ни», с. 79. Драматические поэмы «Свадьба Дриады» и «Смерть Авеля» увидели свет соответственно в 1844 и в 1845 гг.

С. 645. *...хотел посетить могилу несчастной королевы Матильды и замок, в котором она провела последние годы жизни.* — см. примеч. к истории «Книга крестного», с. 448.

С. 647. *«Творение»* — религиозная поэма нидерландского поэта тен Кате, опубликованная в 1866 г. и пользовавшаяся большим успехом.

С. 648. *...в это время он работал над большим романом «Плеяды».* — Речь идет о семитомном романе ван Леннепа «Приключения Класье Зевенстер» (1866).

С. 650. *...мейерберовская «Африканка»...* — Имеется в виду последняя опера композитора Д.Мейербера «Африканка» (1864), поставленная через год после смерти композитора в 1865 г.

С. 650. *«Дама из Ворденбурга»* — трагедия ван Леннепа, написанная в 1859 г.

С. 651. *«Элизабет»* (1860) — историческая драма итальянского драматурга Р.Джакометти (1816—1882).

С. 657. *Нильсон К.* (1843—1921) — знаменитая шведская певица.

...она пела партию Марты. — Речь идет об одноименной опере немецкого композитора Ф.Флотова (1812—1883).

С. 659. *...художник Лоренс Фрёлих...* — После смерти В.Педерсена Андерсен избрал иллюстратором своих сказок датского художника Л.Фрёлиха (1820—1908).

С. 665. *«Весна», «Эхо и нарцисс»* — имеются в виду стихотворение «Весна» (1822) и эпистолярная поэма «Письма Эхо к нарциссу» (1821) португальского поэта А.Ф.Кастильо (1800—1875).

С. 669. *...строки, которые посвятил Камоэнс Инес в одной из песен своих «Лузиад».* — Камоэнс Л. — см. примеч. к истории «Тернистый путь славы», с. 650. В третьей песне поэмы Камоэнса «Лузиады» рассказывается о несчастной Инес де Кастро, возлюбленной наследного принца, убитой вместе с детьми по приказанию короля, не одобрявшего любовную связь своего сына.

С. 675. *...милейшая дочь нашего короля принцесса Дагмар покидала Данию, отправляясь в Россию...* — Дочь датского ко-

роля Кристиана IX до перехода в православие носила имя Дагмар (1847—1928.) Была невестой цесаревича Николая Александровича, старшего брата Александра Александровича. После смерти (1865) своего жениха в 1866 г. вышла замуж за будущего Александра III и приняла имя Мария Федоровна.

С. 676. *Хёдт Ф.Л.* (1820—1885) — выдающийся датский актер, режиссер и писатель, впоследствии главный режиссер Королевского театра.

С. 677. *«Мост Лангебро»* — студенческая комедия Андерсена, поставленная в Студенческом обществе в 1837 г. «На мосту Лангебро» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 619.

Бёг Э. (1822—1899) — писатель и театральный режиссер.

«Хагбард и Сигне» (1815) — трагедия Эленшлегера.

«Апрельские шутки» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 246.

С. 680. *«На празднование серебряной свадьбы 26 мая 1867 г.»* — стихотворение Андерсена, написанное в Швейцарии и опубликованное в июне 1867 г. после возвращения на родину в газете «Иллюстререт Тиденде».

С. 682. *Она сообщила мне, что сейчас знакомится с русским изданием моих сказок...* — Речь идет, очевидно, о «Полном собрании сказок Андерсена» (1863) М.В.Трубниковой и Н.В.Стасовой.

С. 683. *Фурнель В.* (1829—1894) — французский журналист. Его очерк «Современная Дания. Этюды и воспоминания путешественника» увидел свет в 1867 г.

С. 684. *Шаль Ф.* (1798—1873) — французский литературный критик, специалист в области языков и литературы скандинавских стран.

С. 688. *«Колокольная бездна»* — сказка Андерсена, написанная в конце октября 1856 г.

С. 690. *...был построен городской оркестр, исполнивший мелодии моих песен «Гурре» и «Дания — моя родина».* — Речь идет о стихотворениях Андерсена «Гурре» (1842) и «Дания — моя родина» (1849), положенных на музыку Х.Рунгом.

Том четвертый
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
H.C. ANDERSENS LEVNEDSBOG

К работе над автобиографией Андерсен приступил в 1832 г., когда ему исполнилось 28 лет. Образцом для него послужили «Воспоминания» (Erindringer, 1—4, 1850—1851) Эленшлегера, первая часть которых «Жизнь» (Levnet) увидела свет в 1831 г. Андерсен прочитал ее в 1832 г., и, по его словам, она произвела на него огромное впечатление. Свою первую автобиографию Андерсен так и назвал «Мои воспоминания», заметив во Вступлении: «Я пишу здесь обо всем, что моя память сохранила о днях юности».

В 1833 г. Андерсен должен был отправиться в Италию. Предстоящее путешествие вызывало у него чувство тревоги. Андерсена преследовала мысль, будто ему суждено умереть вдали от родины. Поэтому он посчитал столь важным оставить после себя эти записи, из которых читатели смогли бы узнать о его детстве и юности. К тому же он описал в них историю создания своих сочинений, которые снискали ему славу одного из самых многообещающих молодых писателей Дании.

Перед поездкой Андерсен оставил рукопись на хранение Э.Коллину с условием опубликовать ее в случае его смерти. Почему после возвращения он так и не завершил работу над автобиографией, которую считал черновым вариантом, неизвестно. Вероятно, замысел нового произведения, романа «Импровизатор», настолько увлек Андерсена, что все остальное показалось ему несущественным. Как бы то ни было, но после возвращения в Копенгаген он забрал у Э.Коллина рукопись и спрятал ее в ящик письменного стола. С отдельными фрагментами автобиографии, как полагают исследователи, он познакомил французского писателя

и критика Х.Мармье, написавшего на их основе первое эссе об Андерсене «Жизнь поэта» (Une vie de poet, 1837). Впоследствии Андерсен подарил рукопись своему другу, писателю и библиофилу В.Х.Ф.Абрахамсону (1744—1812), после смерти которого вместе с другими рукописями из его коллекции она попала в Королевскую библиотеку. В 1924 г. ее случайно обнаружил литературовед Х.Брикс. В 1926 г. он издал рукопись, озаглавив ее «Жизнеописание Х.К.Андерсена». В настоящем издании атобиография публикуется под названием «Жизнеописание».

Перевод выполнен по изданию: H.C.Andersens Levnedsbog. Kobenhavn. 1962.

С. 9. *Мои бабушка и дедушка... имели зажиточное хозяйство...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 7.

...она предпочла его богатому винокуру... — Данное утверждение у биографов Андерсена подтверждения не нашло.

Но тут в городе скончался некий граф... — В «Сказке моей жизни» Андерсен называет имя этого графа — Трампе. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 5.

С. 12. *...о пребывании испанских войск в Оденсе* (1808 г.). — Речь идет о пребывании в Оденсе в 1808 г. франко-испанского вспомогательного корпуса под командованием французского маршала Ж.Б.Бернадота. (См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 9.)

Старый шут по имени Ханс Стру... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 9.

С. 13. *Рея* — в античной мифологии дочь Урана и Геи, сестра и супруга Кроноса.

С. 17. *«Тысяча и одна ночь»* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 6.

В то время в Оденсе выступало «Общество немецких актеров» Франка... — Речь идет о театральной труппе Франка Гёрбинга, директора театра в Оденсе.

...комедию Хольберга «Оловянщик-политикан» с положенным на музыку текстом... — Имеется в виду постановка комедии Хольберга «Оловянщик-политикан» (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 5), переработанной в водевиль, в театре Оденсе в январе 1810 г.

С. 18. *Висы* — песни.

С. 20. *...и он отправился с ними — добровольцем, простым солдатом...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 17.

С. 22. *Я поступил в школу для бедных...* — В школу для бедных направлялись дети, чьи родители не могли платить за их обучение. В «Сказке моей жизни» Андерсен назвает ее «школой для мальчиков» г-на Карстена. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 138.

...учитель нередко ругал меня за рассеянность... — Речь идет о К.Ф.Вельхавене. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 25.

С. 23. *...«Прядильные баллады» Бункефлода...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 19.

...мелодрама «Ариадна из Наксоса»... «Медея»... — Мелодрама «Ариадна из Наксоса» (1778) — одноактная пьеса И.К.Брандеса. «Медея» (1787) — одноактная пьеса Ф.В. фон Готтера. Обе пьесы были поставлены в Королевском театре соответственно в 1778 и 1787 гг.

«Любовь без чулок» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 49.

...послужила мне старая баллада «Пирам и Фисбе»... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 19.

С. 27. *...или о страстотерпице Елене...* — Речь идет, очевидно, о популярной в детские годы Андерсена «книге для народа» «Елене Константинопольской», впервые напечатанной в 1677 г. и неоднократно переиздававшейся.

...рассказывала о том, что ее бабушка происходила из знатного рода... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 11.

С. 29. *...брал у нее Шекспира в переводе Росенфельда...* — Пьесы Шекспира «Макбет» и «Король Лир» в переводе Н.Росенфельда были изданы в Дании в 1790—1792 гг. (См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 19). В «Сказке моей жизни» Андерсен пишет о том, что эти пьесы давала ему читать вдова священника Мария Бункефлод.

«Дева Дуная» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 15.

...в Оденсе прибыла труппа Касорти... — Театр пантомимы Д.Касорти (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 35) выступал с гастролями в Оденсе с декабря 1814 по февраль 1815 г.

С. 30. *«Герман фон Унна»* — см. примеч. к истории «Тетушка», с. 410.

С. 30. *...полковник Гульдберг...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 24.

С. 31. *...играл на большом дворе с принцем Фритцем...* — Имеется в виду принц Фредерик Карл Кристиан (Фредерик VII) (1808—1863), сын принца Кристиана Фредерика (позднее Кристиана VIII) (1786—1848).

...выгонял кошку из бочки... — см. примеч. к сказке «Двенадцать из почновой кареты», с. 157.

С. 31. *Позднее я познакомился с принцем Кристианом поближе.* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 24.

С. 32. *Кольбьёрнсены* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 47.

С. 33. *«Сандрильона»* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 28.

«Аземия» — водевиль французского композитора Д'Аларьяка. *«Аптекарь и доктор»* — водевиль Д. фон Диттерсдорфа. *«Земира и Азор»* — водевиль Ж.Ф.Мармонтеля на музыку А.Э.М.Гретри. *«Аксель и Вальборг»* (1808), *«Хакбарт и Сигне»* (1814) — трагедии Эленшлегера.

С. 34. *...в особенности это относится к Энхольму и Хааку.* — Л.П.Энхольм и А.К.В.Хаак — актеры Королевского театра.

С. 35. *...в труппе Веделя...* — Имеется в виду актерская труппа барона Фритса Веделя Ярлсберга (1757—1831), выступавшая в Оденсе в 1804—1806 гг.

«Заложенный крестьянский парень» (1726) — комедия Л.Хольберга.

С. 36. *...старый печатник Иверсен...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 28.

...танцовщица г-жа Шалль... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 28.

С. 41. *...и предъявив паспорт...* — Путевой паспорт в XIX в. в Дании требовался для пересечения внутренних датских проливов.

...начались еврейские погромы... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 31.

С. 43. *Бурнонвиль* — Бурнонвиль, Антуан (1760—1843). До 1823 г. — солист балета, с 1816 по 1829 г. — руководитель балетной труппы и школы Королевского театра.

Рабек — см. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 108 и примеч. к «Сказке моей жизни», с. 48.

Хольстейн — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 32.

С. 44. *«Поль и Виржиния»* — *см.* примеч. к «Сказке моей жизни», с. 33.

С. 46. *Сибони* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 34.

...Баггесен... Вайсе... — см. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 109 и с. 110.

С. 47. *«Любовь в деревне»* — опера датского композитора Ф.Л.Э.Кунцена (1761—1817), предшественника К.Э.Ф.Вайсе в создании оперных произведений на национальную тему.

С. 49. *Тут я еще вспомнил, что у моей матушки есть сводная сестра...* — Речь идет о второй дочери бабушки Андерсена по материнской линии. Она появилась на свет в 1778 г., в 1799 г. уехала в Копенгаген на заработки. После встречи с Андерсеном следы ее теряются.

С. 50. *Учитель Брун* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 35.

Ида Вульф — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 42.

С. 51. *...брат полковника...* — имеется в виду Ф.Хёг-Гульдберг, брат полковника К.Хёг-Гульдберга. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 24 и с. 38.

Кулау — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 38.

Линдгрен — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 41.

...со своим юным сыном... — Речь идет об Августе Бурнонвиле. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 155.

Дале́н — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 42.

С. 54. *...вспомнил юную даму, фрёкен Тёндерлунд...* — Речь идет о Ф.Л.Тёндер-Лунд. (См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 26.)

С. 55. *...свел знакомство со старой фру Кольбьёрнсен...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 47.

С. 56. *...госпожа Кретсмер...* — Кретсмер А.М. (1811—1889) — солистка балета Королевского театра.

...брал книги для чтения в библиотеке Й.К.Ланге... — Литератор Й.К.Ланге (1785—1850) в течение ряда лет содержал в Копенгагене платную библиотеку.

Панорама — здесь: ящик со стеклами, сквозь которые предметы внутри кажутся увеличенными и объемными.

С. 57. *Гэтхусет* — старинное здание в центре Копенгагена, в котором проводились праздничные мероприятия.

Бланкенстайнер — название торгового центра (по имени владельца), расположенного на одной из центральных улиц Копенгагена.

С. 58. *...что моя старая бабушка умерла...* — Бабушка Андерсена умерла 29 августа 1822 г.

«Гильза-копилка» — название дома для престарелых отставных моряков.

С. 61. *...физик Эрстед...* — см. примеч. к сказке «Калоши счастья», с. 164.

...учитель пения Кроссинг... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 46.

Фистер — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 273.

...девица Абрахамсен... — Абрахамсен Б.М. (1809—1839) — оперная певица.

С. 62. *«Два маленьких савояра»* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 42.

Балет «Нина» — «Нина или обезумевшая от любви» — балет В.Галеотти на музыку К.Шаля. Впервые поставлен в Королевском театре в 1802 г.

«Армида» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 43.

Ханне Пэтгес — Пэтгес — девичья фамилия Й.Л.Хейберг. См. «Сказка моей жизни», с. 43.

С. 63. *Корреджио* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 41.

С. 64. *Бентциен* — см. примеч. к « Сказке моей жизни «, с. 42.

Коллин. — Речь идет о Йонасе Коллине. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 52.

В только что вышедшем номере «Голубиной почты» Розенкильде... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 49.

С. 65. *«Лесная часовня»* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 49.

Фру Рабек — см. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 108.

Эленшлегер — см. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 108.

Ингеманн — см. примеч. к сказке «Жемчужная ниточка», с. 110.

Профессор Тиле — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 48.

Мёль Н.К. (1798—1830) — профессор медицины. В студенческие годы он дружил с Тиле и проживал вместе с ним в доме Рабека.

Г-жа Андерсен — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 48.

С. 66. *Грундтвиг* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 242.

Ольсен Х. (1760—1829) — член дирекции Королевского театра с 1811 г.

...в качестве сюжета избрал датскую народную легенду о разбойниках в Виссенберге. — Сюжет для трагедии «Разбойники в Виссенберге» (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 50) Андерсен почерпнул из «Датских народных преданий» Тиле.

Подобно Шиллеру, я тоже решил дебютировать драмой о разбойниках... — Имеется в виду юношеская драма Шиллера «Разбойники» (1781).

С. 68. *«Иоганна Монфокон», «Зурама и Зульнар», «Ланасса».* — «Иоганна фон Монфокон» — см. примеч. к истории «Кукольник», с. 177. «Зурама и Зульнар» — опера Ф.А.Бойельдьё, впервые поставленная в Королевском театре в 1821 г. «Ланасса» — опера С. Маура, впервые поставленная в Королевском театре в 1821 г.

С. 70. *«Рольф Синяя Борода»* (1808) — балет В. Галеотти.

С. 71. *«Сбор винограда», «Два гренадера».* — «Сбор винограда» — опера Ф.Л.Э.Кунцена, впервые поставленная в Королевском театре в 1796 г. «Два гренадера» — комедия французского драматурга Ж.Патра. В сентябре 1821 г. Андерсен обратился в дирекцию Королевского театра с просьбой участвовать в постановке этих пьес, но получил отказ.

С. 72. *С матерью Урбана Юргенсена...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 48.

«Солнце эльфов» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 51.

С. 73. *...пробст Гутфельдт...* — Имеется в виду Гутфельдт Ф.К. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 36.

«Эдинбургская темница» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 405.

С. 74. *...командор Вульф...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 51. Командор — воинское звание (капитан первого

ранга.) На самом деле звание командора было присвоено П.Вульфу в 1834 г., а адмирала — в 1840 г.

Сайделин А. (1777—1840) — владелец типографии в Копенгагене.

Профт Х.К.Г. (1795—1827) — литератор, опубликовавший в газете «Даген» первую рецензию на сочинение Андерсена.

С. 76. *Эдвард* — имеется в виду Эдвард Коллин. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 102.

Мейслинг — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 54.

Я назвал книгу «Юношеские опыты»... — сборник сочинений Андерсена. «Юношеские опыты. Произведения Вильяма Кристиана Вальтера», в который вошли «Пролог в стихах», пьеса «Солнце эльфов», а также новелла в духе В.Скотта «Привидения на могиле Пальнатоке», вышел в свет в 1822 г.

С. 79. *Библиотека Бастхольма* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 56.

С. 80. *Фогт* — судья.

Сниткер Й.П. (1770—1847) — преподаватель латыни, датского языка и правописания в школе Слагельсе.

С. 82. *Мёллер Й.* (1779—1833) — преподаватель в школе Слагельсе.

Росенкильде К.Н. (1786—1861) — актер Королевского театра.

Квистгор — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 61.

С. 83. *Андерсен К.П.* (1785—1853) — преподаватель истории, географии и немецкого языка в школе Слагельсе.

С. 84. *Молинаски* — название танца, популярного в Дании в начале XIX в.

«Не верь ему...» — ария Эльвиры из оперы Моцарта «Дон Жуан» (1787).

С. 85. *...стихотворение — на смерть Гутфельдта...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 52.

С. 86. *Франкенау* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 57.

...стихотворение под названием «Моей матери»... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 71.

С. 90. *Супруга же командора Вульфа...* — имеется в виду Хенриетта Вульф. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 71.

С. 91. *...к замку Антворсков...* — Антворсков — замок в Слагельсе, построенный на месте средневекового монастыря.

...призрак язвительно назовет меня... — Речь идет о писателе Херце (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 96), которого Андерсен называет «призраком», намекая на его анонимно изданные «Письма с того света».

С. 93. *Баллинг Й.* (1773—1829) — заведующий торговым складом в Слагельсе. С его вдовой и невесткой Андерсен сохранял отношения до последних дней жизни.

С. 94. *Сольдин Х.* (1763—1843) — известный копенгагенский букинист.

...гимны Шульца... — среди музыкальных произведений композитора Шульца (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 65) особым успехом пользовались церковные гимны, написанные на слова поэта Э.Сторма.

...и я решил сделать его героем романа... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 84.

С. 95. *...который тогда как раз закончил своего «Вальдемара»...* — Имеется в виду поэма Ингеманна «Вальдемар Великий и его дружина» (1824).

...учебник Крога Мейера... — имеется в виду «Учебник по христианской религии и этике» (1818) для учащихся старших классов профессора теологии Копенгагенского университета П.К.Мейера (1779—1819).

...поэтический экспромт «Душа»... — *см.* примеч. к «Сказке моей жизни», с. 71.

Карл Баггер... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 64.

С. 96. *...труппа Бигума...* — имеется в виду возглавляемая (с 1825 г.) актером П.Л.Бигумом (1800—1828) провинциальная актерская труппа.

Я смотрел «Разбойников» Шиллера... — Речь идет о трагедии Ф.Шиллера «Разбойники» (1781), поставленной в драматическом театре Слагельсе труппой Р.Л.Бигума в сентябре 1825 г.

С. 99. *«Испытание огнем»* — комедия А.Коцебу.

С. 102. *...а пелась она на мотив «Я невзначай попал сюда»...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 65.

С. 104. *Позднее я выразил эти мои ощущения в «Месяце июне»...* — Речь идет о стихотворении Андерсена «Месяц

июнь», опубликованном в сборнике «Двенадцать месяцев года» (1832).

«Докторская лавка» — отделение для престарелых женщин в больнице Оденсе.

С. 108. *«Бог и Баядера»* — комическая опера французского композитора Д.Ф.Е. Обера (1782—1871).

С. 109. *Вильт Й.* (1782—1836) — автор романов ужасов.

С. 112. *«Актер поневоле»* — комедия А.Коцебу, впервые поставленная в Королевском тетре в 1809 г.

Стал командор-капитаном... — звание командор-капитана (капитана второго ранга) было присвоено П.Вульфу в 1825 г., а до этого, в 1824 г., он был назначен начальником академии (Морского кадетского корпуса).

С. 113. *Разве я не Аладдин...* — Имеется в виду герой романтической драмы Эленшлегера «Аладдин, или Волшебная лампа» (1805).

С. 114. *Состоялась премьера «Царя Соломона»...* — Речь идет о первом водевиле Й.Л.Хейберга «Царь Соломон и Йорген-шапочник», с успехом поставленном в Королевском театре в 1825 г.

Ингеборг, Эдвард, Луиза... — дети Й.Коллина: Ингеборг (1804—1877), Луиза (1813—1898), Готтлиб (1806—1885), Эдвард (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 102), Теодор (1815—1902).

...Йоханнес... — Йоханнес Эленшлегер (1813—1874) — старший сын Эленшлегера.

Я прочитал ему еще и мое небольшое стихотворение «Душа»... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 71.

...старый профессор Нюеруп... — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 41.

С. 115. *...некая фрёкен Шубо...* — Речь идет о Ю. ди Шубо (1813—1911), племяннице невестки адмирала Вульфа.

С. 117. *...фрёкен Вульф (Ида)...* — Речь идет о младшей дочери адмирала Вульфа, Иде (1806—1876).

С. 118. *«Уильям Шекспир»* — романтическая драма К.Й.Бойе (1791—1853), впервые поставленная в Королевском театре в 1826 г.

С. 121. *Тёксен Блок Й.К.* (1776—1848) — датский литератор, сотрудник ж. «Корсар» (см. примеч. к «Сказке моей жизни»,

с. 97), подвергший резкой критике учебное пособие Мейслинга по мировой литературе «Мимы, или Краткий курс литературы на десяти языках» (1822).

...искал мамону даже на дне самого грязного отстойника. Он имел в виду тебя! — Отец фру Мейслинг, П.М.Яруп (ок. 1758—1819), занимался винокурением.

С. 123. *...родной город Кинго...* — Кинго Т. — см. примечания к истории «Альбом Крестного», с. 444. Кинго родился в г. Слангерупе.

Фредериксборг — см. примеч. к истории «Ключ от ворот», с. 599.

С. 124. *Это случилось в самый день помолвки принца Фритца и Вильхельмины.* — Помолвка принца Фритса (См. примеч. к с. 15) и дочери Фредерика VI Вильхельмины (1808—1891) состоялась 28 мая 1826 г.

С. 125. *...опубликовал бо́льшую часть в «Копенгагенских зарисовках»... — см.* примеч. к «Сказке моей жизни», с. 68.

Скёрринг Кр. (1774—1828) — отставной офицер, с 1815 г. старший преподаватель в школе Хельсингёра.

С. 130. *«Датская нива»* — патриотическое стихотворение Ингеманна, положенное на музыку композитором К.Э.Ф.Вайсе.

«Проснитесь же, ради Бога, проснитесь, дорогой Андерсен!..» — Цитата из письма Х.Вульф, адресованного Андерсену и датированного 4 января 1827 г.

С. 131. *«Как странно, дорогой Андерсен, несколько дней назад Вы приснились мне...»* — цитата из письма Х.Вульф, адресованного Андерсену и датированного 31 октября 1826 г.

С. 133. *...описал свои тогдашние чувства в небольшом стихотворении «Умирающее дитя»...* — стихотворение Андерсена «Умирающее дитя» было написано в Хельсингёре в сентябре 1826 г.

С. 134. *...«Мешок стихотворений» звонаря Хеегора...* — В 1824 г. звонарь и псаломщик собора в г. Вибрге Т.В.Хеегор (1781—1831) издал сборник юмористических стихотворений «Мешок поэзии, полный едкого смеха», однако комический эффект, как отмечают исследователи, вызывало у читателей не содержание произведений сборника, а художественная беспомощность автора.

Сольдин — см. примеч. к с. 65.

С. 136. *«Остров в Южном море»* — роман Эленшлегера, увидевший свет в 1825 г.

...известный Ларс Баке... — Паромщик из Хельсингёра Ларс Баке (1771—1809) во времена наполеоновских войн прославился как отважный участник морских сражений.

Шлей Л. (1798—1859) — немецкий писатель и переводчик. В 1825 г. перевел со шведского на немецкий язык романтическую поэму Э.Тегнера «Аксель», а в 1827 г. — «Сагу о Фритьофе».

С. 137. *Верлин* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 73.

С. 139. *Мюллер* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 73.

«Вечер» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 73.

С. 140. *...отправил милой отзывчивой Йетте...* — Речь идет о Хенриетте (Йетте) Вульф. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с.75.

«Хагбарт и Сигне» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 109.

С. 146. *Ольсен* — см. примеч. к с. 44.

С. 147. *Руддельбак и Линдберг...* — Речь идет об идейных сподвижниках Н.Ф.С.Грундтвига, теологах Й.К.Линдберге (1797—1857) и А.Г.Руддельбаке (1792—1862).

Квистгор — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 61.

С. 149. *Герсон Н.* (1802—1865) — выдающийся датский пианист.

С. 150. *...воспетый мной «поэтический бес»...* — Имеется в виду персонаж стихотворения Андерсена «Поэтический бес». Стихотворение впервые было опубликовано в «Кюбенхавнс флювенде пост» в 1828 г. и вошло в поэтический сборник «Стихотворения» (1830).

...готов был швырнуть в его рожу чернильницу... — Намек на легенду, согласно которой Лютер запустил чернильницей в появившегося перед ним черта.

С. 151. *Вебер* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 282.

С. 152. *Мюллер Л.* (1809—1891) — известный датский специалист в области нумизматики.

Карл Баггер — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 64.

Фриц (Фредерик) Пети — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 64. Поэтический сборник Пети «Стихотворения первокурсника» был издан в 1832 г.

С. 154. *«Музыкант, ударь по струнам!»* — стихотворение Андерсена «Музыкант, ударь по струнам!» впервые было напечатано в 1831 г. в «Кюбенхавнс постен» и вошло в его поэтический сборник «Двенадцать месяцев года».

С. 155. *«Летучая почта Копенгагена»* — знаменитый литературно-критический журнал Й.Л.Хейберга. (См. примеч. к истории «Книга крестного», с. 423.)

«Вечер» и «Ужасный час» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 75.

...созрел замысел «Прогулки на Амагер»... — Романтическая фантазия Андерсена «Прогулка от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер» была написана в 1829 г.

С. 157. *В тот год пост ректора занимал Эленшлегер...* — В 1828 г. Эленшлегер был деканом философского факультета Копенгагенского университета и в этом качестве осуществлял набор студентов. Ректором Копенгагенского университета в это время был профессор юридического факультета Й.П.Шлегель (1765—1836).

Арнесен А. Л. (1808—1860) — датский писатель. Его водевиль «Интрига в театре забав» был поставлен в Королевском театре в 1828 г.

С. 158. *Шмидтен Х.К. фон* (1799—1831) — математик, профессор Копенгагенского университета.

С. 160. *...«Отрывок из "Прогулки"»...* — Отрывок из «Прогулки от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагера» Андерсена был напечатан в журнале «Летучая почта Копенгагена» в 1828 г. Полностью романтическая фантазия Андерсена «Прогулки от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагера» вышла в свет в издательстве С.А.Рейцеля в 1829 г.

С. 161. *Хаух К.* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 96.

...его недавно вышедший «Дон Жуан»... — Драма К. Хауха «Дон Жуан» была опубликована в 1828 г.

С. 162. *«Любовь на башне Св. Николая, или Что скажет партер»* — водевиль Андерсена, написанный в 1828 г. и поставленный в Королевском театре в 1829 г. В нем Андерсен пародировал высокий стиль трагедий Эленшлегера.

С. 163. *Рюге Й.К.* (1780—1842) — актер Королевского театра.

С. 164. *Вексхаль А.* (1803—1856) — актриса Королевского театра, исполнительница ролей героинь в трагедиях Эленшлегера.

Давид К.Н. (1793—1874) — экономист и литературный критик, автор рецензии на водевиль Андерсена «Любовь на башне Св. Николая, или Что скажет партер», опубликованной в первом номере журнала «Монедскрифт фор литератур» за 1829 г.

...играла девица Вульф... — *см.* примеч. к «Сказке моей жизни», с. 42.

С. 165. *«Путешествие» Мольбека...* — Речь идет о путевых очерков «Путешествия по родной стране в юности» (1811) К.Мольбека. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 83.

...навестил сестру фрёкен Тёндерлунд... — Речь идет о Ф.Л.Тёндер-Лунд. (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 26.)

С. 166. *Лассен Ф. К.* (1751—1831) — священник в Сэбю, прославившийся своим гостеприимством.

...когда казнили Струенсе и Брандта... — Струенсе И. (1737—1772) — кабинет-министр при дворе душевнобольного короля Кристиана VII. Пытался провести радикальные политические реформы в Дании. Вместе со своим приверженцем графом Э.Брандтом (1838—1772) был в результате заговора арестован и казнен.

Торлакиус Б. (1775—1829) — профессор, декан философского факультета.

С. 168. *В конце 1829 года я издал томик «Стихотворений»...* — Здесь Андерсен не точен: сборник «Стихотворения» вышел в свет 2 января 1830 г.

...в *недавно вышедшей «Вавилонской башне»...* — Комедия Хауха «Вавилонская башня в миниатюре. Опыт создания комедии в аристофановском духе» вышла в свет в 1830 г.

С. 170. *Халль П.Т.* (1802—1864) — теолог, лиценциат с 1828 г., пробовавший свои силы в литературе и литературной критике.

Лэссё М.Ю.С. — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 102.

С. 172. *Бликер С.С.* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 83.

С. 173. *...где меня сразу же навестили Эльмквист и Гульдберг...* — Эльмквист А.Ф. (1788—1868) — журналист, Хёг-Гульдберг Ю. (1779—1861) — полковник, брат Фредерика и Кристиарна Хёг-Гульдбергов. (См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 38.)

«Откровения Иоанна Богослова» — одна из частей Нового Завета, по церковной традиции, написанная любимым учеником Иисуса Христа Иоанном.

С. 174. *Симонсен Л.С.В.* (1780—1858) — историк, к которому Андерсен обращался за консультациями во время работы над незавершенным романом «Карлик Кристиана II».

С. 175. *«Фантазии и наброски»* — поэтический сборник Андерсена, увидевший свет в 1831 г.

Блок Й. (ок. 1760—1830) — епископ в Виборге. Письмо, о котором упоминает Андерсен, не сохранилось.

С. 176. *...включить в роман эпизоды, связанные с графской распрей.* — Речь идет о гражданской войне в Дании 1534—1536 гг., вызванной попыткой Кристиана II (см. примеч. к истории Андерсена «Тернистый путь славы», с. 651) вернуть себе датско-норвежский престол.

...мне был известен один студент, проживавший в городе... — Имеется в виду К.Войт (1809—1888) — студент-теолог, впоследствии торговец.

С. 178. *...узнал своего первого школьного учителя...* — Речь идет о К.Ф.Вельхавене. См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 25.

...что в семье замечательные дети... — В семействе Войтов было пятеро детей: две старшие дочери Риборг (1806 г.р.) и Фредерикке (1807 г.р.), сыновья Кристиан (1809 г.р.) и Йохан Петер (1810 г.р.) и младшая дочь Лаура (1817 г.р.).

С. 181. *...в особенности старшей дочери...* — Имеется в виду Риборг Войт (1806—1883), которой к моменту встречи с Андерсеном исполнилось 24 года.

С. 182. *...влюблена в сына аптекаря...* — Имеется в виду П.Я.Бювинг (1799—1885), студент, лесовод.

С. 185. *«К читательницам» и «Ненастная погода».* — Стихотворение «К читательницам» впервые было опубликовано в «Летучей почте Копенгагена» в 1830. Стихотворение «Ненастная погода» — в «Копенгагенской почте» в 1829 г.

С. 186. *«Похититель сердец» и «Газетенка».* — стихотворения «Похититель сердец» и «Газетенка» впервые были опубликованы в поэтическом сборнике Андерсена «Фантазии и наброски».

С. 187 *...написал либретто по мотивам «Вóрона» Гоцци...* — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 92.

Хартманн Й.П.Э. — см. примеч. к истории «Книга крестного», с. 448.

Бредаль И.Ф. — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 92.

...новый сборник стихов... — Имеется в виду сборник стихов «Фантазии и наброски».

С. 188. *«Сын пустыни»* — стихотворение «Сын пустыни» впервые было опубликовано в сборнике «Фантазии и наброски».

«Ламмермурская невеста» — см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 92.

С. 190. *«Стихотворения Уланда»* — речь идет о лирических произведениях немецкого поэта-романтика Уланда (см. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 289), издававшихся в Дании, начиная с 1815 г., неоднократно, в том числе и его балладе «Проклятие певца» (1814).

С. 194. *«Кристен и Кристине»* — одноактная опера Ж.Дюпэна на либретто О.Э.Скриба «Кристен и Кристине» была поставлена в Королевском театре в 1830 г.

С. 195. *«Два дня»* — опера Л. Керубини, впервые поставленная в Королевском театре в 1803 г.

С. 198. *«Жизнь есть сон»* — стихотворение Андерсена, опубликованное в его поэтическом сборнике «Фантазии и наброски».

«Дух воздуха», «Пейзаж западного побережья Ютландии» — стихотворения Андерсена, опубликованные в его поэтическом сборнике «Фантазии и наброски».

Пассаж с латинской грамматикой... — Речь идет о стихотворении Андерсена «Прекрасная грамматика», опубликованном в сборнике «Фантазии и наброски».

Впрочем, в отличие от нового призрака... — Речь, по всей видимости, вновь идет о писателе Х.Херце. (См. примеч. к «Сказке моей жизни», с. 96.)

...«Альфы» Тика... — Речь идет о сказке Л.Тика «Альфы» (1812). Сказка была переведена на датский язык Эленшлегером в 1816 г.

«Чужая птица», «Корабль поэта» и «Музыкант» — стихотворения Андерсена, опубликованные в сборнике «Фантазии и наброски».

Содержание

От автора 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 39

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 77

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 143

ЧАСТЬ ПЯТАЯ 179

ПРИМЕЧАНИЯ 201

Литературно-художественное издание

АНДЕРСЕН
Ханс Кристиан
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Редактор
А.Г.Николаевская

Младший редактор
Д.З.Хасанова

Художественный редактор
Т.Н.Костерина

Оператор компьютерной верстки
А.В.Кузьмин

Оператор компьютерной верстки,
переплета и блока иллюстраций
Е.В.Мелентьева

Корректоры
С.В.Цыганова

Подписано в печать 30.09.2005
Формат 60x90/16
Тираж 3 000 экз.
Заказ № 2212.

ЗАО «Вагриус»
107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1

Отпечатано в ОАО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр-т Ленина, 109.

ВАГРИУС

ISBN 5-9697-0030-4

9 785969 700307